

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ А. М. МИНАСЯН

А. М. МИНАСЯН

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

1

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
РОСТОВСКИЙ ИНЖЕНЕРНО-СТРОИТЕЛЬНЫЙ
ИНСТИТУТ

А. М. МИНАСЯН

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

(курс лекций, прочитанный аспирантам)

Ростов-на-Дону
1972

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
КАНДИДАТ ФИЛОСОФСКИХ НАУК
В. П. КОХАНОВСКИЙ

В «КАПИТАЛЕ» ПРИМЕНЕНА К ОДНОЙ НАУКЕ ЛОГИКА, ДИАЛЕКТИКА И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ (НЕ НАДО 3-х СЛОВ: ЭТО ОДНО И ТО ЖЕ) МАТЕРИАЛИЗМА.

ДИАЛЕКТИКА И ЕСТЬ ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ (ГЕГЕЛЯ И) МАРКСИЗМА; ВОТ НА КАКУЮ «СТОРОНУ» ДЕЛА (ЭТО НЕ «СТОРОНА» ДЕЛА, А СУТЬ ДЕЛА) НЕ ОБРАТИЛ ВНИМАНИЯ ПЛЕХАНОВ, НЕ ГОВОРЯ УЖЕ О ДРУГИХ МАРКСИСТАХ.

В. И. ЛЕНИН.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Задача предлагаемой вниманию читателя книги, в основу которой положен курс лекций, прочитанный аспирантам, изложить марксистско-ленинскую философию — диалектический материализм, как теорию познания, как Логику, как систему субординированных категорий, поскольку такая проблема все еще не решена¹.

За последнее время, особенно после XX съезда КПСС, советская философская мысль достигла важных успехов. Она значительно обогатилась, в особенности в связи с такими знаменательными событиями, как 50-летие Советской власти, 100-летие со дня выхода в свет I тома «Капитала» К. Маркса, 150-летия со дня рождения К. Маркса и Ф. Энгельса, 100-летие со дня рождения В. И. Ленина, XXIV съезд КПСС. Небывалая ранее интенсивность научных исследований, издание большого количества учебников, монографий, брошюр, ученых записок и т. д., возрастающая тяга к углубленному изучению философии у широких масс трудящихся, а также творческое применение этих знаний к развитию наук и практики — вот чем характеризуется ныне философская жизнь страны.

Однако наши успехи в области философии были бы еще значительнее, если бы более последовательно и решительно проводилось в жизнь марксистско-ленинское понимание диалектики как Логики, теории познания. В

¹ Определенный вклад в решение этой задачи внесли работы Е. П. Ситковского, А. Х. Касымжанова, П. В. Копнина, Э. В. Ильенкова, З. М. Оруджева, А. П. Шептулина, В. С. Лутая и других философов.

этом отношении не все сделано и в этом главный недостаток. Последний лежит в основе следующего своеобразного положения: с одной стороны непрерывный рост количества издаваемых трудов, защищаемых диссертаций по философии, с другой — *отставание* от этого роста их качества, недостаточно высокая их профессиональная (собственно философская) культура. Иными словами, процесс в целом характеризуется преобладанием движения вширь над движением вглубь. Это своеобразие подчас проявляется в нивелировке философской специфики, в облегченном, точнее упрощенном отношении к философии. Нередко книга или диссертация выдается за философский труд, когда в ней по существу нет ничего философского.

Возможно, было время, когда сведение диалектики к «сумме примеров» или к принципам частных наук и было оправдано обстоятельствами, ибо прежде чем овладеть диалектикой как наукой, надо было познакомиться с ее внешними проявлениями. Однако *истинность диалектики не доказывается примерами*, к тому же сколько еще времени и сколько раз нужно «доказывать» ее с помощью примеров из разных наук? В наше время — в эпоху великой научно-технической революции и бурных социальных процессов — настоятельно необходима как самой этой революции, так и развитию всех частных наук и практике не «сумма примеров», а Логика (с большой буквы), теоретически развитое, системное изложение диалектики.

Необходимость разработки, развития диалектического материализма как диалектико-материалистической логики и теории познания марксизма обусловлена прежде всего потребностями самой философской мысли, ибо *другого пути ее развития не существует*. Вместе с тем только марксистская диалектика, понимаемая как Логика, соответствует современному уровню науки и практики и потребностям их развития, современному уровню научно-технической культуры. Только она является могучим идейным орудием глубоких прогрессивных изменений всех сфер современной общественной жизни.

Бурное развитие общественной практики и наук в наше время не только дает богатейший материал для философского осмысления, но и в известной степени опережает развитие философской мысли. Это и понятно.

Во-первых, практика всегда богаче и выше теоретического познания, ибо, по выражению В. И. Ленина, она имеет достоинство не только всеобщности, но и непосредственной действительности; во-вторых, философское мышление в силу природы познания не всегда успевает за множеством новых явлений открыть их внутреннее тождество, сущность и выражать в соответствующих конкретных понятиях; в-третьих, добытые им результаты не всегда возможно, к тому же немедленно, тотчас же проверять на практике, поскольку критерий практики диалектичен, т. е. одновременно относителен и абсолютен. Следовательно, важное значение приобретает научный, логический критерий истины дополняющий основной, практический критерий; в-четвертых, добытые истины по разным причинам не всегда принимаются даже отдельными марксистами, которые имели в прошлом заслуги перед коммунистическим движением, но которые ныне отходят в сторону от марксистской диалектики, подменяют диалектическую логику формальной, диалектику — софистикой.

Чтобы марксистско-ленинская философия выполняла свою роль в жизни общества, она должна диалектически обрабатывать историю науки, техники, практики, должна стать диалектическим воспроизведением в мысли всеобщих закономерностей развития действительности, т. е. диалектической логикой. Такова задача. Эту ответственную и сложную задачу нельзя решить, не овладев тем богатством знаний, которое накоплено в истории развития философии и наук, в частности, — не овладев богатством таких выдающихся произведений человеческой мысли, как «Наука логики» Гегеля, «Капитал» К. Маркса, «Философские тетради» В. И. Ленина.

В нашей стране ныне имеются объективные и субъективные условия для того, чтобы выполнить эту задачу. Выше поднять собственную философскую культуру, более решительно объединять свои усилия в обострившейся идеологической борьбе против современной буржуазной философии и идеологии ревизионизма, более всесторонне и последовательно проводить принцип коммунистической партийности, что, разумеется, возможно только на уровне современных научных знаний, — таков наш долг. Можно заявить со всей определенностью, что, если мы, советские философы, все еще полностью не исполь-

зовали созданных партией благоприятных возможностей для полнокровного развития философской мысли, то в этом винить некого, кроме самих себя, ибо ныне не существует никаких объективных причин, которые могли бы оправдать наши серьезные недостатки. В каком состоянии находится наша философская наука, каковы ее успехи и недостатки, в какой степени она отвечает требованиям практики коммунистического строительства и развития наук — во всем этом ответственны перед партией и народом мы, философы, и только мы.

Как автор книги справился с поставленной задачей — лучше всего скажет читатель. Поскольку в книге затрагиваются спорные вопросы, ей не миновать критики. Автор заранее признателен за научную критику.

ОСНОВНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ МАТЕРИАЛИЗМА И ДИАЛЕКТИКИ

Человеческое общество есть естественно-исторический единый процесс взаимопроникающих и взаимопревращающихся своих сторон — *общественного бытия* (материальной деятельности людей) и *общественного сознания* (духовной деятельности людей). В этом единстве общественное бытие первично, является основой, объективным источником общественного сознания, а последнее вторично и является его отражением.

Поскольку общественное бытие многосторонне, конкретно, есть единство многообразного, оно имеет свои различные качественно отличающиеся друг от друга стороны, отражение которых также имеет соответствующие им стороны или формы. Общественное сознание есть не что иное, как то же самое общественное бытие, пересаженное в голову общественно-исторического человека и преобразованное в ней. Следовательно, сторонам общественного бытия соответствуют определенные формы общественного сознания.

Каждое явление возникает не на пустом месте, а из своих предпосылок, начинает свою жизнь, становится самим собой, обогащается, конкретизируется, проходит фазы, уровни своей эволюции. Однако всякое начало пусто, бедно содержанием, оно есть лишь тенденция, направление к накоплению своего содержания. То же самое относится к общественному сознанию. Последнее есть процесс — оно возникло и прошло определенные фазы развития. На первом этапе, как и всякое начало, оно было бедно содержанием и выступало как нерасчлененное целое, непосредственно вплетенное в материальное производство.

Поскольку начало есть процесс, то это «чисто стадное» или племенное сознание все более и более развивается и дифференцируется на основе дальнейшего развития общественного бытия и в особенности на основе деления труда на умственный и физический. С появлением общественных классов дифференциация сознания еще более усиливается и, наконец, претерпев свою историческую эволюцию, достигает современного своего состояния. Ныне в едином общественном сознании мы выделяем такие его формы, как *политическая идеология, правосознание, мораль, искусство, религия, наука*. Каждая из этих форм в свою очередь состоит из многочисленных своих сторон, видов.

К науке относится и философия¹. Последняя возникла как первая и древнейшая форма теоретического познания мира из необходимости теоретического воспроизведения в мыслях всеобщих связей действительности, а также из необходимости осмысления самого познающего мышления. Возникнув однажды, как и любое явление, она проходит различные этапы своего развития и дости-

¹ В этой связи необходимо подчеркнуть, что нельзя согласиться с тем мнением, согласно которому философия будто не есть наука или, как выражается Б. Рассел, будто она есть «нечто промежуточное между религией и наукой». К сожалению, такому представлению способствует то обстоятельство, когда в некоторых учебниках и монографиях дается параграф или глава: «Диалектический материализм и наука» или «Философия и наука». При этом никто не пытается сколько-нибудь серьезно аргументировать свое мнение: почему «и», почему философия не наука. Но если даже согласиться с той ходячей дефиницией науки, согласно которой «наука есть система точных непротиворечивых знаний», то философия, по сравнению с другими науками, скажем, биологией или геологией, все еще окруженными сплошь гипотезами, более наука, поскольку она содержит в себе больше «точных» знаний, чем биология или геология.

Это верно еще в большей степени, если иметь дело с действительной наукой, а не с этой ее дефиницией, ибо последняя далека от истины. Наука не есть «сумма готовых точных» и т. п. знаний, а сложный, противоречивый диалектический процесс производства и воспроизводства научных знаний, которые всегда есть единство истины и заблуждения, теории и гипотезы и т. д. Приведенная дефиниция исключает этот процесс и имеет дело только с готовой продукцией. И подобно тому как неверно было бы материальное производство сводить к сумме или совокупности готовых продуктов труда, так же нельзя науку, научное производство сводить к готовой сумме «точных знаний». Причем не только наука в целом, но и каждая ее форма, в частности философия, есть процесс производства и воспроизводства теоретического знания. Но об этом более подробно ниже.

гает высшей своей формы — диалектического материализма, который является *итогом, выводом, результатом многовековой истории развития философии, частных наук и практики.*

Но результат содержит в себе свое начало. Марксистско-ленинская философия является высшей формой философии потому, что удерживает в себе все содержание своей предыстории в снятом, переплавленном виде. Поскольку диалектический материализм содержит в себе богатство всей предшествующей истории философской мысли, познания и практики, его изложение на современном теоретическом уровне необходимо реализовать со схематическим обзором, во-первых, предшествующих ему форм философского мышления и, во-вторых, предыстории отдельных его принципов и категорий. Что касается второго аспекта этого обзора, то он будет сопутствовать освещению последних в контексте. Здесь же вкратце остановимся на первом аспекте.

Для того, чтобы лучше осмыслить основные исторические формы материализма и диалектики, необходимо исходить из принципа совпадения логического и исторического, суть которого, говоря схематично, состоит в следующем: законы индивидуального познания и истории познания в общем и целом совпадают. От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике как критерию истины или от чувственно-конкретного к абстрактному и от него к мысленно-конкретному — таков путь познания. Основные этапы этого пути индивидуального познания в общем и целом совпадают с этапами истории философского мышления. Онтогенез познания совпадает с его филогенезом.

§ 1. НАИВНЫЙ СТИХИЙНЫЙ МАТЕРИАЛИЗМ И НАИВНАЯ СТИХИЙНАЯ ДИАЛЕКТИКА

Первый этап индивидуального познания — чувственно-конкретное — совпадает с первым этапом в истории философии, характеризующимся также чувственно-конкретным. На первом этапе индивидуального познания предмет дается как чувственно-конкретное, единое нерасчлененное целое: знание о предмете является результатом непосредственного живого созерцания. На первом

этапе истории философии — в рабовладельческом обществе — знания также являются результатом непосредственного живого созерцания, предмет также дается в чувственно-конкретной форме, как нерасчлененное целое, что обусловлено объективным уровнем общественной жизни той эпохи. *Общая картина мира без разделения, без дифференциации, без знания частных, без знания законов развития этого мира* — вот чем характеризуется прежде всего первая историческая форма философии. Сама эта общая картина мира не свободна пока от мифологии. Собственно говоря, эта философия есть не что иное, как отдельные догадки, хотя порой и гениальные, — она еще в «пеленках», это детство философии, которое характеризуется *наивностью и стихийностью*. Наивность этой формы состоит, в частности, в том, что материалисты видят начало всего сущего в чем-то чувственно-материальном, конкретном: Фалес — в воде, Анаксимандр — в апейроне, Анаксимен — в воздухе, Гераклит — в огне, Левкипп, Демокрит, Эпикур — в атомах и т. д. Античный материализм достигает высшего расцвета в философии Демокрита, который создает античную атомистику, имевшую большое значение для последующего развития философии и естествознания. Однако у материалистов этого периода еще нет понятия материи как категории.

Диалектика здесь также наивна и стихийна. Она представляет из себя отдельные высказывания о движении, развитии. Особенно высокого развития диалектика достигает у Гераклита, который верно отмечает, что «все течет» и указывает на противоречия в самой сущности вещей как на источник их развития, и у Зенона Элейского, который впервые ставит вопрос о том, как выразить движение в понятиях, т. е. ставит проблему диалектики как логики.

Несмотря на то, что философия рабовладельческого общества является ее детством, тем не менее с самого ее начала в ней наметились два ее основных направления: *материализм и идеализм*, «линия Демокрита» и «линия Платона», борьба между которыми собственно составляет содержание всей ее истории. *Суть основного вопроса философии есть отношение сознания к материи, идеального к материальному*, причем этот вопрос имеет две стороны: первая сторона — что является первичным —

материя или сознание (ощущения, идея и т. д.) и вторая — как относятся наши ощущения, мысли к вещам, может ли человек познать мир. Сообразно тому, как философы отвечали на этот вопрос, они разделились на два лагеря: материалистов и идеалистов.

Материалисты всех времен исходили из того, что материя первична, а сознание вторично и материя познаваема. *Идеалисты*, напротив, утверждают, что сознание первично, а материя вторична. Идеализм может быть объективным и субъективным. *Объективные идеалисты* основой мира считают сознание вообще, чистую безличностную идею, абсолютный дух (Платон, Гегель). *Субъективные идеалисты* (Беркли, Юм, Кант, махисты и др.) утверждают, что первичным является сознание отдельного субъекта, совокупность ощущений которого и есть материя.

Некоторые идеалисты (в прошлом Д. Юм, И. Кант, а также разные школы современной буржуазной философии) принципиально отрицают познаваемость мира (*агностицизм*). Если материалисты первой исторической формы доказывали первичность материи и видели материальность в чем-то чувственно-конкретном, то идеалисты того периода доказывали первичность идеального (души, идеи, понятия и т. д.). Так, Пифагор первичность мира видел в мистифицированном числе. Сократ — в душе, Платон — в идее. В понимании Платона существует два мира: мир идей и мир чувственных вещей (теней). Мир идей является первичным, вечным миром. Он неизменен, не возникает и не исчезает, а мир теней — преходящий, он возникает и исчезает. Каждый предмет имеет свою идею. Эта идея — источник предмета, который есть не что иное, как тень, порождение идеи.

Для того, чтобы понять, как философ приходит к подобным выводам, надо знать *гносеологические и классовые корни идеализма*. На это указывает В. И. Ленин: «Познание человека не есть (respectively не идет по) прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, к спирали. Любой отрывок, обломок, кусочек этой кривой линии может быть превращен (односторонне превращен) в самостоятельную, целую, прямую линию, которая (если за деревьями не видеть леса) ведет тогда в болото, в поповщину (где ее закрепляет классовый интерес господствующих классов). Прямоли-

нейность и односторонность, деревянность и окостенелость, субъективизм и субъективная слепота — вот гносеологические корни идеализма»¹.

Поскольку познание есть восхождение от живого созерцания к абстрактному мышлению, оно неизбежно отвлекается от всего того, что чувственно достигаемо, что лежит в пределах чувственного опыта, эмпирического знания. Только таким путем возможно вырабатывать понятия, категории, открывать закон развития. Возьмем такой пример. Чтобы выработать понятие «человек», мы должны отвлечься от реальных единичных людей и восходить к мышлению, просветить им их сущность, их единую основу, пересадить эту сущность в голову, т. е. превратить ее в понятие. Но в этом случае в понятии «человек» не останется «ни грана вещества», никакой чувственности.

Может возникнуть вопрос: зачем, во имя чего нужно превращать вещи, явления в представления, понятия или просто в мысли? *Во имя практики, в интересах практики. Познание, исходя из практики, опираясь на практику, движется от живого созерцания к абстрактному мышлению с тем, чтобы вернуться к практике на высшей основе.* Мы вырабатываем понятия, опираясь на практику, на производственную предметную деятельность для того, чтобы производить, строить в соответствии с этими понятиями. Восхождение к абстрактному мышлению дает нам знания о сущности, законах, которые нужны практике для собственных потребностей, поскольку она развивается сообразно с этим знанием.

Именно в отступлении от этой спирали заключены *гносеологические корни идеализма*. Эти корни как для субъективного, так и для объективного идеализма в сущности одни и те же, поскольку и та и другая разновидность, тот или иной отрезок этого витка спирали односторонне превращает в целую прямую, абсолютизирует и гипостазиирует его. Но все же некоторый нюанс, отличие в частности между ними имеется. *Гносеологическими корнями объективного идеализма является отрыв абстрактного мышления от живого созерцания, абсолютизация, раздувание абстрактного мышления и его отрыв от прак-*

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 322. (Здесь и в дальнейшем произведения В. И. Ленина цитируются по этому собранию сочинений).

тики. Гносеологические корни субъективного идеализма заключаются в раздувании другой черточки познания — живого созерцания, его отрыве от абстрактного мышления и от практики. Обе разновидности отрывают познание от его источника — практики.

Классовые корни идеализма заключаются в том, что в связи с расколом общества на антагонистические классы, разделением труда на умственный и физический и утверждением монополии умственного труда господствующих классов возникает иллюзия об абсолютной самостоятельности идеальной деятельности людей, а следовательно, и ее первичности. Поскольку идеализм есть антинаучное течение в философии, постольку он служит реакционным эксплуататорским классам, наилучшим образом выражая их классовые интересы.

История философского мышления есть сложный процесс. В ней кроме истины есть поиски, заблуждения, уход в сторону, отступления и т. д. Ее нельзя представить в чистом виде или сводить к истории тех или иных философских школ. Она более богатый по своему содержанию процесс, в частности, она характеризуется не только материалистическим или идеалистическим *монизмом*, но и *дуализмом*. Представителем античного дуализма был Аристотель — «величайший мыслитель древности». Он пытался примирить материализм и идеализм в античной философии. Дуализм вообще есть попытка примирения материализма и идеализма¹.

Из сказанного можно сделать следующие выводы: во-первых, на первом этапе истории философии возникают два основных ее направления — материализм и идеализм; во-вторых, и идеализм и материализм характеризуются стихийностью и наивностью; в-третьих, античные философы были врожденными диалектиками, но их диа-

¹ Верно, что Аристотель колебался между материализмом и идеализмом, но неверно, что будто он сверх того колебался между диалектикой и метафизикой. Это попытка приписать детству философии более зрелые, несвойственные ему формы. То же относится к Зенону Элейскому, которого считают основоположником метафизики в античной философии. Известно, однако, что метафизика как способ мышления, по свидетельству Энгельса, складывается лишь в XVII веке в естествознании и оттуда переносится в философию. Следовательно, нечего открывать ее там, где ее нет и быть не могло. Как Зенон, так и Аристотель были диалектиками. Вообще «древние греки были врожденными диалектиками» (Энгельс).

лектика также характеризуется стихийностью и наивностью.

Казалось бы, в истории развития философии за этой первой формой должна была бы непосредственно последовать новая, высшая форма материализма и диалектики. Однако этого не случилось. В связи с утверждением феодализма и его идеологии — монотеистических религий — на смену античной культуре приходит религия, религиозное мировоззрение. Более тысячи лет в истории познания, в науке, искусстве, политике, во всех сферах духовной жизни общества, следовательно, и в философии господствует религиозное мировоззрение, церковная догматика. Правда, в средние века развивались и элементы или традиции материализма (Ибн-Сина Абу-Али, Ибн-Рощд и др.). Однако в целом этот период является как бы философским декадансом, шагом назад, отступлением от достигнутого уже известного уровня развития философской мысли. Это доказательство того, что логическое и историческое совпадают лишь в общем и целом, а не полностью, абсолютно.

§ 2. МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ И ИДЕАЛИСТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА

Вместе с развитием капитализма шаг за шагом пробивает себе дорогу научное мышление, научное познание — *второй этап* в развитии философского мышления, который характеризуется борьбой материализма против мистики, религиозной догматики. Следует подчеркнуть, что молодая буржуазия в странах Западной Европы не могла бы победить феодализм, утвердить новые буржуазные отношения без опоры на науку, на научную материалистическую философию. Поэтому не случайно, что идеологическим знаменем борьбы капитализма против феодализма, а следовательно, и против мировоззрения феодализма — религии становится материализм и опытные науки.

Вторая сторона процесса индивидуального познания — это разделение целого на различные стороны, части, изучение этих частей порознь, выработка мышлением общих абстрактных определений. Эта сторона индивидуального познания совпадает со вторым этапом исто-

рии познания. Этот этап начинается в XVI—XVII вв., когда из единого древа познания выделяются самостоятельные области исследования, различные частные науки, которые рассматривают свой предмет обособленно, самостоятельно, т. е. происходит *дифференциация научного знания*. Чтобы иметь представление о целом, знать целое как оно есть, вне познания, надо путем анализа изучать части целого, различные его стороны, моменты и элементы. Как в индивидуальном познании, так и в истории познания обойтись без этого нельзя. Следовательно, аналитический метод является неизбежным, закономерным в развитии частных наук. В этот период, разумеется, синтез, синтетическое исследование не отсутствует. Однако речь идет о методе, т. е. о господствующем способе рассмотрения. В процессе познания то один, то другой господствует, преобладает над другим. Второй этап истории познания характеризуется в общем и целом анализом. Здесь пока цельной картины предмета исследования нет. В этом историческая ограниченность анализа, но в этом же историческое достоинство этого метода.

С анализом связано формирование нового способа мышления, а именно метафизического способа мышления, который прежде всего определяется *односторонностью*. Вторая историческая форма материализма (Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Дж. Локк, Б. Спиноза, П. Гассенди — XVII в.; Д. Дидро, П. Гольбах, К. Гельвеций, М. Ломоносов, А. Радищев — XVIII в.; Л. Фейербах — XIX в.) носит метафизический характер.

Каково место этого материализма в истории философии? Нередко, когда речь заходит о нем, говорится только о его исторической ограниченности. Создается впечатление, что он лишен достоинств и не имеет положительного значения для развития философского мышления. Между тем этот материализм сыграл весьма важную роль в закономерном развитии философии и представляет собой необходимый этап в ее истории.

Особенности этой второй формы материализма, по сравнению с первой, состоят в следующем: 1) она является высшей, более развитой, поскольку содержит в себе богатство первой формы в снятом виде плюс новые приобретения; 2) она была продуктом более развитой исторической эпохи и обусловлена более развитой обществен-

но-исторической практикой; 3) она была основана на достижениях опытных (частных) наук; 4) она была порождена необходимостью борьбы против средневековой схоластики и всякой мистики, поэтому имела (в особенности французский материализм XVIII в.) ярко выраженное воинствующее атеистическое направление; 5) она не только была основана на достижениях частных наук, но и в свою очередь оказала огромное плодотворное влияние на развитие этих наук; 6) она была идеологической подготовкой буржуазных революций против феодализма.

Разумеется, эта вторая форма была исторически *ограничена* и поэтому философское мышление не могло задержаться на ней. Дальнейшее развитие должно было неизбежно снять эту ограниченность. В чем заключается эта историческая ограниченность?

Во-первых, в том, что этот материализм был «преимущественно механическим», исходил из законов механики, не учитывая достижения других наук. Из всех частных наук раньше всего развивается механика. Это в свою очередь объясняется тем, что механическая форма движения является наипростейшей и, следовательно, познание начинается с простой формы движения. К тому же для развития производительных сил в условиях восходящего капитализма решающую роль играла механика. Все сложнейшие изменения действительности этот материализм объяснял законами механики, масштабы которой он распространяет на физику, на химию, на биологию и даже на общественную жизнь.

Во-вторых, этот материализм был неисторичен, недиалектичен (метафизичен в смысле антидиалектики). Однако его метафизический характер нельзя понимать упрощенно, будто он отрицает связь, движение, развитие и т. д., а диалектический материализм все это признает и в этом будто их отличие. Между тем, на этом пути мы не найдем никакого отличия метафизики от диалектики. Их отличие состоит не в том, что одна из них не признает, а другая признает развитие и т. д., а в том, что они само развитие *понимают* по-разному. Но об этом речь пойдет дальше более подробно.

В-третьих, как пишет Маркс в «Тезисах о Фейербахе», — «главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и феербаховский — заключает-

ся в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта*, или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика*, не субъективно»¹. Домарксистские материалисты сущность человека понимали абстрактно, не как совокупность общественных отношений, а потому в общественной жизни они не видели самого главного — материально-производственной деятельности людей, решающей роли революционной практической деятельности как источника активности сознания. Поэтому получалось так, что активная функция, деятельная сторона сознания развивалась идеалистами. Материалисты говорили, конечно, о сознании, но рассматривали его лишь как продукт самой природы, а не как продукт изменения природы человеком, т. е. не как продукт общественно-исторической практики. Они не видели диалектики материи и сознания, материального и идеального. Именно потому, что домарксовские материалисты не видели решающей роли общественно-исторической практики в познании и преобразовании действительности, они в понимании общественной жизни изменяли самим себе — будучи материалистами «внизу», т. е. в понимании природы, они становились идеалистами «вверху» — в понимании общества. Они, как писал В. И. Ленин, в лучшем случае рассматривали лишь идейные мотивы исторической деятельности людей, не исследуя того, чем вызываются эти мотивы, не улавливая объективной закономерности в развитии системы общественных отношений, не усматривая корней этих отношений в степени развития материального производства. Вместе с тем прежние теории не охватывали как раз действий масс населения, не видели их решающей роли в истории².

Вот эти три недостатка характеризуют в целом домарксистский материализм. Его достоинства как и недостатки в единстве были закономерным звеном или этапом в развитии философии. Именно потому, что этот материализм был исторически ограничен, он должен был из себя породить новую форму, которая и должна была снять эту ограниченность. Однако эта высшая форма является

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 3, стр. 1. Здесь и далее все ссылки на произведения К. Маркса и Ф. Энгельса (кроме особо оговоренных случаев) даются по этому изданию Сочинений.

² См. В. И. Ленин, т. 26, стр. 57.

не только продуктом прошлого материализма, но и порождением более развитой общественной практики и наук, более развитого *целого* в многообразии сторон, в том числе и диалектики. Поэтому прежде чем приступить к ее анализу, необходимо остановиться хотя бы вкратце на *второй исторической форме диалектики*.

Процесс философского мышления до диалектического материализма представлял из себя следующий парадокс: если материализм развивался в лоне метафизики, то диалектика разрабатывалась в лоне немецкой классической идеалистической философии. В последней, слов нет, мистика — ее реакционная сторона и она действительно служит реакционным силам общества. Но в ней нельзя не видеть и другой стороны — диалектики, которая является ее ценным завоеванием, что и давало полное основание В. И. Ленину считать, что умный идеализм ближе к умному материализму, чем глупый материализм.

Если классическую немецкую философию переосмыслить материалистически, как это делали Маркс, Энгельс, Ленин, т. е. если ее освободить от мистической формы, «от идеалистической шелухи», то легко установить ее место, роль, историческую заслугу в развитии философского мышления. В данной связи в интересах дела нет надобности специально задерживаться на ее мистической стороне. Посмотрим лучше, что она дала науке о мышлении, диалектике как Логике (с большой буквы), какова ее роль в историческом подготовке диалектического материализма.

Как известно, домарксистский материализм в силу своей ограниченности недостаточно внимания обращал на исследование самого мышления, его форм и законов, не видел его диалектического характера, не видел его активности и источника этой активности. Эта ограниченность породила, правда, другую крайность — непомерное раздувание роли мышления, его абсолютизацию, его гипостазирование различными идеалистическими учениями, в частности, классическим немецким идеализмом (Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель), но вместе с тем в такой форме и диалектику.

Кант первым «прощупал» диалектику мышления. Он в «Критике чистого разума» показывает те логические трудности, на которые наталкивается теоретическое мышление и которое, рефлексированное в себя, обнаруживает

свои собственные коллизии. Самосознание теоретического мышления у Канта приводит его к убеждению о диалектическом характере самого мышления, который, по его мнению, выражается прежде всего в пестрой картине противоположных точек зрения, теорий, суждений, понятий — «войне всех против всех». Диалектика им рассматривается как логическая антиномичность самого мышления, причем сама эта антиномичность отнюдь не является порождением несоблюдения принципов и правил традиционной логики, а представляет собой «естественную логику разума», который стремится к синтезу частных, к созданию единой теории.

В этой связи важное значение имеет анализ Кантом *рассудка* и *разума*, рассудочной и разумной деятельности. В его понимании, рассудок есть низшее состояние мышления, которое имеет дело с различием различного, с отдельными несвязанными качествами, с единичным и случайным, не обнаруживает противоречия, в то время как разум диалектичен, есть высшее состояние мышления, которое стремится к синтезу, к открытию всеобщего «единства во многообразии», как единства противоположностей.

Анализ Кантом познавательных способностей человека показывает, что соблюдение правил общей и трансцендентальной логики в сфере разума приводит к «саморазрушению» мышления, поскольку эти правила противоречат разуму, не имманентны ему. С одной стороны, соблюдение правил, имен. норм общей (традиционной) и трансцендентальной логики, а с другой — диалектичность разума. Эти две противоположности, по мнению Канта, взаимно исключают друг друга. Эту апорию Кант так и не мог разрешить, что и привело его к агностицизму. Задача разума, по его мнению, состоит в том, чтобы своей самокритичностью добиваться собственного усовершенствования.

Сообразно с этим анализом Кант логику делит на три раздела: общая, или формальная, логика (догматизированная Кантом), которая имеет дело лишь с аналитическими суждениями; «трансцендентальная» логика, или «аналитика», изучает «принципы суждения с объективным значением», т. е. категории, и наконец «трансцендентальная диалектика», которая, критикуя чрезмерные претензии первых двух разделов логики, стремится к «синте-

зу всех понятий», к познанию «вещи в себе», поскольку она и есть учение о всеобщих принципах мышления.

Из сказанного видно, что Кант впервые, во-первых, так или иначе обосновал узость традиционной формальной логики; во-вторых, ввел диалектику в логику, рассматривая ее как естественную необходимую форму мышления, «отнял от диалектики ее кажущуюся произвольность» (Гегель); в-третьих, диалектику рассматривал как логику и, наконец, в-четвертых, постановкой ряда вопросов: о субординации категорий, об отличии трансцендентальной логики от общей, трансцендентальной диалектики от первых двух, об антиномиях разума и т. д. — сделал важный шаг вперед в исследовании действительного мышления, тем самым подготовил необходимую почву для дальнейших исследований в этом направлении.

Историческую ограниченность логики Канта пытался преодолеть *Фихте*. Если Канту не удалось разрешить антиномию разума в пределах дуализма, то Фихте пытается это сделать, устранив дуализм Канта, путем идеалистического монизма. Исходной категорией логики Фихте считает активную человеческую деятельность, которая им рассматривается как абсолютная, ничем не детерминированная, ничем не обусловленная активная психическая деятельность. Но хотя, разумеется, попытка Фихте разрешить антиномию разума путем критики Канта «справа», с точки зрения субъективного идеализма, не удалась, тем не менее он внес важный вклад в развитие учения о мышлении, обогатив его положениями об историческом характере форм сознания, о генезисе логических категорий, постановкой вопроса об активности человеческой деятельности и сообразно с этим попыткой создания логики действия и др.

Следующий шаг в исследовании проблемы мышления делает *Шеллинг*. Опираясь на уже достигнутые Кантом и Фихте результаты, Шеллинг стремится создать логику научного познания, точнее — логику естествознания и искусства. Он пытается к традиционной логике присоединить «интеллектуальную интуицию», силу творческой фантазии, распространяя ее на все ступени рефлексии сознания. Однако, увлекшись этим, он приходит к неверному выводу, что понятие не способно выразить диалектику естествознания и искусства, отрывая, таким образом, диалектику от логики. Тем не менее, признав диа-

лектику подлинным орудием научной, творческой деятельности, Шеллинг оказал большое влияние на развитие теории научного познания.

Таким образом, Кант, Фихте, Шеллинг — каждый из них с определенной стороны и в определенной степени — разрабатывают проблемы мышления, создавая предпосылки синтеза рациональных моментов в исследовании и создания Логики с большой буквы.

Историческая заслуга создания этой логики, но на идеалистической основе, принадлежит Гегелю. Свою логику он разрабатывает в раннем очерке «Иенская логика», в «Науке логики», в первой части «Энциклопедии философских наук» (малая логика) и в «Философской пропедевтике».

Гегель создает науку не о внешних формах мышления (как было до него), а о законах развития содержательного мышления, науку о мышлении в его диалектическом конкретном развитии. При этом он диалектику мышления рассматривает не как недостаток или заблуждение мышления, а как его естественную сущность, которая не постигнута, не осознана традиционной логикой, задача которой — описание внешних форм мышления. Поскольку традиционная логика не есть в полном объеме «самосознание» мышления, не есть наука о нем как таковом, то Гегель требует создать такую логику, такое «самосознание» мышления, такую теорию его, которая совпадала бы с реальным мышлением, согласовывалась с ним. Логика Гегеля является именно такой теорией, наукой о мышлении, или теоретическим мышлением о мышлении.

В понимании Гегеля предметом логики является *всеобщее*. Именно логика разрабатывает и систематизирует всеобщие универсальные категории, которые проявляют себя в любой сфере и в любом виде деятельности. Не будет преувеличением сказать, что, пожалуй, самым ценным завоеванием логики Гегеля является то, что она довольно полно и всесторонне, более или менее последовательно и вполне сознательно в развитой форме разрабатывается как *диалектика и теория познания* — или точнее *диалектика разрабатывается как Логика, как теория познания*.

Однако мистификация как объективной реальности, так и самого мышления сделала логику Гегеля исторически ограниченной. Гегель считал, что процесс мышления

есть демиург всей действительности, что вся человеческая история, деятельность, культура и т. д. есть проявление активности, творчества объективного абсолютного духа, что все реально существующее — не что иное как «опредмеченное» отчужденное мышление, или дух.

Но вместе с тем, несмотря на эту мистику, логика Гегеля есть непосредственная подготовка логики Маркса. Последняя представляет собой материалистически переработанную логику Гегеля, поскольку «Гегель есть поставленный на голову материализм» (В. И. Ленин), постольку логика Гегеля «без боженьки» есть, как это неоднократно подчеркивал В. И. Ленин, — диалектический материализм, а, следовательно, она должна войти в содержание диалектического материализма в снятом виде. Поэтому ограничимся этими общими замечаниями, с тем, чтобы в дальнейшем изложении в необходимой связи приводить материалистически переосмысленные положения логики Гегеля со ссылками на автора.

Таким образом, как домарксистский материализм, так и домарксистская диалектика были исторически ограничены. Революционными демократами делается попытка преодолеть эту ограниченность. В России такую попытку предпринимают Герцен, Белинский, Чернышевский, Добролюбов и их последователи. Их материализм и диалектика были шагом вперед по отношению к механистическому метафизическому материализму. Они, конечно, использовали прошлую диалектику творчески, в какой-то степени преодолели ее ограниченность, но вместе с тем они не смогли подняться до уровня материалистической диалектики, не сумели в достаточной степени овладеть всем тем богатством диалектического мышления, которое было создано до них.

Таким образом, философия демократов не есть ни метафизический материализм, ни диалектический, а есть *попытка перехода* от механистического метафизического материализма к диалектическому материализму. «Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед историческим материализмом». Эта ленинская оценка философии Герцена и выражает историческое место и роль философии революционных демократов. Хотя они не сумели полностью преодолеть историческую ограниченность прошлой философии и создать новую, высшую форму, многие их разумные положитель-

ные мысли плодотворно обогащали философское мышление, а следовательно, способствовали созданию благоприятных условий и предпосылок развития и распространения диалектического материализма в России.

Итак, с одной стороны философское мышление в своем историческом развитии в середине XIX в. достигает высокого состояния зрелости, с другой — поскольку оно было исторически недостаточным, оно должно было неизбежно породить высшую форму и «снять» себя в ней. Синтез этих двух обстоятельств и лежит в основе возникновения диалектического материализма.

§ 3. ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

Вся история развития домарксистской философии является подготовлением, предысторией диалектического материализма. Однако было бы ошибкой думать, что последний является порождением развития только философского мышления. Как диалектический материализм, так и все другие части марксизма являются порождением *целостного* общественного организма, его материальной и духовной культуры в единстве, достигнутой человечеством в эпоху зрелого, развитого капитализма середины XIX в. А зрелость капитализма обнаруживает себя в том, что к этому времени он начинает проявлять свою сущность более рельефно, более зримо, обнажая и выявляя свои внутренние и внешние противоречия. Экономические кризисы и другие катаклизмы в капиталистическом способе производства, открытая классовая борьба пролетариата, пронизывающая все стороны общественной жизни, осознание пролетариатом своей исторической миссии, бурное развитие наук, в частности, создание научной теории клетки, научной биологии (теория Дарвина), открытие закона превращения энергии, достижения химии и других наук, теоретического мышления в целом — таковы различные формы проявления зрелого капитализма, ставшие условиями возникновения марксистской философии.

А. Сущность переворота, совершенного марксизмом в философии

Возникновение диалектического материализма есть великий *переворот в философии*, суть которого состоит в следующем.

1. Диалектический материализм есть *третья, высшая историческая форма материализма и диалектики*, которая стала возможной прежде всего на основе материалистического понимания истории, благодаря открытию решающей роли общественно-исторической практики в познании и преобразовании действительности. *Важнейшим принципом марксистской философии является материалистическое понимание истории*. Это гениальное открытие является величайшим завоеванием научной мысли, глубочайшим переворотом во взглядах на общество.

Выработка материалистического понимания истории, позволившая решить вопрос об отношении сознания к материи последовательно материалистически, была превращением метафизического (созерцательного) материализма в диалектический¹.

¹ Не лишне в этой связи указать на следующий курьез. Исторический материализм иногда определяется как распространение положений диалектического материализма на изучение общества («Философская энциклопедия», т. 2, стр. 353). Это неверно как исторически, так и логически. Исторически неверно потому, что Маркс «углубил, развил и довел до конца», «достроил доверху» не диалектический материализм, а домарксистский материализм, который был создан до него. Авторы и сторонники этого заблуждения, конечно, не могли не знать о существовании ясных и четких высказываний об этом классиков марксизма, в особенности В. И. Ленина: «Углубляя и развивая философский материализм, Маркс довел его до конца, распространил его познание природы на познание *человеческого общества*. Величайшим завоеванием научной мысли явился *исторический материализм* Маркса» (В. И. Ленин, т. 23, стр. 44; см. также т. 17, стр. 418, т. 18, стр. 356, т. 26, стр. 57 и т. д.). Следовательно, *Маркс на общество распространил не положения диалектического материализма, а существовавшее до Маркса материалистическое понимание природы*. До возникновения исторического материализма или, что то же самое, до открытия материалистического понимания истории не было никакого диалектического материализма. А между тем, когда хотят нечто распространить на что-то, то это «нечто» должно существовать раньше самого факта распространения, ибо невозможно, немисливо распространять то, чего нет. Однако указанная нелепость создает впечатление, будто классики марксизма сначала создали диалектический материализм, а после, распространив его положения на изучение общества, создали исторический материализм. Между тем открытие материалистического понимания

Именно это открытие позволило понять, что диалектика сознания определяется диалектикой материальной практической деятельности, диалектикой объективного мира. Исследование диалектики мышления философами шло навстречу исследованию процессов природы естествоиспытателями, которые под напором огромного фактического материала, накопленного к тому времени, стихийно вырабатывали диалектический способ мышления. Лишь совместными усилиями философов и естествоиспытателей стало возможно устранить идеалистическую и метафизическую ограниченность, благодаря исследованию материальной общественно-исторической практики, истории производства, представляющего собой единство диалектики мышления и диалектики природы, *процесс преобразования природных явлений в общественно-материальные и духовные явления*. Эта задача была выполнена Марксом и Энгельсом, обобщившими результаты развития философии, естествознания и социологии.

Без материалистического понимания истории, происхождения и сущности сознания, его роли в общественных отношениях, невозможно было бы понять и его диалектику. А без понимания диалектики сознания невозможно было бы понять и выразить диалектику объективного мира. Итак, последовательное проведение материалистического понимания природы, общества и сознания привело к созданию диалектического материализма, сущностью, ядром которого является материалистическое понимание истории.

2. Диалектический материализм есть высший синтез всех философских учений на основе новых достижений науки и практики. Как известно, в прошлой философии ее различные стороны — материализм, диалектика, онтология, гносеология, логика, методология существовали изолированно друг от друга как более или менее самостоятельные науки. В марксистской философии все эти стороны *переплавлены, слиты воедино и составляют новое, высшее состояние философского мышления*. В ней

истории и создание диалектического материализма — одновременный процесс, точнее это один и тот же процесс. Вышеприведенное определение исторического материализма несостоятельно также *логически*, ибо, если диалектический материализм есть наука о предельно общих законах развития природы, общества и мышления, то разве это не значит, что общество также охватывается им, а раз это так, то подобное определение тавтологично

нет этих сторон. Она представляет из себя такой синтез, где каждый его принцип имеет *одновременно* все значения всех этих сторон — материалистическое, диалектическое, гносеологическое, онтологическое, логическое, методологическое.

Диалектический материализм не есть механическая сумма каких-то отдельных частей, элементов, сторон и т. д., а есть органическое целое — новое, высшее качественное состояние, принципиально отличающееся от всей предшествующей философии.

Маркс и Энгельс, взяв все разумное, жизнеспособное в прошлой философии, творчески, критически переработали его, развили дальше, двинули вперед на основе материалистического понимания истории и анализа развитой практики. Вместе с тем они овладели содержанием современного научно-теоретического мышления и, опираясь на это прошлое богатство, *создали новый, высший этап в истории развития философского мышления.*

3. Философия марксизма есть *диалектический материализм*. Это необходимо специально выделить и рассмотреть как особую черту, дабы подчеркнуть правильный исторический и генетический взгляд на диалектический материализм. В домарксистской философии материализм и диалектика были оторваны друг от друга. Диалектика была идеалистической, а материализм метафизическим. Однако подлинно научным, естественным союзником материализма может быть только диалектика, а таким же союзником диалектики — материализм. Почему диалектический материализм единственно верное мировоззрение, единственно верная философия? Потому, что сама объективная действительность по своей природе материальна и диалектична. Следовательно, верное отражение действительности и есть диалектический материализм. Диалектика достигает своего высшего совершенствования и развития только в материализме, совпадая полностью с ним, а материализм достигает своего высшего развития в диалектике, также полностью совпадая с ней.

Последовательное проведение материалистического понимания диалектики и последовательное проведение диалектического понимания материализма — одно и то же — материалистическая диалектика или диалектический материализм. Последовательный материализм —

это и есть последовательная диалектика и наоборот. Диалектика, став материалистической, обнаружив свою основу не в голове, а в объективной действительности, была поставлена с головы на ноги не только в переносном смысле, но и в прямом. Диалектика вырвалась из замкнутого кругооборота абсолютной идеи, вышла из пеленок чистого мышления и теоретических конструкций, стала орудием практического преобразования материального мира, обобщая гигантские успехи производственного, социального, научного, нравственного и художественного развития человечества. Создание диалектического материализма окончательно положило конец разрыву между диалектикой и материализмом, который имел место до возникновения марксизма.

4. Одной из важнейших особенностей диалектического материализма является его творческий, равноправный *союз с частными науками*. Разумеется, прошлая философия также была связана с частными науками, однако эта связь была внешней, неразвитой, неравноправной. Это видно из того, что прошлые философы отрывали в той или иной форме философию от частных наук, ставили философию выше этих наук. Так, например, Гегель считал, что философия — это высшая наука, наука наук, поскольку ее предметом является царство чистых мыслей. Возможно, это имело некоторое оправдание, скажем, в XVII в., когда только начинался процесс дифференциации наук, отпочкование частных наук от единого древа познания. Но в дальнейшем развитии философского мышления подобное явление, конечно, не могло быть оправдано.

Диалектический материализм не нуждается в особой философии, стоящей над другими науками. Энгельс указывал, что с каждым новым, составляющим эпоху открытием в науке материализм неизбежно должен изменять свою форму. Диалектический материализм развивается на основе диалектико-материалистических обобщений достижений всех наук — как естественных, так и общественных, истории научной мысли и техники. Каждая из частных наук, в своей области конкретизируя, развивая, обогащая общие принципы диалектического материализма, тем самым так или иначе обогащает его как науку об общих принципах всякого развития. В свою очередь частные науки сами невозможны без философии и здесь

Гегель совершенно прав, когда пишет, что частные науки есть прикладная логика, поскольку «каждая наука состоит в том, чтобы выражать свой предмет в формах мысли и понятия». Но прикладная логика невозможна без Логики (с большой буквы). Любая частная наука есть не что иное, как сложный процесс диалектического отражения, процесс производства научных мыслей с помощью арсенала логических средств, приемов, форм, понятий и т. д. Исследователь в любой области познания оперирует категориями, понятиями, логическими средствами, а исследование последних — это область, сфера Логики. Естествоиспытатель, да и вообще любой ученый должен мыслить, а мыслить он может категориями, понятиями, законами. И если он сознательно, как говорил Энгельс, отказывается от хорошей философии, то неизбежно, бессознательно, стихийно приходит к скверной, ложной философии.

Что частные науки невозможны без философии — это старая истина¹). Все дело в том, какой философией руководствуется представитель данной частной науки. *Логикой научного познания является диалектический материализм.* Поэтому он и является естественным закономерным союзником частных наук. В. И. Ленин писал, что без солидного философского обоснования никакие естественные науки не могут выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного миросозерцания. Чтобы выдержать эту борьбу и про-

¹ О необходимости философии как теории познания для науки и ее эвристическом значении очень хорошо сказал Эйнштейн: теория познания без контакта с наукой становится пустой схемой. Наука без теории познания, поскольку она вообще мыслима без нее, примитивна и беспорядочна. «Философские обобщения должны основываться на научных результатах. Однако, раз возникнув и получив широкое распространение, они очень часто влияют на дальнейшее развитие научной мысли, указывая одну из многих возможных линий развития» (А. Эйнштейн, Л. Инфельд. Эволюция физики. М., 1965, стр. 48). Хорошая философия необходима каждому серьезному ученому еще и потому, что деятельность отдельных исследователей неизбежно стягивается ко все более ограниченному участку всеобщего знания, а эта специализация «приводит к тому, что единое общее понимание всей науки (которое может дать только философия. — А. М.), без чего истинная глубина исследовательского духа обязательно уменьшается, все с большим трудом поспевает за развитием науки. Создается ситуация, которая... угрожает отнять у исследователя широкую перспективу, принижая его до уровня ремесленника». (Там же, стр. 111).

вести ее до конца с полным успехом, естественник должен быть диалектическим материалистом¹. Следовательно, представители частных наук должны знать марксистскую философию и *сознательно* руководствоваться ею, а философы должны не в меньшей мере знать основное содержание частных наук, овладеть их достижениями. Это внутреннее единство диалектического материализма и частных наук есть *корень, жизненность, решающее условие* развития и диалектического материализма, и частных наук.

Современный позитивизм, противопоставляя философию и науку, стремится оторвать их друг от друга, превратить философию (метафизику) в «техническое» орудие анализа языка (естественного или искусственного) средствами математической логики и тем самым ликвидировать ее как специфическую форму общественного сознания и си тему научного знания. Так, лингвистические аналитики относят философские проблемы к псевдопроблемам, которые несовместимы с наукой и возникают в результате нарушения логических правил языка и его неправильного употребления и потому могут быть решены путем детального анализа и тщательного описания многообразных контекстов словоупотреблений путем кропотливого исследования смысла слов и выражений обычного языка. При этом основным объектом нападок противников марксистской философии является диалектика, которая, по их мнению, не соответствует современной науке. Да, науке не соответствует грубая, примитивная, топорная диалектика, сведенная к «сумме примеров», к системе тривиальных утверждений, диалектика, обобщающая только отдельные успехи и достижения науки и практики, но науке соответствует диалектика, разрабатываемая как Логика, как теория познания, являющаяся итогом, квинтэссенцией всей истории развития науки и общественной практики в целом, их успехов и промахов, их достижений и недостатков.

Как показывает анализ современного состояния неопозитивизма, представление о возможности с помощью анализа языка устранить специфические проблемы философии и превратить ее в некую «техническую» дисциплину, оказалось несбыточной мечтой, и это вынуждены

¹ См. В. И. Ленин, т. 45, стр. 29—30.

признать сами авторы этого мифа. Утверждение о том, пишет, например, Ф. Вайсман, что метафизика — нонсенс, само является нонсенсом.

5. Важнейшей особенностью диалектического материализма является его *творческий характер*. Вообще любая наука носит творческий характер. Однако приходится это подчеркивать, потому что в прошлом каждый философ, создав свою систему, объявлял ее венцом всякого развития. Так поступил даже великий диалектик Гегель, объявивший свою философию концом, вершиной, венцом, дальше которого не должно быть восхождения философского мышления. Между тем наука, которая не развивается, не есть наука. Чтобы наше мышление было научным, оно должно верно отражать действительность, совпадать с ней. Но это возможно лишь в том случае, если оно будет процессом восхождения, поскольку сама действительность находится в непрерывном изменении, в развитии, восхождении. Поэтому наука непрерывно должна совершенствоваться, наполняться, развиваться, обогащаться. Всякий результат в научном познании является началом дальнейшего движения мысли. Результат переходит в начало, начало — в результат. Это взаимопревращение и есть развитие науки.

Марксистско-ленинская философия есть диалектический процесс. Ей чужд догматизм, окаменелость, окостенелость. Возникнув однажды, она непрерывно развивается и совершенствуется. К. Маркс и Ф. Энгельс разработали ее основные принципы, а В. И. Ленин развил ее дальше и поднял на новую, высшую ступень. Говоря об этом, обычно указывают на такие произведения В. И. Ленина, как «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «Материализм и эмпириокритицизм», «Философские тетради», «Государство и революция», «Еще раз о профсоюзах...», «О значении воинствующего материализма». Верно, конечно, что в этих трудах В. И. Ленин *непосредственно* развивает, углубляет марксистскую философию. Однако этим далеко не исчерпывается тот вклад, который он внес в сокровищницу диалектического материализма. Кроме указанного *направления* существуют и другие, по которым В. И. Ленин обогащает его. Это применение, а следовательно, и развитие диалектики *во всех его теоретических произведениях и в его многогранной практической деятельности,*

в особенности в первые годы Советской власти. Опираясь на ленинское философское наследие, наша партия, советские философы на основе развивающейся практики и науки разрабатывают новые философские проблемы, выдвигаемые жизнью.

Философия марксизма глубоко интернациональна. Ее обогащают передовые представители интеллигенции различных стран, коммунистические партии всего мира, которые сознательно руководствуются в своей теоретической и практической деятельности марксистской философией. Она по своей природе носит творческий характер и не претендует на абсолютную завершенность: она развивалась, развивается и будет развиваться непрерывно.

Творческий характер марксистско-ленинской философии не имеет, резюмируется, ничего общего с попытками современных ревизионистов подменить ее «философской антропологией» или «историческим гуманизмом», «обогащать» ее теми или иными некритическими заимствованиями из буржуазной философии, «размягчить» ее, лишить ее революционного содержания.

Как говорилось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии, дополнительные возможности для распространения ревизионистских подделок под марксизм-ленинизм создает неумение или нежелание по-новому подходить к новым проблемам, повторение старых формул там, где они уже изжили себя. Поэтому убедительность критики буржуазных и ревизионистских наскоков на нашу теорию и практику в огромной степени усиливается тогда, когда она опирается на активное и творческое развитие общественных наук, марксистско-ленинской теории¹. В творческом характере марксизма-ленинизма вообще и диалектического материализма в частности, — их жизнеспособность и действенность.

6. Диалектический материализм открыто провозглашает свою *партийность*. Когда мы говорим о партийности философии, то прежде всего имеем в виду противоположные направления в философии, выражающие интересы противоположных социальных сил. В. И. Ленин под партиями в философии понимал два основных направления в ней: материализм и идеализм. Дело, разумеется, здесь не во внешних соображениях, а в объективном со-

¹ См. Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, стр. 103.

держании философии, философских направлений. Вообще всякая наука партийна. Важно правильно понимать партийность науки. Во-первых, партийность науки состоит в том, что она направлена всем своим существом против идеализма, мистики, религии, поповщины, метафизики, т. е. против неверного отражения, а партийность мистики, идеализма состоит в том, что эти формы направлены против науки, научного мировоззрения. Во-вторых, поскольку частные науки не изолированы от философии, то выводы, теоретические положения той или другой науки различно интерпретируются с позиций общей методологии. Значит, в частных науках всегда есть философская основа. Поэтому мы говорим о физиологическом идеализме, об идеализме в физике, об идеализме в химии, об идеализме в математике и т. д. Когда мы говорим, например, об идеализме в физике, мы подразумеваем при этом, что те или иные открытия в физике интерпретируются с точки зрения идеализма. Это и есть партийность в физике. Какие партии борются в физике? Материализм и идеализм, метафизика и диалектика. Эти партии борются во всех частных науках.

Современная буржуазная философия открыто выступает против партийности как частных наук, так и философии. Она объявляет себя беспартийной, пытается возвыситься над материализмом и идеализмом, преодолеть «односторонность» того и другого. Однако этим она доказывает лишь свою партийность, поскольку она антинаучна. Вместе с тем практически к этому скатывается и современный философский ревизионизм, который выступает то под видом творческого развития марксистской философии, то открывает Маркса до Маркса, точнее, в Марксе открывает двух Марксов — молодого и зрелого и противопоставляет их, то ратует за плюрализм в самом марксизме и т. п., но так или иначе отвергает основные принципы диалектического материализма¹.

¹ Так, Э. Фишер материю объявляет результатом человеческой деятельности, смазывает принципиальное различие между материальным и идеальным, выхолащивает классовое содержание общественно-исторической практики, а самое практику понимает эклектически, как некую смесь материального и идеального, отрицает ленинскую теорию отражения и т. д. В этом же плане выступает югославский журнал «Праксис» и сгруппировавшиеся вокруг него философские ревизионисты Р. Гароди, Пруха, Петрович и другие. Так, Р. Гароди, игнорируя тесную связь философии и политики, в книге

Для марксистского материалиста быть партийным в философии — это значит решительно, открыто и последовательно проводить принципы диалектического материализма, отстаивая их в непримиримой борьбе против идеализма и всяких шатаний. Философия была и сегодня остается ареной борьбы классов и партий, идеологическим оружием классовой борьбы. Поэтому, хотя в настоящее время отдельные буржуазные философы могут, конечно, ставить и решать некоторые новые реальные проблемы, но нельзя ни в коем случае забывать, что современная буржуазная философия в целом, в главных своих чертах является мировоззрением реакционной буржуазии и прямо или косвенно направлена против марксизма-ленинизма. Поэтому КПСС и другие братские партии ведут активную идеологическую борьбу против всех форм и видов современной буржуазной идеологии, в том числе и против буржуазной и ревизионистской философии и социологии.

Партийность диалектического материализма проявляется в том, что он есть верное отражение объективной действительности, т. е. его партийность прежде всего в *научности* и как таковой он направлен против антинаучного, лженаучного отражения, против идеализма, метафизики и т. д. Верное отражение диалектическим материализмом объективной действительности совпадает с коренными интересами прогрессивных сил общества и прежде всего с интересами рабочего класса. Наша философия выражает интересы рабочего класса, трудящихся классов, интересы прогрессивных сил общества, потому что она *научна*, а, как говорил Энгельс, чем смелее и решительнее выступает наука, тем более приходит она в соответствие с интересами рабочих.

7. Из этого следует, что философия марксизма есть *философское мировоззрение трудящихся классов и прежде всего рабочего класса*. Как говорил Маркс, подобно тому как диалектический материализм находит в пролетариате свое материальное оружие, так и пролетариат находит в диалектическом материализме свое духовное оружие. В прошлые эпохи трудящиеся классы не имели

«Большой поворот социализма» пишет, что коммунистические партии «не могут иметь официальной философии» и должны быть нейтральны к марксистскому философскому мировоззрению, к революционной диалектике.

своего мировоззрения, а тем более научного. Нередко идеологией рабов, крепостных была религия, а пролетариат первоначально шел за буржуазией, выступал под буржуазными лозунгами. И только в марксистской философии рабочий класс находит свое научное мировоззрение, свое идеологическое оружие.

8. Наконец, *действенность диалектического материализма*. Она прежде всего состоит в том, что это великое орудие преобразования действительности. Как писал в «Тезисах о Фейербахе» К. Маркс, «философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его»¹. Изменять мир возможно только посредством практической, политической, революционной деятельности людей. Но для практической деятельности имеет колоссальное значение познание. Научное теоретическое мышление выступает вообще как способ практического изменения действительности. Диалектический материализм играет важную преобразующую роль, поскольку он опредмечивается через практику и для практики. Именно поэтому диалектический материализм имеет широкое распространение и влияние на умы, чего никогда не было в истории философии. Он является господствующим мировоззрением во всем социалистическом лагере; он является философской основой и испытанным идеологическим оружием всего международного коммунистического и рабочего движения; он является достоянием сотен миллионов людей; он, наконец, становится единственной научной методологией всех частных наук. И чем дальше, тем все больше и больше он будет усиливать свое влияние и в конце концов вытеснит все философские школы и школки и станет единственной, вечно живой, развивающейся философией.

Б. Предмет диалектического материализма

В нашей литературе существует несколько точек зрения по этому вопросу. Одна из них считает предметом диалектического материализма наиболее общие (всеобщие) законы развития общества, природы и мышления; другая — мышление; третья — отношение сознания к

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 3, стр. 4.

материи; четвертая — отношение человека к действительности. Внешне кажется, что все эти точки зрения принципиально отличаются друг от друга, однако ближайшее рассмотрение показывает, что во всех этих случаях речь идет об одном и том же содержании. В самом деле, что такое отношение сознания к материи? Непосредственно есть познание, т. е. мышление; что такое отношение человека к действительности? Это отношение в плане основного гносеологического вопроса может быть двоякое: материальное и идеальное. Материальное отношение к действительности есть не что иное, как предметная материальная деятельность людей, общественно-историческая практика. Остается идеальное отношение, которое в сущности есть опять-таки познание или мышление.

А теперь посмотрим, что из себя представляют остальные две точки зрения о предмете философии. Всеобщие законы развития (всеобщее) и мышление. *В марксистском понимании всеобщее и мышление совпадают, так как всеобщее есть не что иное, как содержание, собственная деятельность самого мышления, отражающая всеобщее в самих вещах.*

Совершенно очевидно, что ни признание всеобщих законов развития предметом философии, ни признание мышления предметом философии еще не дает никакого решения основного гносеологического вопроса. Такое признание не снимает противоположности материализма и идеализма. И идеалисты и материалисты могут признать одно и то же (всеобщее или мышление) предметом философии, ни на йоту не приближаясь друг к другу, оставаясь на своих противоположных позициях. Домарксистские материалисты, как известно, материю признавали предметом философии, но, сводя ее к природе, не увидев общественно-исторической практики и того, что развитие общества есть закономерный естественноисторический процесс, оказались на позициях идеализма в понимании общественного развития.

Не лишне в этой связи напомнить, что в современной буржуазной философии по вопросу о предмете философии имеется множество точек зрения, но их можно свести в общем и целом к двум: современная метафизика (онтология; «первая философия») и современный позитивизм. Метафизика (неотомизм и экзистенциализм)

утверждает, что предметом философии является бытие (всеобщие законы бытия). Позитивизм же во всех своих проявлениях отвергает эту метафизику и проблемы, связанные с учением о бытии, объявляет псевдопроблемами, считая истинной философией всеобщий научный метод мышления. Но, разумеется, в позитивистской интерпретации.

Возможно, здесь имеет место некоторое внешнее сходство с диалектическим материализмом. Так, можно согласиться с тем, что современная метафизика и диалектический материализм есть учение о всеобщих законах бытия. Однако их отличие не в этой внешности, а в их внутреннем содержании, в их сущности, в их противоположном *понимании* этих всеобщих законов бытия. То же самое нужно сказать о мышлении: и позитивизм, и диалектический материализм могут согласиться с тем, что оба они есть науки о мышлении, о всеобщем научном методе мышления. Но опять-таки их отличие не в этой внешности, не в этом «признании», а в том, *кто как понимает этот всеобщий научный метод мышления. Именно кто как понимает бытие и мышление.*

И действительное истинное отличие начинается лишь тогда, когда ставится вопрос — кто как понимает всеобщие законы, мышление. Это блестяще показал В. И. Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм» на примере ошибки Плеханова относительно понятия «опыт». Признание «опыта» предметом исследования или средством познания еще не снимает вопроса о противопоставлении идеализма и материализма, ибо под словом «опыт», несомненно, может скрываться и материалистическая, и идеалистическая линия в философии. Но ни определение опыта как предмета исследования, ни определение его как средства познания, ничего еще не решает в этом отношении¹. Дело в том, как понимать опыт, какое содержание вкладывать в это слово.

Точно так же с всеобщими законами и мышлением. На протяжении всей истории философии как в прошлом, так и в настоящем существовали и существуют тысячи взглядов и их оттенков на это. Поэтому праздными являются рассуждения, не проводящие четко и определенно различия между разными взглядами на эти понятия,

¹ См. В. И. Ленин, т. 18, стр. 156.

в частности, между их диалектико-материалистическим и идеалистическим или метафизическим пониманием. *В высшей степени важно подчеркнуть, что в философии нельзя делать ни шага вперед, нельзя решать ни единой проблемы без четкого, ясного, последовательного и решительного проведения принципа партийности, без содержательного анализа точек зрения с позиций этой партийности.*

Некоторые авторы считают, что мышление не должно быть предметом марксистско-ленинской философии потому, что оно является предметом идеалистической философии или формальной логики. Они сознательно или бессознательно один вопрос подменяют другим, основной гносеологический вопрос, т. е. вопрос о содержании мышления, подменяют вопросом о том, что является предметом философии, т. е. по существу впадают в ту же самую, только что упомянутую ошибку Плеханова. Итак, все дело в том, *как понимать всеобщее.* У Гегеля, например, (а также у неотомистов) всеобщее есть мысль и только мысль. В марксистской философии всеобщее имеет объективный источник в самой действительности, *существует объективно, независимо от мысли, но в то же время оно является непосредственно таковым как логическая форма только в Логике, поскольку оно не познается на этапе чувственного созерцания.* В процессе познания всеобщее, существующее в каждом отдельном особом, специфически вычленяется в мысленно-всеобщее, содержащее в себе в снятом виде богатство отдельного, особенного, индивидуального. «Конкретная целостность, — писал Маркс, — в качестве мысленной целостности, мысленной конкретности, действительно есть продукт мышления, понимания; однако это ни в коем случае не продукт понятия, размышляющего и саморазвивающегося вне созерцания и представления, а переработка созерцания и представлений в понятия»¹.

Таким образом, всеобщее в марксистской философии есть конкретное целое, богатое содержанием *синтетическое знание*, имеющее вне себя в объективном мире свой материальный источник, коим *является общественно-историческая практика человека. Всеобщий универсальный характер отражательной деятельности человека оп-*

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 12, стр. 727.

ределяется универсальным характером его практической деятельности. Всеобщие формы практической деятельности человека и обуславливают всеобщие формы познания. Логика, логическая деятельность и есть логически освоенная общественно-историческая практика. Только так понятое всеобщее является предметом диалектики как Логики, теории познания. Можно это выразить иначе: предметом марксистской философии являются всеобщие законы развития природы, общества, мышления, или просто всеобщее в его логическом освоении, осмыслении как всеобщее в мышлении, в познании.

Следовательно, в марксистской философии понятия «предельно общие или всеобщие законы» и «мышление» совпадают, здесь совпадение по содержанию, ибо оба понятия выражают одно и то же содержание, а именно: диалектический материализм является наукой не о материи как таковой (это предмет всех частных наук), а о том, как мыслит материя, наукой о ее познании, наукой о том, как возникает и развивается новое знание. Именно это одно и то же содержание Энгельс выражает в разных формах. Говорит ли он о том, что за философией остается «только царство чистой мысли»; или, что «из всей прошлой философии самостоятельное существование сохраняет учение о мышлении»; или, что диалектика есть наука «об общих законах движения как внешнего мира, так и человеческого мышления»¹ и т. д. — он говорит об одном и том же, что предметом диалектического материализма является мышление, и эти высказывания отличаются друг от друга лишь по внешней форме.

Это одно и то же содержание В. И. Ленин также выражает в разных формах. Говорит ли он о том, что «Логика есть учение не о внешних формах мышления, а о законах развития «всех материальных, природных и духовных вещей», т. е. развития всего конкретного содержания мира и познания его, т. е. итог, сумма, вывод истории познания мира»; или о том, что «продолжение дела Гегеля и Маркса должно состоять в диалектической обработке истории человеческой мысли, науки и техники»; или о том, что «в «Капитале» применена к одной науке логика, диалектика и теория познания (не надо 3-х слов: это одно и то же) материализма»², — он говорит об од-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 20, стр. 25, т. 21, стр. 302, 316.

² См. В. И. Ленин, т. 29, стр. 84, 131, 301.

ном и том же, что предметом диалектического материализма является мышление, ибо законы развития всех вещей и есть итог, сумма, вывод истории познания мира, т. е. *мышление*. Поэтому В. И. Ленин совершенно справедливо упрекал Плеханова, не обратившего внимания на то, что собственно диалектика как философская наука и есть теория познания марксизма, его большая Логика, и решительно подчеркивал эту мысль неоднократно. Эти высказывания Энгельса и Ленина не оставляют ни тени сомнения в том, что они диалектику (диалектический материализм) понимают как теорию познания, как Логик¹.

Предмет каждой науки, как бы ни был он связан с предметами других наук, должен обладать относительной *самостоятельностью, своей спецификой*. Ни одна наука невозможна без этого.

Во время господства натурфилософии, когда не было дифференциации наук, или этот процесс только начинался, философия имела непосредственно дело не только с теорией, но и с эмпирией. Однако, когда частные науки одна за другой возникают и развиваются, идет бурный процесс дифференциации их, меняется и предмет философии. Высшая форма последней — диалектический материализм не изучает *непосредственно* материальные объекты, поскольку с ними имеют дело все частные науки и, следовательно, он обращен к материи опосредствованно через результаты частных наук, ибо диалектическая обработка истории человеческой мысли, науки и техники не есть непосредственное отражение объективного мира.

Эволюция научного познания достигла такого состояния, когда между философией и ее материальным источником возникли промежуточные звенья — частные науки, делающие их взаимосвязь *опосредствованной*. Эту мысль выразил еще Энгельс в следующей форме: «Идеологии еще более высокого порядка, то есть еще более удаляющиеся от материальной экономической основы, принимают форму философии и религии. Здесь связь представлений с их материальными условиями существования все более запутывается, все более затемняется промежуточ-

¹ У автора этих строк эта точка зрения в ранее вышедших работах проводилась непоследовательно.

ными звеньями. Но все-таки она существует»¹. Диалектический материализм связан с объективным миром, изучает его всеобщие формы, но отнюдь не в натурфилософском плане, не в духе старой и новой онтологии, а *опосредствованно*, через частные науки, в плане материалистической диалектики, понимаемой как логика, как теория познания.

В свою очередь частным наукам жизненно необходима Логика, марксистская теория познания. «Самым ценным завоеванием, — совершенно справедливо пишет акад. Н. Н. Семенов, — которым может и должна поделиться с естествознанием философия, является прежде всего марксистский диалектический метод мышления. С этой точки зрения философия и выступает прежде всего как Логика с большой буквы, как теория познания, соответствующая современному уровню развития и запросов естественных и социально-исторических наук XX века»². Лишь в этом случае возможен подлинно творческий, обогащающий обе стороны, союз философии и естествознания. По этому вопросу мы полностью разделяем мнение П. В. Копнина, когда он пишет: «Союз естествознания и философии покоится не на том, что философия решает вопросы за естествознание и исправляет ошибки естествовников, когда они вторгаются в области философии, а специалисты различных отраслей естественнонаучного знания походя решают философские проблемы и исправляют естественнонаучные ошибки философов. Такой «союз» скорее приведет к отрыву их друг от друга»³.

Ни одна другая наука, кроме диалектического материализма, не является Логикой, теорией познания. В этом и только в этом *специфика и относительная самостоятельность марксистской философии*. Чтобы всеобщие законы развития стали специфическим предметом диалектики, они должны превратиться частными науками в мышление и в Логике находить свое категориальное выражение, получить логическое самосознание, стать логическими формами. Иными словами, законы объективной диалектики, *являющиеся предметом исследования всех*

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 21, стр. 312.

² Н. Семенов. Марксистско-ленинская философия и естествознание. «Коммунист», 1968, № 10, стр. 49.

³ П. В. Копнин. Философские идеи В. И. Ленина и логика. М., 1969, стр. 51.

наук, всего научного познания, должны в логике достигать высшего своего выражения в форме всеобщих логических принципов развития всего сущего. Поэтому, если у частных наук имеются эмпирическая и теоретическая стадии исследования, то у марксистской философии нет такой эмпирической стадии исследования, а лишь теоретическая стадия — притом высшего порядка абстрагирования. Это содержание можно выразить и в такой форме: все результаты частных наук и их процесс в единстве являются эмпирической стадией для философского исследования (дело не в названии «эмпирическая стадия», а что она из себя представляет у частных наук и философии, в том, как ее понимать). Если частные науки восходят от эмпирии к теоретическим обобщениям, то марксистская философия должна диалектически обрабатывать их результаты, их процесс, их историю, восходя от теоретических обобщений частных наук к всеобщему, к всеобщим логическим формам, ибо только это всеобщее составляет предмет и специфику марксистской философии. Лишь только не сводимая к «сумме примеров» и возведенная в высшую развитую научную абстракцию и выраженная в предельно всеобщей теоретической форме диалектика является теорией познания, Логикой, подлинно научным всеобщим методом познания объективной действительности и мышления.

Последовательное проведение материалистического принципа отражения и открытие материалистического понимания истории позволили обнаружить, что законы диалектики общи бытию (природе и обществу) и мышлению, что субъективная диалектика, диалектика как наука является аналогом и вместе с тем методом объяснения происходящих в материальном мире диалектических процессов, т. е. объективной диалектики.

Никакая онтологическая теория не может осознать и выразить какой-либо объективный процесс вне исторической практики, не превращая его в способ материальной деятельности, не говоря уже о самой мыслительной деятельности. Никакое знание не может быть выражено иначе, как только в формах мышления. Дела природы переводятся на язык деятельности человека. Поэтому наука о законах развития объективной действительности является наукой о процессе и методе ее познания, о формах и законах мышления, с помощью которых обобща-

ются и закрепляются в сознании миллиарды раз повторяющиеся отношения материальной практики. Таким образом, диалектика, материализм, логика, теория познания в марксизме — одно и то же. Поэтому признание различия между диалектикой, Логикой и теорией познания возвращает нас к домарксистской философии, когда эти науки были оторваны друг от друга и диалектика выступала то как отражение объективной диалектики, то как отражение субъективной диалектики. «В действительности, — как верно подчеркивает А. Х. Касымжанов, — диалектика есть учение о выявляемой в ходе исторического развития знания одной единственной диалектики — *объективной диалектики* вещей, составляющей в то же время логику, внутреннее строение мышления. Поэтому диалектика не с одной стороны — логика, с другой — теория познания, с третьей — онтология, а целиком, со всех сторон есть учение о познании, о мышлении и его законах»¹.

Может возникнуть вопрос: если диалектика, логика и теория познания — одно и то же, то почему перечисляем три слова, не лучше ли принять одно из них для выражения одного и того же содержания? На этот счет существует ряд соображений. Во-первых, существуют науки: формальная (традиционная) и математическая логика, порою неправомерно претендующие на роль единственной науки о мышлении. Поэтому в необходимой связи нужно подчеркнуть, что марксистская диалектика есть подлинная, настоящая, единственная Логика (с большой буквы), единственная наука о мышлении в его диалектико-материалистическом понимании, в то время как формальная и математическая логика — это науки не о мышлении как таковом, а о его устойчивых внешних формах, о готовых результатах мышления, выраженных в языке (в естественном или в искусственном)². Во-вторых, до сих пор в буржуазной философии существуют логика, гносеология, онтология (метафизика) как самостоятельные науки. Следовательно, диалектический материализм в непримиримой борьбе против этих «кусков» в

¹ А. Х. Касымжанов. Как читать и изучать «Философские тетради» В. И. Ленина. М., 1968, стр. 130.

² Это, разумеется, не означает, что диалектика отбрасывает формальную и математическую логику, она лишь ограничивает их предмет и возможности.

соответствующей связи выступает как Логика, как гносеология. В-третьих, в силу генезиса и условий внутреннего и внешнего развития, марксистская философия называется то диалектическим материализмом, то материалистической диалектикой, то диалектической логикой. А ведь все это одно и то же, не надо трех названий и из них нужно остановиться на одном — «диалектический материализм», ибо, как неоднократно подчеркивали классики марксизма, «философия марксизма есть диалектический материализм»¹.

В нашей философской литературе существуют все еще вопросы, которые ждут своего решения. Последнему мешает некоторое отступление от понимания диалектического материализма как Логики, теории познания, что выражается в различных формах.

1. Правомерно ли, например, деление наук на «философские» и «нефилософские»? Нет, неправомочно! В марксизме есть одна философия — диалектический материализм, следовательно, одна философская наука. Деление наук на «философские» и «нефилософские» является укоренившимся анахронизмом, который тормозит развитие философской мысли. Могут возразить: по своему генезису частные науки являются «философскими», поскольку они отпочковались от философии. Но при этом не следует забывать, что если все науки в этом смысле являются «философскими», то нет «нефилософских» наук. Следовательно, это деление вымышленное. Однако оно проводится не в этом смысле, и *никто не знает, в каком*. «Философскими» науками у нас принято считать диалектический материализм, историю философии, этику, эстетику, социологию, научный атеизм, научный коммунизм, науковедение и т. д. «Нефилософскими» считаются все естественные, филологические, экономические, правовые и т. д. науки. Кто скажет, каков критерий такого деления? Никто! *Ибо такого объективного критерия не суще-*

¹ «Признает ли референт, что философия марксизма есть диалектический материализм?»

Если нет, то почему не разобрал он ни разу бесчисленных заявлений Энгельса об этом?

Если да, то зачем называют махисты свой «пересмотр» диалектического материализма «философией марксизма»? (В. И. Ленин, т. 18, стр. 5). «Все эти лица не могут не знать, что Маркс и Энгельс десятки раз называли свои философские взгляды диалектическим материализмом». (Там же, стр. 9).

ствует. Почему, например, марксистская политэкономия — «нефилософская» наука, а марксистская этика — «философская»? Если уж этика философская наука, то политэкономия и подавно «философская» наука, ибо Маркс разработал диалектику как логику и теорию познания, т. е. собственно марксистскую философию на материале политэкономии, а не этики.

Ясно само по себе, что деление наук на «философские» и «нефилософские» имеет место по той простой причине, что нивелируется, точнее — игнорируется *специфика* марксистской философии. И как только диалектика сводится к «сумме примеров» или к принципам частных наук, так и возникает возможность делить науки на «философские» и «нефилософские». И напротив, когда восторжествует специфика нашей философии, ленинское понимание диалектики как Логики и теории познания, тогда исчезнет такая возможность, отпадет надобность в самом таком делении. Тогда станет очевидным каждому, что кроме диалектического материализма нет «философских» наук, ибо нет частной науки, которая обладала бы спецификой философии, была бы Логикой, теорией познания, и нет марксистской философии, которая была бы частной наукой. Существующее же ныне положение свидетельствует о том, что мы недостаточно заботимся о классификации наук, о формальном отпочковании таких частных наук, как этика, эстетика и т. д., ибо они фактически давно отпочковались, — короче, о нашем «философском хозяйстве». Во всяком случае давно назрела необходимость ставить, обсуждать и решать эти вопросы.

2. Другой формой того же содержания является «профилирование» нашей философии, когда ее привязывают к профилю вуза или частной науки. Это на деле в большинстве случаев означает ее ликвидацию как Логики, теории познания и создание разных «частных» индивидуальных философий, скажем, философии механических наук, философии физических наук, философии химических наук, философии социальных наук, даже философии эстетики. Слов нет, диалектический материализм как всеобщая методология всех частных наук выполняет эту свою роль специфически, сообразуясь со спецификой частной науки. Поэтому изложение диалектического материализма должно, конечно, сопровождаться «для популярности», для лучшего его усвоения «примерами», в ос-

повном, из области той науки, которая является профилирующей в данном вузе, на данном факультете и т. д. Однако при этом он не должен быть подменен частной наукой. Его всеобщие принципы не должны сводиться к принципам частной науки, он должен сохранять свою относительную самостоятельность. Как известно, разрабатывая диалектику на частном политико-экономическом материале и применяя ее к исследованию, Маркс вовсе не сводил ее принципы к принципам политэкономии. К сожалению, у нас это ставшее модой «профилирование» есть подчас не что иное, как утрата собственной философской специфики.

3. Есть еще одна форма проявления того же содержания. Это так называемые «философские проблемы естествознания». Как это понять? Если эти проблемы есть проблемы разработки Логике современного научного познания, то это вовсе не проблемы естествознания, а проблемы непосредственно философии. Если же это проблемы сведения диалектики к «сумме примеров» из соответствующих разделов естествознания, то это не философия и не естествознание. Если это непосредственно проблемы естествознания, то почему они называются «философскими»? Если это проблемы вооружения естествознания философскими знаниями, то это не философские проблемы, а проблемы пропаганды философских знаний и т. д.

В статье «О значении воинствующего материализма» В. И. Ленин подчеркивал, что «ряд ответов на те философские вопросы, которые ставятся революцией в естествознании» естествоиспытатели найдут не в самом естествознании как таковом, а «в материалистически истолкованной диалектике Гегеля». И чтобы помочь им в этом, философы должны, «опираясь на то, как применял Маркс материалистически понятую диалектику Гегеля... разрабатывать эту диалектику со всех сторон»¹, путем обобщения *всей* истории познания и общественной практики.

Из приведенных слов В. И. Ленина видно, что под «философскими проблемами естествознания» он понимал не какую-то отдельную науку или особое научное направление, а проблемы самой философии — те философские вопросы, которые возникают в ходе развития естествен-

¹ В. И. Ленин, т. 45, стр. 30—31.

ных наук и которые должны разрешаться не самими этими науками, а философией. Это, конечно, несколько не «подрывает» союза последней с частными (в том числе и естественными) науками.

Задача философии, как правильно пишет Г. Свечников, состоит не в том, чтобы быть лишь тенью естествознания и задним числом «оправдывать» и объяснять то или иное естественнонаучное открытие и «не только в том, чтобы освещать путь, уже пройденный наукой, а главным образом в том, чтобы на основе изучения этого пройденного пути освещать дорогу для продвижения науки вперед. В противном случае наука будет вынуждена искать дорогу своего продвижения вперед вслепую, посредством проб и ошибок»¹.

Последовательное и решительное проведение в жизнь ленинского принципа диалектики, понимаемой как Логика и теория познания, позволит преодолеть не только указанные выше, но и некоторые другие недостатки нашей философии. Вместе с тем, последовательное проведение этого принципа неизбежно должно привести к коренному изменению структуры изложения диалектического материализма.

Какова же должна быть структура, логика изложения диалектического материализма? Не будет открытием, если сказать, что на этот вопрос дан ответ В. И. Лениным еще в фрагменте «К вопросу о диалектике». Говоря о методе Маркса в «Капитале», В. И. Ленин писал: «Таков же должен быть метод изложения (respective изучения) диалектики вообще (ибо диалектика буржуазного общества у Маркса есть лишь частный случай диалектики)»².

Как известно, «Капитал» Маркса есть образец глубочайшего научного исследования, где совершенная логическая форма наилучшим образом воплощает в себе развитое диалектическое содержание, соответствуя ему, где субординированная система категорий воспроизводит предмет как генетически и синтетически развитое диалектически расчлененное единое целое. Это богатство «Капитала» мы использовали еще недостаточно. Поэтому

¹ Г. Свечников. Ленинский подход к философским вопросам естествознания. «Коммунист», 1971, № 1, стр. 28.

² В. И. Ленин, т. 29, стр. 318.

изложение курса диалектического материализма страдает, по нашему мнению, рядом существенных недостатков.

Перед нами «Программа курса марксистско-ленинской философии» для вузов. В ней имеются по крайней мере следующие недостатки: не реализуются два основных логических принципа научного исследования и изложения — *восхождение от абстрактного к конкретному и совпадение исторического и логического*. В результате нет системы субординированных категорий, а есть хаотичность в изложении, причем многие темы излагаются не в строгом соответствии с требованиями марксистской диалектики. Так, тема 4 («Материя и основные формы ее существования») и тема 5 («Сознание, его происхождение и сущность») излагаются до диалектики, вследствие чего получаются два оторванных друг от друга «куска» (этим характеризовалась домарксистская философия). Совершенно непонятно, по какому критерию одни парные категории объявляются законами диалектики, а другие только категориями. Например, почему «качество и количество» есть закон, а, скажем, «содержание и форма» — не закон, а категории. Не подчеркивается и не проводится до конца идея сути диалектики — взаимопревращения противоположностей, что обедняет самое диалектику. Тема 11 («Теория познания») появляется в «хвосте», чем авторы программы подчеркивают свое несогласие с тем, что диалектика, материализм, теория познания, Логика в марксизме *одно и то же*. Наконец, еще более досадным, ничем не оправданным является искусственное деление единой марксистской философии на две части: на диалектический материализм и исторический материализм. Это деление идет по всем линиям — научной и организационной, как по содержанию, так и по форме.

Прежде всего позволительно спросить: исторический материализм есть диалектический или нет? Если да, то зачем «и»? Если нет, то какой же он материализм? Наивный или метафизический? В истории философии, как показано выше, известны три исторических формы материализма: а) наивный или стихийный материализм, б) метафизический материализм, в) диалектический материализм. Другой исторической формы философского материализма не существует. Вычленение исторического

материализма из диалектического создает впечатление существования четвертой формы материализма и есть не что иное, как обеднение содержания самого этого философского материализма, есть фактическое лишение его этого «углубления и развития», о котором говорил В. И. Ленин¹, есть шаг назад к домарксистскому материализму.

Необходимо отличать материалистическое понимание истории как важнейший принцип материалистической диалектики от марксистской социологии, являющейся, разумеется, самостоятельной наукой, которая должна руководствоваться общей методологией всех частных наук — диалектическим материализмом. Только единство и взаимопроникновение всех принципов делает марксистскую философию диалектическим материализмом. Без этого она превратилась бы в механический агрегат частей, правил, предписаний. Марксистская философия есть единое, цельное и неразделимое ни в структурном отношении, ни в функциональном, ни по форме, ни по содержанию.

В этой связи напомним, что Марксу принадлежат два великих открытия: материалистическое понимание истории и прибавочная стоимость. Первое открытие как исторически, так и логически составляет основу, сущность диалектического материализма, второе — политэкономии. Странное дело: материалистическое понимание истории вычленяется из диалектического материализма в самостоятельную науку, а вот марксистская теория прибавочной стоимости не вычленяется из политической экономии Маркса: никто, по крайней мере, не говорит о существовании двух учебных дисциплин — марксистской политической экономии и марксистской теории прибавочной стоимости. И это верно. Ибо нет марксистской политэкономии без ее сущности — марксистской теории прибавочной стоимости. Точно так же нет диалектического материализма без его сущности — исторического материализма.

Фактически у нас утвердилось следующее ненормальное положение: одна философия (диалектический материализм) обращена к природе и объявляется методологией естественных наук, другая философия (исторический материализм) обращена к обществу и объявляется

¹ См. В. И. Ленин, т. 23, стр. 44.

методологией общественных наук. Такое «разделение труда» этих двух «философий» является логическим завершением того раскола, о котором речь шла выше. Между тем, в марксизме нет двух философий и двух методологий наук, а есть одна философия и одна методология для всех без исключения наук — и естественных, и общественных — диалектический материализм. Какую методологию Маркс применял в исследовании такой общественной науки, как политическая экономия? Исторический материализм? Нет! Материалистическую диалектику как Логiku и теорию познания. Не довольствуясь существованием «двух философий», некоторые авторы в недалеком прошлом ратовали за создание «третьей философии» — диалектики природы. Но логика вещей подсказывает, что это не все, что надо придумать еще одну философию, которая объединяла бы все эти три части. В противном случае останемся без философии.

Предмет исторического материализма, как он определен в программе по курсу марксистско-ленинской философии для вузов, не имеет ни своей относительной самостоятельности, ни своей специфики. Это искусственно выхваченные из разных частей марксизма и столь же искусственно соединенные между собой «куски», которые просто повторяют другие частные дисциплины. Так, например, вопросы темы «Природа и общество» должны рассматриваться по теме «Материя и сознание», ибо в марксистском, а не в метафизически-материалистическом понимании материя и есть природа и общество. Третья тема посвящена материальному производству, способу производства и т. д. Но, во-первых, оно есть материя, высшее состояние материи; во-вторых, есть специальная марксистская наука — *политэкономия*, предметом которой как раз и являются способы производства. Спрашивается, есть ли необходимость в таком параллелизме? Абсолютно нет! Темы «Классы и классовая борьба», «Политическая организация общества», «Социальная революция», «Роль народных масс и личности в истории. Личность и общество» изучаются и должны изучаться юридическими науками, историей партии, социологией, научным коммунизмом и т. д. Тема «Общественное сознание и его структура» должна изучаться по теме «Материя и сознание», а тема «Формы общественного сознания» — соответствующими частными науками: этикой,

эстетикой, научным коммунизмом, науковедением и т. д.

Таким образом, если устранить повторения, то на долю предмета исторического материализма ничего не остается. Растворяя этот великий принцип во множестве тем из других наук, мы тем самым не возвышаем, а понижаем его значение. Расширительное понимание этого принципа не идет ему на пользу. И если ко всему этому добавить еще то, что, как сказано ранее, исторический материализм, отделившись от диалектического материализма, выражает лишь один принцип — материалистическое понимание истории без указания на диалектику, то становится абсолютно очевидной научная несостоятельность вычленения исторического материализма из диалектического.

Нет надобности более подробно останавливаться на указанных недостатках или приводить еще другие. Сказанного достаточно, чтобы убедиться в необходимости коренного изменения этой «Программы». При этом глубокое осознание той истины, что решение этой проблемы возможно только на путях творческого использования логической структуры — логического богатства «Капитала» Маркса, обеспечило бы ее практическое решение. Изложение в «Капитале» реализовано в форме спирали, что напоминает о подражании Гегелю. Как известно, «Наука логики» Гегеля состоит из трех книг: учение о бытии (качество, количество, мера), учение о сущности (сущность, явление, действительность), учение о понятии (субъективность, объективность, идея). У Маркса логическая структура «Капитала» в целом находится в соответствии со структурой учения о сущности. Первый том «Капитала» — процесс производства капитала (сущность); второй том — процесс обращения капитала (явление); третий том — процесс капиталистического производства, взятый в целом (действительность).

Что касается первого отдела первого тома «Капитала» («Товар и деньги»), то этот отдел находится в соответствии с первой книгой «Науки логики» и образует малый виток на большом витке спирали, состоящей в свою очередь из множества малых и мельчайших витков. Логическая структура «Капитала» Маркса более сложна и конкретна, чем «Науки логики» Гегеля, поскольку первая является дальнейшим развитием второй на материалистической основе.

Логическая структура «Капитала» Маркса не есть частный случай, имеющий силу применения только в анализе капитализма, а является той единственно возможной всеобщей формой, в которой теоретическое мышление может и должно логически воспроизвести, воссоздать предмет как диалектически расчлененное единое целое. Любое зрелое, развитое теоретическое исследование целого (а не части) возможно на основе логической структуры «Капитала» Маркса: разделение единого на две части (единого капитала на его производство и его обращение), изучение каждой части в чистом виде и синтез обеих частей (процесс капиталистического производства, взятый в целом), т. е. воссоздание целого (что и является реализацией принципов восхождения от абстрактного к конкретному и совпадения исторического и логического).

Поскольку диалектический материализм есть целое, то его необходимо разделить на две части: на учение о материи и учение о сознании, изложить эти части в чистом виде как самостоятельные моменты, а затем в третьей части — в учении о действительности¹ синтезировать их, воссоздав таким образом единое органическое целое, а не механическую сумму частей. При этом, разумеется, следует подчеркнуть, что эта цель может быть достигнута лишь при одном условии: если эта трехчленная форма будет наилучшим образом соответствовать своему содержанию — диалектике, понимаемой как Логика, как теория познания.

¹ В данной книге излагается первая часть — учение о материи. Остальные две части — учение о сознании и учение о действительности будут опубликованы позже, отдельным изданием.

Часть первая

Учение
о
материи

ГЛАВА ПЕРВАЯ

МАТЕРИЯ КАК ИСХОДНАЯ АБСТРАКЦИЯ

§ 1. ПРАКТИКА — ОСНОВА, ИСТОЧНИК ПОЗНАНИЯ

Величайшим завоеванием научной мысли является марксистское учение о *практике*. Впервые Маркс и Энгельс открыли и подчеркнули решающую роль общественно-исторической практики в познании действительности. Суть этого учения состоит в том, что практика является *основой, источником, движущей силой, критерием истинности и целью познания*. Чувственно-предметная деятельность людей, процесс материального преобразования природных и социальных сил лежит в основе всей истории человечества и познания. Общественная жизнь в сущности своей является *практической*.

Главный недостаток всей домарксистской философии состоял в том, что ею игнорировалась решающая роль материальной практики в познании. Если объективный идеализм познание рассматривал как самосознание мистической идеи и выводил его из лона этой идеи, а субъективный идеализм познание рассматривал как самопознание абстрактного «Я» и выводил его из этого «Я», то старый материализм представлял дело таким образом, будто действительность отражается в голове людей сама по себе, независимо от их практической деятельности. В сущности нет разницы между этими крайностями, поскольку все они отрывали познание от практики, выражая в разной форме идеалистическое понимание общественной жизни.

Найдя в практике ключ к материалистическому пониманию истории, классики марксизма тем самым научно обосновали материальное, практическое происхождение познания. «Как естествознание, так и философия

до сих пор совершенно пренебрегали исследованием влияния деятельности человека на его мышление. Они знали, с одной стороны, только природу, а с другой — только мысль. Но существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как раз *изменение природы человеком*, а не одна природа как таковая, и разум человека развивался соответственно тому, как человек научался изменять природу»¹.

Только диалектико-материалистическое понимание практики позволило понять, что идеи, мысли, понятия, категории, логические формы, законы и т. д. вытекают не из лона мистической идеи или «Я», а из реальных человеческих отношений, выработаны человечеством в процессе и на основе практической его деятельности, в процессе осмысления этой деятельности. «Но что сказал бы старик Гегель, — писал Маркс, — если бы узнал на том свете, что *общее* (Allgemeine) означает у германцев и скандинавских народов не что иное, как общинную землю, а частное (Sundre, Besondre) — не что иное, как выделившуюся из этой общинной земли частную собственность (Sondereigen). Проклятие! Выходит, что логические категории все же прямо вытекают из «наших отношений»². Люди, развивающие свое материальное производство и свои материальные отношения, изменяют вместе с тем свое мышление и продукты этого мышления. Мышление, изолирующееся от своего материального источника — практики есть мистика, схоластика.

Развивая эти мысли Маркса и Энгельса, В. И. Ленин неоднократно подчеркивает, что человек в процессе практики подчиняет своей воле и своим целям природу, которая не удовлетворяет человека, и человек своим действием решает изменить ее. Деятельность человека, составившего себе объективную картину мира, изменяет внешнюю действительность, уничтожает ее определенность. Практика и есть объективный материальный процесс действительного преобразования мира в специфических человеческих социальных формах деятельности. В. И. Ленин подчеркивал, что практика человека и человеческой истории составляет узловой пункт марк-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 20, стр. 545.

² Там же, т. 32, стр. 45.

систской теории, что включение практики в теорию познания, в логику коренным образом изменило философию. Развивая дальше марксистское положение о материальном, практическом происхождении логических форм, В. И. Ленин писал: «Практика человека, миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека фигурами логики»¹. Это объясняет, почему продукты мыслительной деятельности имеют практическое значение, служат орудиями практики, а их истинность может быть проверена на практике. Вот почему «точка зрения жизни, практики должна быть первой и основной точкой зрения теории познания. И она приводит неизбежно к материализму, отбрасывая с порога бесконечные измышления профессорской схоластики»². Вместе с тем В. И. Ленину принадлежит идея о том, что подлинно революционной может быть лишь практика, вооруженная революционной теорией. Господство человека над природой — практика есть результат объективно верного отражения в голове человека явлений и процессов природы. Поэтому-то логика — наука не о внешних формах мышления, а о законах развития всех материальных и духовных вещей — развития всего конкретного содержания мира и его познания.

Категории логики, определяясь практикой, являются отражением закономерностей объективного мира, практики в том числе. Вместе с тем практика является движущей силой, решающим условием познания и определяет его направление, характер, формы и т. д. Иными словами, практика порождает по «образу и подобию своему» и логические формы, отражающие различные уровни, состояния самой практики. Всеобщие универсальные логические формы в конечном итоге определяются всеобщими формами и характером практики, безграничностью возможностей практической деятельности людей, безграничностью вовлечения действительного мира в орбиту и формы собственно человеческой деятельности.

Говоря о решающей роли практики в познании, мы подчеркнули лишь одну ее сторону, а именно то, что практика есть основа, источник познания, а следова-

¹ В. И. Ленин, т. 29, стр. 198.

² Там же, т. 18, стр. 145.

тельно, основа, источник формирования логических категорий, но оставили в стороне другие ее стороны, которые в соответствующей связи будут рассмотрены самостоятельно. Вместе с тем решающая роль практики в возникновении, формировании, развитии логических категорий не исключает ни их *относительной самостоятельности*, ни необходимости их рассмотрения *в чистом виде*.

§ 2. ПРИНЦИП РАССМОТРЕНИЯ В ЧИСТОМ ВИДЕ И СУБОРДИНАЦИЯ КАТЕГОРИЙ

Более того, в интересах исследования прежде всего необходимо остановиться на принципе¹ *рассмотрения в чистом виде* и субординации категорий, поскольку никакое движение научной мысли невозможно без него. Незнание этого принципа или неумение сознательно применять его в исследовании не раз приводило в истории научного познания ко всякого рода теоретическим недоразумениям, порождало серьезные логические затруднения и парадоксы.

Как показал К. Маркс, главная ошибка всех политико-экономов, в том числе А. Смита и Д. Рикардо, состояла как раз в том, что вследствие незнания этого принципа они прибавочную стоимость рассматривали *не в чистом виде*, не как таковую, а в особых формах прибыли и ренты, не представляли ее ясно выраженным образом в форме определенной категории, отличной от ее особых форм. И чем более последовательно они проводили основной закон стоимости, тем более они прямо смешивали, не вводя никаких посредствующих звеньев, прибавочную стоимость с более развитой формой, с прибылью. Отсюда возникал ряд непоследовательностей, бессмыслиц и противоречий, которые пытались разрешить схоластическим путем, с помощью словесных ухищрений.

В научном исследовании путаница начинается не там, где та или иная категория рассматривается специально,

¹ Под «принципом» в данной работе понимается руководящее начало в диалектическом движении познания, сознательно принимаемое основание в теоретическом исследовании.

особо, в чистом виде, а как раз там, где этого не делается, где категории не рассматриваются особо, со стороны их специфики, в чистом виде.

Суть этого принципа, говоря словами Маркса, состоит в следующем: для мысленного воспроизведения предмета в его чистом виде надо оставить в стороне все отношения, не имеющие ничего общего с данным объектом анализа, надо отвлечься от всех тех обстоятельств, которые не вытекают из имманентных рассматриваемому предмету законов, и которые скрывают внутреннюю игру механизма исследуемого процесса; затемняют и деформируют его истинный ход. Но такое рассмотрение всегда есть огрубление, омертвление, без чего познание невозможно, ибо «мы не можем представить, выразить, смерить, изобразить движение, не прервав непрерывного, не упростив, огрубив, не разделив, не омертвив живого. Изображение движения мыслью есть всегда огрубление, омертвление, — и не только мыслью, но и ощущением, и не только движения, но и *всякого* понятия».

И в этом *суть* диалектики. *Эту-то суть* и выражает формула: единство, тождество противоположностей¹. Природа теоретического познания такова, что оно не есть молниеносный, одновременный акт непосредственного, исчерпывающего, всестороннего отражения вещи, а есть сложный противоречивый *временной* процесс последовательного, постепенного отражения различных сторон вещи через ряд абстракций, законов, категорий и т. д. в совокупности, в итоге воспроизводящих данный предмет. Всестороннее познание предмета возможно через познание его *отдельных сторон в чистом виде, через отдельные абстрактные определения, т. е. через односторонность, и иначе невозможно.*

Если предмет есть некая система, некое образование и вне познающего субъекта существует как некое нераздельное, нерасчлененное целое, то его познание осуществляется путем его разделения, огрубления, членения. Если он в своем объективном бытии невозможен в разделии своих сторон (а сами эти стороны невозможны друг без друга), то его познание невозможно без членения, без разделения. Даже весьма отдаленное, поверх-

¹ В. И. Ленин, т. 29, стр. 233.

ностное представление о предмете мы получаем таким же путем, не говоря уже о теоретическом познании, возможном лишь через ряд абстракций.

Так, атом есть единство электронной оболочки и ядра. Он невозможен без этих двух сторон. Однако его познание возможно только путем его разделения на эти стороны и изучение их порознь. Человеческий организм есть единство взаимосвязанных сторон, каждая сторона (орган) которого выполняет свои сложные, сугубо определенные физиологические функции, что возможно только в этом единстве и невозможно вне этого единства. Рука вне организма не есть рука. Но если организм объективно невозможен в разделении, в виде изолированных друг от друга частей или «кусков», то его познание невозможно без разделения, членения и т. д. По этому существуют десятки наук, имеющих вполне самостоятельное значение, каждая из которых изучает только свой особый предмет, изолируя ту или иную сторону этого единого живого организма и рассматривая ее в *чистом виде*, как самостоятельный объект (предмет) исследования.

Выполнение этого требования является важной предпосылкой открытия в чистом виде самой сущности предмета. Вычленение сущности всегда есть частный случай рассмотрения в чистом виде, но его основной аспект. Этот аспект определяется Марксом как необходимость рассматривать внутреннюю природу исследуемого процесса независимо от всех конкретных форм ее существования, от всего того, что затемняет ее познание. Выделение чистых абстракций составляет главную трудность теоретического исследования, и в то же время оно играет в нем решающую роль. В таких абстракциях с наибольшей ясностью выражена общая природа всех тех сложных и запутанных процессов, которые являются лишь ее проявлением и модификацией. Поэтому путь познания конкретного один — через чистые абстракции, абстрактные определения к их синтезу, к генетическому и синтетическому воспроизведению конкретного в мышлении. Следовательно, наше мышление является не только *аналитическим*, но и синтетическим, оно не только разделяет и открывает сущность, закон, всеобщую основу и т. д., но и синтезирует разделенные абстрактные определения в одно целое. Но сам этот синтез обусловлен

опять-таки принципом рассмотрения в чистом виде и без него невозможен.

Для рассмотрения в чистом виде чрезвычайно важно, чтобы, во-первых, познание долго не задерживалось, а тем более не останавливалось навсегда на знании отдельных сторон предмета, чтобы остановка мысли была временной и снималась восхождением; во-вторых, чтобы это знание не выдавалось за всестороннее знание, знание предмета в целом; в-третьих, чтобы всестороннее знание не выдавалось за знание одной отдельной стороны предмета и т. д., чтобы не обеднялось более полное знание, не принижалась его роль и значение путем его подмены тощей абстракцией. Нарушение этих условий является характерной особенностью всех разновидностей метафизики, как способа познания вообще.

Исследование категорий в чистом виде отнюдь не означает, что категории существуют изолированно друг от друга. Каждая категория есть ступенька, узловой пункт в познании лишь в связи с другими категориями и, напротив, вне этой связи она не является таковой. Категории, не находящиеся во взаимоотношениях друг с другом, не представляющие внутренне необходимой, взаимосвязанной диалектической системы, могут быть только мертвыми, раз навсегда данными, неподвижными абстракциями, ничего общего не имеющими с диалектическим процессом отражения.

Вообще никакая наука невозможна без системы понятий, категорий, без их взаимоотношений, взаимосвязи, взаимопереходов; каждое понятие неразрывно связано с другими, переходит в другие. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал всестороннюю, универсальную гибкость понятий, категорий, гибкость, доходящую до тождества противоположностей. Категории логики отражают живую связь только благодаря тому, что они гибки, вечно движутся, переходят друг в друга, переливаются одна в другую, составляя внутренне необходимую систему, где все они одновременно тождественны и различны. Такова их диалектическая природа.

Однако движение, развитие, взаимопереход не есть чисто логическое самодвижение или самопознание понятий, как это утверждает Гегель, а есть отражение движения, развития объективного мира. Субъективная диалектика есть отражение объективной диалектики. На-

ше мышление и объективный мир, указывал Энгельс, подчинены одним и тем же законам и не могут противоречить друг другу в результатах, а должны согласовываться между собой. Отражение объективной диалектики мира в категориях означает, что последние сами подчинены законам диалектики. При этом, разумеется, марксизм не отрицает относительной самостоятельности понятий и категорий. Положение Маркса о том, что идеальное есть материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней, включает в себя, предполагает относительную самостоятельность понятий, поскольку под «преобразованием» понимается обобщенное, абстрагированное выражение действительности в понятиях и категориях, а не непосредственное выражение в чувственных образах.

Вместе с тем принцип рассмотрения в чистом виде должен быть проведен с такой последовательностью и с таким пониманием, чтобы обеспечить восхождение от абстрактного к конкретному, создавая диалектическую систему субординированных, переходящих друг в друга категорий. Источником восхождения является противоречие. Переход от одной категории к другой есть разрешение противоречия, выражающее собою генетическое развитие новой категории, переход к новой категории, с удержанием в себе предыдущей в снятом виде. Строго говоря, *субординация* категорий возможна в движении, в действии, в их применении к познанию и невозможна вне этого.

Категории, вступая в различные связи и отношения, должны меняться своими местами и ролями. В определенной связи та или иная категория выдвигается на первый план и для своего определения, выражения и исследования в чистом виде как бы подчиняет себе другие. Например, когда говорим: «материя есть объективная реальность, существующая вне нашего сознания и данная нам в ощущениях», то категория «материи» для своего определения, выражения подчиняет себе категории «сознание», «ощущение» и т. д. Но когда говорим: «истина есть верное, проверенное практикой, отражение объективной реальности» или «совпадение мысли с предметом», то категория «истина» для своего выражения и определения подчиняет себе «отражение», «практику», «объективную реальность», «мысль», «предмет» и т. д.

Исследуемой категории для ее исследования подчиняются многие другие категории.

Восхождение от абстрактного к конкретному в любом научном исследовании есть процесс. Но поскольку это — *временной* процесс, то сразу, одновременно вывести генетически все категории восхождения невозможно. Это можно делать только постепенно, последовательно, руководствуясь диалектической природой познания — движением мысли от простого к сложному.

С другой стороны, процесс восхождения не следует понимать как некую заранее мертвую схему, по которой мысль должна осуществлять свое движение. Например, последовательность генетического выведения категорий нельзя понимать в том смысле, что сначала излагается одна категория изолированно от других, уже известных, а затем — другая, тоже изолированно и т. д. Рассмотрение категорий в чистом виде не есть абсолютная их изоляция друг от друга. Напротив, исследование одной категории в чистом виде возможно только с помощью других категорий. Иначе ее исследование станет просто невозможным. Нельзя исследовать неизвестное с помощью неизвестного.

Вместе с тем важно учесть и следующее обстоятельство: практически исследователь приступает к изложению результатов своего исследования после того, как он закончил, завершил его. А что это значит? Это значит, что он, приступая к изложению исследования методом восхождения, уже имел в своем распоряжении богатство логических средств, с помощью которых он излагает результаты, достигая своей цели. А цель — воспроизведение исследуемого предмета, как сложной диалектически расчлененной системы взаимосвязанных, вытекающих одна из другой категорий, связей и отношений. Этой цели должны быть подчинены и средства восхождения.

Самым сложным вопросом процесса восхождения является вопрос об этапах восхождения. Но его не решить без подчинения одних категорий другим. При этом подчинение одних категорий другим, рассмотрение их в разных связях и отношениях является логическим законом восхождения.

Роль, место, назначение категорий меняется по мере перехода от одного этапа восхождения к другому, по мере движения мысли от абстрактного к конкретному.

В данном случае данные категории выступают как средство исследования других категорий, в другом — как предмет и цель исследования. И то и другое вытекает из необходимости восхождения и служит его задачам.

Сложность процесса восхождения состоит в том, чтобы верно установить логическую последовательность категорий этапов, ибо никакое генетическое выведение, развитие категорий невозможно, если нарушается принцип *последовательности*. А для этого категории с неизбежностью должны меняться ролями и местами: то, что в данной связи, на данном этапе восхождения выступает как *средство*, орудие познания, в другой связи, на другом этапе восхождения выступает как *предмет и цель* познания. Таким образом, весь путь восхождения состоит из взаимосвязи, взаимодействия и взаимопереходов категорий, которые в единстве, в итоге воспроизводят предмет как сложную диалектически расчлененную систему.

Далее, поскольку категории логики — предельно общие категории и применяются к любой области знания, то в каждой конкретной области исследования, точнее, в каждом конкретном исследовании они должны подчиняться предмету исследования, ибо этот предмет имеет свою отличную, специфическую исходную абстракцию, свою специфику восхождения от абстрактного к конкретному и т. д. Иными словами, предмет исследования и специфика восхождения должны подчинить себе соответствующие категории для воспроизведения исследуемого предмета как диалектически расчлененного единого целого.

Как показал Маркс, экономические категории у Рикардо находятся не в соподчинении, не в диалектических переходах, не в развитии, а в *координации*, существуют рядом, друг возле друга, поскольку Рикардо хитроумно подводит все конкретные категории под всеобщий закон стоимости, или делает мучительные усилия, чтобы вывести неопровержимые эмпирические явления непосредственно, путем простой формальной абстракции, из этого закона. У него из стоимости не развивается прибавочная стоимость, из последней — прибыль и т. д., а эти категории берутся в *координации*. Иными словами, поскольку Рикардо не развивает категории друг из друга, у него не может быть и речи о субординации. Метафи-

зике, вообще говоря, чужда субординация категорий, ей присуща координация категорий, что и делает ее неспособной адекватно, верно отражать действительные глубокие отношения и связи.

У Маркса же, наоборот, категории находятся в отношении субординации, поскольку высшие категории генетически развиваются из низших. Высшая категория отрицает низшую диалектически, т. е. так, что низшая не отбрасывается полностью, а снимается, сберегается, сохраняется в высшей своим положительным содержанием. Например, прибавочная стоимость отрицает стоимость, но в то же время содержит ее в себе, поэтому прибавочная стоимость конкретна, а стоимость абстрактна; первая богаче, сложнее второй. Но прибавочная стоимость, в свою очередь, отрицается прибылью и в то же время сохраняется, сберегается в ней. Поэтому прибыль конкретна, прибавочная стоимость абстрактна и т. д. Восхождение от абстрактного к конкретному у Маркса, таким образом, есть диалектическое развитие категорий от низшего к высшему, от простого к сложному, есть развитие высших форм из низших, высших категорий из низших.

Следовательно, сам способ восхождения от абстрактного к конкретному включает в себя субординацию категорий, ибо высшие из них подчиняют себе низшие. Но характерно то, что Маркс для достижения цели исследования предмета приводит в движение, действие и подчиняет ему множество категорий логики, такие, как качество и количество, тождество и различие, противоречие и противоположность, сущность и явление, содержание и форма, внутреннее и внешнее, возможность и действительность и т. д.

Он предмету, задачам, цели своего исследования подчиняет категории диалектики и в той связи, в какой обеспечивается восхождение от абстрактного к конкретному в исследовании капиталистической экономики как единого организма. Применение материалистической диалектики к законам и формам мышления дает ключ к верному пониманию их природы, к уяснению их роли, места, значения в процессе познания, является методологическим началом, «ариадниной нитью» постановки и решения еще не решенных вопросов, связанных с исследованием

философских категорий вообще, вопроса об их субординации, в частности.

Понимание и сознательное применение принципа рассмотрения в чистом виде и субординации категорий в данной работе должно обеспечить имманентное движение познания по материалу, переход от одной категории к другой и воспроизведение предмета — марксистской философии — как диалектически расчлененного, генетически и синтетически развитого, единого целого.

§ 3. ЕДИНИЧНОЕ

Вопрос о начале или исходной абстракции (отношении) в любой науке является исключительно сложным, но вместе с тем чрезвычайно важным. От его правильного решения в значительной степени зависит само научное исследование и логическая последовательность его изложения — как по содержанию, так и по форме. Однако задача облегчается тем, что этот сложный вопрос достаточно полно разработан Гегелем на мистической основе и Марксом — на материалистической.

Так, Гегель в «Науке логики» (в «Учении о бытии») предпосылает специальный параграф «С чего следует начинать науку», где излагает свое понимание этого вопроса. Его точка зрения состоит в следующем: начало должно быть *абсолютным*, абстрактным началом; оно, таким образом, ничего не должно предполагать, ничем не должно быть опосредовано, не должно также иметь никакого основания; оно, наоборот, само должно быть непосредственным основанием всей науки. Эта простая непосредственность как логическое начало есть, по Гегелю, «чистое бытие». Дальнейшее движение вперед от этого начала должно быть в то же время возвращением назад в это основание. Существенным для науки является не столько то, что началом служит нечто непосредственное, а то, что все ее целое есть в самом себе круговорот, в котором первое становится также и последним, а последнее также и первым. Вместе с тем это начало противоречиво: оно есть единство бытия и ничто. И то, что начинается, уже *есть*, но в такой же мере также его еще нет. Поскольку предмет должен выясниться только в ходе самой науки, то поэтому не существует никакой дру-

гой формы для получения иного начала, кроме пустого бытия¹.

Маркс исследование в «Капитале» также начинается с чистого «пустого бытия»: «сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся, *отношение* буржуазного (товарного) общества: обмен товаров»². Это начало также есть единство бытия и ничто: оно и есть и одновременно его нет.

Началом изложения диалектического материализма также должно быть *простое бытие*. Таким чистым простым бытием является *простое сознание* того, что «миллиарды» раз наблюдаемые и изучаемые людьми вещи, явления, предметы существуют *объективно, независимо от сознания людей*: «*Наивный реализм*» всякого здорового человека состоит в том, что вещи, мир существуют независимо от нашего сознания. Реально существующие вещи есть прежде всего единичные вещи. Единичное или отдельное, индивидуальное есть ограниченное в пространстве и во времени явление или система явлений.

Разумеется, единичное в истории философии понималось не только материалистически, но и *идеалистически*, как нематериальное *начало* — нус (Анаксагор), идея (Платон), монада (Лейбниц), ощущения (Беркли, Юм) и т. д., — вносящее порядок в пассивную, безликую материю. Гегель также мистифицировал единичное. В его понимании единичное есть необходимая форма внешнего существования идеальной действительности, необходимый момент всеобщего, форма опредмечивания понятия, ступень процесса его опредмечивания.

Таким образом, единичное выступает исходным принципом, началом познания в историческом плане. Но оно является исходным, началом познания и в логическом плане. Индивидуальное познание есть не что иное, как восхождение от единичного ко всеобщему и его определениям через *особенное*. То, что было первым в истории познания, то и является первым для самого логического познания. Следовательно, единичное есть одновременно как историческое, так и логическое *начало*, исходный принцип познания.

¹ См. Гегель. Соч., т. V, стр. 49—65.

² В. И. Ленин, т. 29, стр. 318.

Единичное есть объективно существующая качественная определенность, есть способ бытия действительности, необходимая форма бытия всеобщности. Следовательно, единичное связано с всеобщим, переходит в него. *Метафизическая ограниченность* во взглядах на единичное и всеобщее состояла в том, что эти категории отрывались друг от друга и абсолютизировалось либо единичное, либо всеобщее. Между тем эти противоположности тождественны и различны. Единичное не существует иначе, как в той связи, которая ведет к всеобщему. Всеобщее существует лишь в единичном, через него. Всякое единичное есть всеобщее, и наоборот. Как возникновение, так и развитие единичного обусловлено всеобщим, всеобщими закономерностями развития, которым подчиняется множество других единичных явлений. Поэтому нельзя понять (познать) единичного, если (как понимает плоский эмпиризм) изолировать его от всеобщего. Но, разумеется, путь к последнему лежит через единичное.

Познание начинается с анализа эмпирически данного и подтверждаемого практической деятельностью людей *единичного*, и, опираясь на полученный результат, оно неизбежно восходит к всеобщему, закону, сущности. Объективной основой самого этого восхождения является предметная деятельность людей, потребности этой деятельности. Именно последняя для себя и в своих интересах ставит перед познанием постоянную задачу восхождения к всеобщему, к открытию все новых и новых закономерностей развития. И чем глубже и шире фронт предметной деятельности, тем сложнее эта задача, а чем успешнее реализуется и опредмечивается эта задача, тем эффективнее, действеннее практическое изменение действительности. Неисчерпаемость познания обусловлена неисчерпаемостью практической предметной деятельности. Таким образом, переход от единичного к всеобщему не есть «субъективная фикция», как думают неопозитивисты, а является объективным законом познания, обусловленным закономерностями практической деятельности людей.

§ 4. ВСЕОБЩЕЕ

Переход единичного к всеобщему есть превращение первого во второе, есть восхождение мысли.

В античном материализме всеобщее рассматривается как простая непосредственность, как чувственно-конкретное и в принципе не отличается от единичного: оба они слиты, еще нерасчленены. Так, вода у Фалеса — единичное, чувственно-конкретное и в то же время является всеобщим началом всего сущего, то же самое — огонь у Гераклита и т. д.

У идеалистов общее как нематериальное начало оторвано от реальных материальных вещей и существует без них, как некая самостоятельная сущность. Но в то же время это все же есть единичное, отдельное существо. *Аристотель* делает шаг вперед, подвергая критике учение Платона об идеях, считая, что всеобщее составляет сущность вещи и нельзя ее рассматривать отдельно от вещи, без единичного, ибо идеи, будучи сущностями вещей, не могут существовать отдельно от них. Но в то же время *Аристотель* все-таки отрывает всеобщее от единичного, рассматривая его не только как сущность единичных вещей, но и как цель, во имя которой возникают и исчезают единичные вещи. Хотя *Аристотель* непоследователен, «путается», как говорил *Ленин*, в диалектике единичного и общего, тем не менее у него по этой проблеме имеются такие элементы диалектики, которые не были развиты последующим ходом философской мысли — вплоть до *Гегеля*.

В средние века реалисты всеобщее понимали как «слово» (*Логос*) бога, а номиналисты как «слово» человеческого духа.

Что касается метафизики XVII—XVIII вв., то она отрывает всеобщее от единичных вещей, рассматривая его в качестве субъективной абстракции, созданной разумом для собственного употребления. Так, *Джон Локк* считал, что общее и универсальное не принадлежит действительному существованию вещей, а изобретено и создано разумом для собственного употребления и касается только знаков, слов или идей. *Спиноза*, а также французские материалисты XVIII в. хотя и признавали, что абстрактные, общие «слова» имеют источник в вещах, но понимали этот источник как простое сходство вещей.

Слабость метафизического материализма была использована идеализмом. Д. Юм, развивая локковское понимание всеобщего, приходит к отрицанию материальности мира, а Кант рассматривает всеобщее как непознаваемое, как трансцендентально-психическую реальность. В его понимании, существует эмпирическое общее и априорное общее. Первое есть абстракция от одинаковых фактов, данных в пределах опыта. Второе — подлинное всеобщее существует вне всякого опыта, аргіогі. Первое недостаточно, поскольку всегда есть возможность появления такого факта, которого не знал опыт, или который опыт до сих пор не фиксировал; второе всеобщее является всеобщим не потому, что реально существует в действительности, а потому, что «трансцендентальное сознание» по своей природе неспособно воспринимать явления действительности иначе, как в форме априорных категорий.

Гегель отвергает субъективно-идеалистическое понимание всеобщего Кантом и Фихте. Однако он критикует их справа, т. е. с точки зрения объективного идеализма, понимая под всеобщим «абсолютную идею». Причем последнюю он отличает от абстрактно-общего или от простого общего и считает, что в высшей степени важно как для познания, так и для практического поведения, чтобы не смешивали лишь общее с истинно всеобщим, поскольку абстрактное общее есть *простое сходство* явлений, в то время как *конкретное всеобщее есть сущность, закон развития явлений, который осуществляется в единичном, отдельном особо, специфически, воплощая в себе богатство отдельного, особенного*. Эта, по оценке В. И. Ленина, «прекрасная формула» выражает ту мысль, что конкретно всеобщее наполнено глубоким содержанием и несравненно богаче абстрактного всеобщего, подобно тому как одно и то же нравоучительное изречение в устах юноши, понимающего его совершенно правильно, не имеет для него того значения и охвата, которое оно имеет для умудренного жизнью зрелого мужа, видящего в нем выражение всей силы заключенного в нем содержания¹. Верно указав на то, что всеобщее содержит в себе богатство единичного и особенного, Гегель в то же время абсолютизирует всеобщее, превращает его в самосто-

¹ См. Гегель. Соч., т. V, стр. 38—39.

тельную сущность, существующую до реальных единичных вещей, в самостоятельный субъект, демиург действительности. Вот почему у него в основе всего лежит всеобщее как идея, идеальная цель. Оно первично, начало реальной истории и результат в логике, где всеобщее или идея достигает самопознания в логических категориях.

Материалистически переосмыслив диалектику Гегеля, классики марксизма развили ее дальше, показав, что категория общего есть прежде всего отражение реально общего. Конкретно всеобщее — это не «идея» или ее порождение, а объективная реальность, существующая независимо от сознания, как внутреннее конкретное тождество явлений, как объективный источник, основание, закон единичных явлений. Форма всеобщности — это закон, это форма внутренней завершенности и тем самым бесконечности; она есть соединение многих конечных вещей в бесконечном.

Абстрактно всеобщее, безусловно, имеет важное значение в познании, поскольку оно является «понятием рассудка». Однако оно не выходит за рамки последнего, не восходит к разуму и, следовательно, не наполняется конкретным противоречивым содержанием, не отражает объективно всеобщего, как оно есть в себе. Поэтому, не отрицая значения абстрактного всеобщего в познании, изучаемого традиционной логикой, в то же время следует указать на его ограниченность, снимаемую диалектической логикой.

Таким образом, всеобщее в познании имеет два аспекта: всеобщее как внешнее сходство, как внешнее абстрактное тождество и всеобщее как внутреннее конкретное тождество, тождество многообразного, как сущность, закон, проявляющийся в единичном многообразии особо.

Особенное есть синтез, единство единичного и всеобщего, их взаимопереход, который всегда протекает особо, имманентен только данному случаю. Не может быть никакого взаимоперехода единичного и общего без особенного. Односторонность единичного и всеобщего снимается в особенном.

Незнание диалектики единичного и всеобщего, как показано выше, является гносеологическим источником различных разновидностей идеализма. Но вместе с тем

это является и гносеологическим источником догматизма и ревизионизма в рабочем движении. В настоящее время особенно важно четко представлять диалектику общего и единичного при анализе общих закономерностей социалистической революции и социалистического строительства и их своеобразного, специфического проявления в отдельных странах.

Как показал исторический опыт, *путь различных стран к социализму* отмечен такими общими для всех их вехами, как: а) социалистическая революция в той или иной форме, включая слом государственной машины эксплуататоров; б) установление в той или иной форме диктатуры пролетариата, вступившего в союз с другими слоями трудящихся, ликвидация эксплуататорских классов; в) обобществление средств производства и утверждение социалистических производственных и других отношений; г) культурная революция.

Уже построенный социализм характеризуется следующими общими основными чертами: а) власть трудящихся при авангардной роли рабочего класса, руководство общественным развитием со стороны марксистско-ленинской партии; б) общественная собственность на средства производства и на ее основе плановое развитие всего народного хозяйства на высшем техническом уровне в интересах благосостояния всего народа; в) осуществление принципа «от каждого по его способностям — каждому по его труду»; г) воспитание всего народа в духе идеологии научного коммунизма, в духе дружбы с народами братских стран социализма и трудящимися всего мира; д) внешняя политика, основанная на принципах пролетарского интернационализма. Это общие коренные признаки социализма, основные его закономерности¹.

Правые *ревизионисты* игнорируют всеобщее — главные закономерности перехода от капитализма к социализму и строительства социалистического общества и преувеличивают, раздувают единичное — конкретные национальные (исторические, экономические и т. п.) условия различных стран. Рассуждая об особых, — «национальных путях» каждой страны к социализму и

¹ См. Л. И. Брежнев. Дело Ленина живет и побеждает. М., 1970, ч. 3, § 1.

конструируя различные «национальные модели» социализма, современные буржуазные идеологи (Р. Даниельс, Г. Симон) и ревизионисты (Р. Гароди, О. Шик и др.) под видом учета национальных особенностей отрицают общие законы всякого социализма и выпячивают единичные его черты. Тем самым их желание «улучшить», «усовершенствовать» социализм превращается на деле в попытку его ликвидации (события в Чехословакии). «Теория» множественности «моделей социализма» потянула за собой логически вытекающую из нее концепцию о плюрализме, множественности марксизмов, с точки зрения которой чуть ли не каждая страна должна иметь «свой» марксизм. В этой связи отрицается международное значение ленинизма, содержание которого ограничивается чисто «русскими условиями».

Догматики (и левые ревизионисты), наоборот, игнорируют единичное, специфическое и абсолютизируют общее. Они считают, что социализм должен строиться всегда по одной и той же раз навсегда установленной схеме, независимой от конкретно-исторической обстановки в той или иной стране, в ту или иную эпоху. Догматики, выступая под знаменем «ортодоксального марксизма», не учитывают изменившихся условий современного общественного развития, не видят новых проблем и настаивают на старых формулах, не пригодных в новых обстоятельствах. Они стремятся слепо применять общие принципы социализма без учета конкретных исторических условий, не понимая того, что требуется такое применение, «которое бы *правильно видоизменяло* эти принципы в *частностях*, правильно приспособляло, применяло их к национальным и национально-государственным различиям»¹.

Оба рассмотренных взгляда являются односторонними, а поэтому ошибочными, и не соответствуют реальной жизни. Истина состоит в том, чтобы противоположности — общее и единичное — рассматривать в их внутреннем тождестве, подчеркивая, что всеобщее возможно лишь в единичном и лишь *особо*, специфически. Раскрывая общие закономерности перехода к социализму и строительства социалистического общества, марк-

¹ В. И. Ленин, т. 41, стр. 77.

сизм-ленинизм требует их творческого применения к конкретным условиям каждой конкретной стороны.

Восхождение от единичных явлений к их всеобщему, а затем от последнего к конкретному в познании есть не что иное, как движение мысли от эмпирии к теоретическому обобщению, к открытию сущности, закона, конкретного всеобщего и далее преломление последнего через практику в единичном *особо, специфически*. Обнаружение *особенного* непременно предполагает установление различия, поскольку оно есть форма, в которой реализуется единичное и всеобщее, переходя друг в друга.

Категории общего, особенного и единичного, будучи отражением свойств, сторон реальных предметов, являются вместе с тем *логическими формами*, в которых фиксируются знания об этих предметах, и *ступенями познания*. Познать всеобщее, установить закон можно только путем изучения, сопоставления и обобщения многих единичных явлений. Поэтому познание есть восхождение от единичного через особенное к всеобщему, от менее общего к более общему, от абстрактно-общего к конкретно-общему¹. Отыскав сущность, закон определенного класса предметов, познание движется затем в обратном направлении — от общего к единичному и объясняет особенную природу каждого конкретного предмета или предсказывает специфику еще не известного явления, относящегося к тому же классу (например, открытие Менделеевым периодического закона и предсказание свойств еще не известных тогда химических элементов)².

Поскольку процесс восхождения от единичного к всеобщему и от него к конкретному есть сложный процесс перехода от единичного, данного в чувственной конкретности, к абстрактному мышлению, просвечивающему всеобщее, не связанное непосредственно с материальным его носителем, то имеется возможность преувеличения одной из этих сторон. Так, *сенсуалисты* преувели-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 20, стр. 538—541; 548; В. И. Ленин, т. 29, стр. 187, 252, 268.

² Более подробно о диалектике общего, особенного и единичного в естественнонаучном познании, в частности, в познании вещества (на материале химии и физики) — см. работу Б. М. Кедрова «Энгельс и диалектика естествознания». М., 1970.

чивали познание от единичного к всеобщему, *рационалисты*, например, — от всеобщего к единичному. Ф. Бэкон считал, что единственно истинным методом является индуктивный метод, метод постепенного восхождения от частного к общему и недооценивал движения мысли от общего к отдельному, единичному, полагая, что метод, основанный на понятиях, отвлеченных от вещей, всегда является сомнительным, подозрительным.

В противоположность индуктивному методу Р. Декарт преувеличивает значение общих понятий, полагая, что чувственные данные «нас обманывают», что только разумом можно постичь все существующее. Этому способствуют «врожденные идеи», которые, представляя собой нечто реальное, исходящее от бога, ясны и очевидны, и поэтому могут быть только истинными.

Односторонность этих двух крайностей преодолена еще Гегелем, однако на мистической основе.

Истина состоит в том, что ни единичное и общее в объективном мире, ни чувственное и рациональное в познании друг без друга невозможны. Вместе с тем в каждом конкретном случае, в самом процессе восхождения, на данном отрезке витка познания в зависимости от характера, состояния предмета исследования и от состояния познания тот или иной момент может приобретать решающее значение для того, чтобы затем снимать себя для самого восхождения. Как говорилось ранее, и исторически и логически познание начинается с единичного, отдельного, без чего оно, попросту говоря, невозможно. Но вместе с тем абстрактное мышление, «просвечивая» единство многообразного, вычленяет всеобщее, которое, выступая в форме научных абстракций и определений, является кроме того и ступенью познания конкретного, т. е. возвратного движения мысли к синтезу абстрактных определений, к мысленно-конкретному.

Современные позитивисты (логический позитивизм, аналитическая философия и др.) недооценивают роль научных абстракций в познании. Но они в этом отношении не оригинальны. Как известно, вульгарные экономисты задолго до них «решительно» отвергали научные абстракции. Если А. Смит и Д. Рикардо недостаточно развивали научную абстракцию, что и помешало им постичь истину, то их последователи — вульгарные эконо-

номисты вовсе отвергали научные абстракции. Маркс показал, что без последних невозможно за многообразием единичных, эмпирически данных явлений открывать сущность. Так, например, изменения меновой стоимости, бросающиеся в глаза при поверхностном взгляде, без научной абстракции можно принять за сущность — стоимость. Но тогда становится невозможным научное исследование, попросту говоря, тогда наука излишня.

Современные неопозитивисты, так или иначе недооценивающие роль научных абстракций, роль всеобщего в познании, представляют дело таким образом, будто бы по мере развития процесса абстрагирования последнее отрывается от единичного предмета и понятия становятся пустыми звуками (фикциями, лишенными предметного содержания). Они пытаются доказать, что научная абстракция мешает постижению истины и чем неразвитее, эмпиричнее абстрагирование, тем легче постичь истину предмета.

Так, с точки зрения логического позитивизма в его различных формах — «синтаксического позитивизма» (Фейгель), «формализма» (Баркер), «инструментализма» (Поппер) и др., подлинным знанием о мире является только эмпирическое знание, выражаемое в «языке наблюдения», а абстракции выступают только как вспомогательные «оперативные средства», удобные логические конструкции, обеспечивающие обработку эмпирической информации. Задача научного познания заключается в установлении связей между эмпирическими данными, наблюдаемыми нами непосредственно, без обращения к теории. Как видим, налицо явное умаление познавательной силы научных абстракций, сведение их к вспомогательным логико-языковым средствам.

Научные абстракции есть некоторый отход от предмета, но это — отход для подхода, для познания сущности. Научное (а не всякое) мышление, восходя от чувственно-конкретного к абстрактному и от него к мысленно-конкретному не отходит от предмета исследования, а подходит к нему, вернее, полнее, воспроизводит его в научных абстракциях.

§ 5. КАТЕГОРИЯ МАТЕРИИ

Важнейшей научной абстракцией является марксистское понятие *материи*. Вопрос о материи всегда стоял в центре философской мысли. Для всех материалистов бесспорным было то, что реально существующие единичные вещи первичны, не зависят от сознания человека. Но вопрос не в том, что существует мир, природа независимо от сознания, объективно, это для любого материалиста, даже «наивного реалиста», очевидно, а в том, как это выразить в познании, в логике понятий. Вот что из себя представляло большое логическое затруднение и порождало различие взглядов на протяжении всей истории домарксистской философии.

На первом этапе истории философской мысли, как показано выше, решение этого вопроса было связано с поисками всеобщей объективной основы (субстанции) бесконечного множества единичных вещей, причем эта основа непременно представлялась как телесное, чувственно-конкретное (вода, воздух, огонь и т. д.). Ограниченность таких представлений о материи, являющихся продуктом непосредственного живого созерцания, заметил еще Аристотель. Однако его попытка решить этот вопрос посредством гипостазированной абстракции формы означала уступку идеализму. В понимании Аристотеля, материя есть лишь возможность вещей. Она пассивна, не действительна, не имеет в себе активного начала и т. д. Активной, действительной является форма, которая выступает как действительность, как импульс, как цель, как конечная причина становления вещей, как творец, бог.

Материалисты XVII—XVIII вв. всеобщую основу видят уже не в том или ином чувственно-конкретном явлении, а в общих неизменных и первичных свойствах всех материальных явлений — таких как *протяженность, тяжесть, движение, понимаемое как перемещение и т. д.*, а атомы, молекулы, «кирпичики» мироздания являются, в их понимании, носителями этих свойств. Но и такой взгляд на материю ограничен, поскольку материя противопоставляется единичным явлениям: явление распадается на первичные и вторичные качества. И самый главный недостаток этого взгляда состоит в том, что здесь имеет место попытка давать определение материи

вне отношения к мышлению, без достаточно развитой абстракции.

Что же касается идеализма во всех его проявлениях, то он отрицает объективную реальность материи, ее объективное бытие путем отрыва абстракции от ее материального источника. Материю идеализм рассматривает как порождение или абсолютной идеи, духа, или человеческого сознания, что в сущности одно и то же.

Итак, если определение материи у домарксистских материалистов связано с недостаточным развитием научной абстракции, то у идеалистов, напротив, оно связано с чрезмерным раздуванием абстракции. Эту историческую ограниченность и тех и других снимает диалектический материализм.

Каков же диалектико-материалистический взгляд на эту важную категорию, которая, собственно, является краеугольным камнем диалектического материализма, его сущностью, исходным основанием? Прежде чем ответить на этот вопрос, нужно ответить на другой вопрос, ибо когда мы хотим знать, что такое материя, очевидно, мы хотим дать ее определение. Что такое вообще определение, какие его аспекты имеют место в научном познании и какими способами можно определять нечто, в данном случае материю?

Определение, или дефиниция, — это логическое сокращение для краткого выражения характерных, в то же время общих черт предмета. Эта логическая операция должна отвечать следующим требованиям: во-первых, вычленять предмет познания из системы или из универсальной связи, очерчивая его грани, формулировать его отличие, его специфику, кратко выражать его общие и характерные признаки: во-вторых, выражать тот или иной существенный признак предмета; в-третьих, выражать значение нового научного результата; в-четвертых, уточнять уже известные результаты научного исследования.

Дефиниции многообразны и бывают разного уровня абстрагирования. Их многообразие обусловлено как предметом, так и задачами и логической структурой определения. Определениями *рассудка* являются дефиниции через *род и видовое* отличие и можно назвать их формально-логическими. Хотя эти дефиниции могут быть вовлечены в научное исследование как необходимое его

средство, т. е. как средство более сложного процесса, и играть роль в нем, тем не менее они истинны в определенной области и непригодны вне ее, так как они не имеют всеобщего характера. Это объясняется тем, что, во-первых, определяемое нужно подводить под более широкое (родовое) понятие; во-вторых, нужно указать признак, отличающий определяемое от других понятий, входящих в тот же род, т. е. указать видовое отличие. Но таким способом определять предельно широкие понятия невозможно¹.

Этот недостаток снимается определениями *разума*², т. е. научной абстракцией более высокого уровня. Так, философские категории являются самыми широкими, предельно общими. Их нельзя подводить под другие, более широкие, поскольку более широких понятий не существует. Следовательно, здесь выступает на авансцену другой способ определения — *диалектический*. Суть его состоит в *отношении* определяемого к своему другому — своему противоположному. Этот способ содержит в себе в снятом виде формально-логическую дефиницию, но не сводится к ней, поскольку последняя не указывает, во-

¹ Невозможно это сделать и при помощи *генетических* определений, т. е. при помощи указания на способ возникновения, происхождения именно данного предмета. Такой вид дефиниций часто встречается в математике (например, круг определяется как фигура, получающаяся в результате вращения отрезка прямой вокруг одного из его концов в плоскости), но для диалектики он не пригоден.

² В интересах дальнейшего восхождения коснемся коротко проблемы рассудка и разума с тем, чтобы позже вернуться к ней и подвергнуть ее специальному анализу. Рассудок характеризуется абстрагированием и разделением целого на изолированные друг от друга части. Поэтому он как тождество, всеобщее, так и различие понимает абстрактно, тем более не видит их взаимоперехода. Он имеет дело с жесткими, неподвижными определениями, являясь внешней рефлексией диалектического мышления, фиксирующей результаты разрешения противоречия, не имея дела с ним. Разум же есть собственно диалектическое мышление. Его основные черты: высшая, содержательная определенность, творчество, гибкость, подвижность, взаимопревращаемость понятий, синтез абстрактных определений, обнаружение и теоретическое разрешение противоречий диалектическим способом, просвечивание внутренней жизни предмета как он есть в себе, воспроизведение предмета как диалектического расчлененного, генетически развитого целого. Разум не отвергает рассудка, а снимает его в себе, возвышаясь над ним как высшее состояние мышления над низшим. Рассудок — предмет формальной логики. Разум же, содержащий в себе результаты рассудка в чистом виде — предмет диалектической логики.

первых, на предельно общий характер определяемого; во-вторых, на определение через отношение противоположностей, на определение определяемого через свое другое. Именно через *свое* другое, через *свою* противоположность, а не вообще другое.

Через какую свою противоположность, через какое свое другое возможно определять материю? Своим другим материи является *сознание*. Ее определение, поэтому, возможно лишь через ее отношение к сознанию. В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» вскрыл научную несостоятельность махизма, представители которого отрицали значение диалектического способа определения понятия материи через ее противоположность.

Как известно, махисты упрекали материалистов за то, что они материю и сознание определяют будто как «простые повторения», через их отношение, не замечая того, что они сами, определяя материю как «комплекс ощущений» или «совокупность ощущений» определяют ее также через то же отношение. Следовательно, упрек махистов представляет собой софизм. Безусловно, что иначе определять предельно широкие понятия, кроме как через их отношения к своему другому, нельзя. Разница состоит в том, что материалисты определяют материю как объективную реальность, существующую независимо и вне сознания, а махисты, наоборот, выводят материю из сознания.

Далее, поскольку любая дефиниция — и формально-логическая, и диалектическая — есть *краткое* выражение общих и характерных признаков, постольку она *недостаточна, узка*. Неосознание этой ограниченности дефиниции приводит порой к схоластическим спорам по поводу предмета, ибо само по себе стремление избавиться от предмета одной его дефиницией или объяснение всех сторон и черт предмета одной лишь его дефиницией наталкивается на узость самой дефиниции. С одной стороны, дефиниция должна давать ответы на все вопросы о предмете, с другой, — она не дает этих ответов, ибо она *узка*. Это противоречие может разрешиться только научным исследованием всего предмета, развертыванием его как диалектического процесса. Следовательно, нельзя дефиницию абсолютизировать. Всегда

нужно помнить, что она недостаточна, неполна, несовершенна.

Вместе с тем дефиниции необходимы в познании, без них оно обходиться не может. *Познание не может двигаться вперед, не обращая внимания на себя.* Поэтому, не забывая условного, относительного значения дефиниций, которые никогда не могут охватить всесторонних связей предмета в его полном развитии, нужно применять их в процессе познания, не допуская ни их недооценки, ни их переоценки. При этом *дефиниция должна быть логическим выводом из предшествующей истории познания данного предмета и содержать в себе в снятом виде ее результаты.* Являясь результатом познания, синтезом результатов анализа, дефиниция вовлекается в научное исследование, в процесс производства новых научных истин в качестве необходимого средства и фактора этого процесса.

Итак, что такое материя? «Материя как таковая, — пишет Ф. Энгельс, — это — чистое создание мысли и абстракция. Мы отвлекаемся от качественных различий вещей, когда объединяем их, как телесно существующие, под понятием материи. Материя как таковая, в отличие от определенных, существующих материй, не является, таким образом, чем-то чувственно существующим»¹.

Развивая эти мысли, В. И. Ленин дает следующее определение материи: «Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них»². Это определение материи является высшим результатом теоретического определения материи, оно содержит в себе критику различных разновидностей идеализма — субъективного, объективного идеализма и агностицизма.

Ленинское определение материи имеет большое методологическое значение как для философии, так и для естествознания. И это стало ясно уже тогда, когда оно впервые было сформулировано. Новейшие открытия в физике конца XIX — начала XX в., особенно открытие радиоактивности и электронов, произвели настоящий

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 20, стр. 570.

² В. И. Ленин, т. 18, стр. 131.

революционный переворот в этой области науки, так как они показали, что атомы стнюдь не являются последними и неизменными «кирпичиками мироздания», простейшими и неделимыми частицами вещества. В отличие от прежних представлений классической физики об абсолютно неизменных свойствах атома, было установлено, что атомы обладают «дикивинными» свойствами, существенно отличными от свойств обычных веществ: делимостью, проницаемостью, способностью к превращениям, изменчивой массой и т. п.

Исказив эти достижения физики, идеалисты объявили, будто «атом дематериализовался», «материя исчезла» и, следовательно, материализм потерпел полный провал, выявил свою научную несостоятельность. В работе «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленин на основе глубокого философского анализа новых открытий в физике опроверг эти утверждения. Он убедительно доказал, что нельзя, как это делают идеалисты, во-первых, отождествлять метафизический материализм (который действительно потерпел крах) с материализмом вообще и, во-вторых, смешивать учения о том или ином строении материи (которые непрерывно будут изменяться) с гносеологической категорией материи, смешивать вопрос о новых свойствах новых видов материи (например, электронов) со старым вопросом теории познания, вопросом об источниках нашего знания.

Разоблачая софистические выводы идеализма, Ленин подчеркивает, что исчезла не материя, а тот предел, до которого мы знали материю до сих пор, наше знание идет глубже. Исчезают такие свойства материи, которые казались раньше абсолютными, неизменными и которые теперь обнаруживаются как относительные, присущие только некоторым состояниям материи. «Электрон так же *неисчерпаем*, как и атом, природа бесконечна, но она бесконечно *существует*»¹. И вот это-то существование природы вне и независимо от сознания человека и отражается в философской категории материи.

Чтобы понять все значение этого, рассмотрим, что такое философская категория вообще, категория материи в частности.

¹ В. И. Ленин, т. 18, стр. 277.

Любая наука имеет свой арсенал законов, категорий, средств, методов, приемов и т. д. познания. В скобках заметим, что обычно одни авторы категории определяют как «основные и наиболее общие понятия наук». Другие считают, что категория и понятие одно и то же. Видимо, последнее суждение ближе к истине, поскольку не только категории бывают более широкие и менее широкие, основные и не основные, но и понятия. Однако главное не в этом, а в том, *как понимать категорию, понятие*, какое логическое содержание вкладывать в понятие категории и т. д. Такая постановка вопроса необходима, поскольку в истории философии существовало и существует сегодня множество взглядов, точек зрения о категории, понятии, отражающих сложный путь восхождения от первоначальных абстрактных определений в античной философии до конкретного научного *понятия о понятии* в марксистской философии.

В ранней античной философии, когда мышление еще не было специальным предметом исследования, когда в сущности оно было слито с предметной деятельностью людей, категория понималась как данный в живом созерцании материальный элемент. Позже, в философии Платона, категории (сущее, движение, покой, тождество, различие) хотя и представлены как логические формы, но они гипостазированы, не обусловлены материальным источником и не отражают его. Этот объективно-идеалистический взгляд Платона на категории подвергает критике Аристотель, делая дальнейший значительный шаг вперед в разработке логических форм. В специальном трактате «Категории» он рассматривает категории — сущность, количество, качество, отношение, место, время, положение, состояние, действие, страдание — как отражение и обобщение объективной реальности. Однако дуалистические колебания Аристотеля между идеализмом и материализмом сказались и на его понимании категорий.

В новое время борьба между материализмом и идеализмом разворачивается и в сфере понимания мышления и его форм. Вместе с тем историческими условиями был обусловлен тот факт, что именно идеалистическая философия подвергает более детальному и специальному анализу логические формы. Если домарксистские материалисты в этой борьбе слишком «напирают на природу»,

то идеалисты упор делают на мышление, гипостазировав его. Так, в философии *И. Канта*, как показано выше, важное место занимает исследование мышления и его форм. Он в своей таблице категорий, построенной по триадичной схеме, устанавливает 12 категорий — *качество* (реальность, отрицание, ограничение), *количество* (единство, множество, цельность), *отношение* (субстанция и свойство, причина и действие, взаимодействие), *модальность* (возможность и невозможность, действительность и недействительность, необходимость и случайность). Но в понимании Канта категории оторваны от объективной реальности, не имеют своего источника в ней, а являются порождением субъективного рассудка, функциями последнего. Этот субъективно-идеалистический взгляд на категории у Канта дополняется их метафизической интерпретацией, поскольку они неподвижны, недиалектичны и, как раз навсегда данные, механически наклеиваются на чувственные явления.

Гегелю принадлежит историческая заслуга критики агностицизма Канта и субъективизма *Фихте* и исследование активной, творческой функции мышления. Вместе с тем эта активность у него не есть идеальное выражение активной предметно-преобразовательной деятельности человека, а является самостоятельным всеобщим демиургом.

Поэтому вся система *Гегеля* есть не что иное, как чистая логическая система субординированных категорий, самостоятельно порождающих друг друга и являющихся ступеньками, моментами самодвижения абсолютной идеи. Диалектическое развертывание категорий осуществляется по двум важнейшим логическим принципам, впервые открытым и сознательно примененным *Гегелем*: восхождения от абстрактного к конкретному и совпадения логического и исторического. *Гегель* не устанавливает определенного числа категорий, как это имело место у *Аристотеля* и *Канта*. Развертывание категорий, их гибкость, подвижность, переходы друг в друга и т. д. выражают собой диалектику развития мышления, впервые сознательно и последовательно в наиболее развитой форме разработанную и примененную *Гегелем* к исследованию мышления в его необходимости.

В чем суть марксистско-ленинского понимания категорий?

Во-первых, в том, что категории имеют объективный источник в самой действительности. Принципиальное отличие состоит не в том, что у идеализма категории **есть** формы рассудка, мышления и т. д., а у диалектического материализма есть нечто другое. И у идеализма и у диалектического материализма категории **есть** формы мышления. Отличие состоит в другом — в том, что у идеализма эти формы не являются отражением материального мира, объективной действительности, мистифицированы, оторваны от нее, в то время, как в диалектическом материализме они являются идеальным воспроизведением форм самой действительности, а потому уже эти формы являются формами мышления общественно исторического человека. Они порождены и обусловлены материальным источником — *общественно-исторической практикой человека*, являются выражением закономерности развития действительности. Иными словами, отличие состоит в идеалистическом и материалистическом понимании категорий.

Во-вторых, категории диалектического материализма являются формами не всякого мышления, а теоретического, научного мышления, не рассудка, а разума, потому они суть ступеньки познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать его и овладевать им.

В-третьих, категории диалектичны, подвижны, гибки, текучи; они находятся в развитии, на основе практики и научно-технического прогресса возникают новые категории, а старые наполняются новым содержанием; они взаимосвязаны и взаимно превращаются друг в друга, обеспечивая восхождение, развитие познания в целом.

В-четвертых, категории диалектического материализма несут методологическую нагрузку, выступают как всеобщие логические принципы познания, вооружающие частные науки диалектико-материалистической всеобщей методологией, являясь логикой современного научного познания.

В-пятых, категории есть, как говорит Гегель, *сокращение* бесконечных частных внешнего существования и деятельности. Вообще говоря, никакое познание, а тем более научное, невозможно без сокращений, без обобщений, в противном случае пришлось бы всякий раз перечислять все бесчисленные единичные, реально существующие вещи или столь же бесчисленные их свойства,

что, разумеется, невозможно. Категории познания избавляют от подобного праздного и бесполезного занятия и являются сокращениями, служат для более точного определения и нахождения предметных отношений. Путь восхождения от живого созерцания к абстрактному мышлению как путь движения познания от единично существующих реальных вещей, явлений, данных в ощущениях к их всеобщей основе, к их сущности, есть в то же время сокращение бесконечной массы частных «внешнего существования» и сведение их к их общей основе. При этом познание отвлекается от массы частных, отличительных признаков, особенностей и т. п. явлений и вычленяет их сущность, их внутреннюю всеобщую основу.

Категория материи есть также такое *сокращение*. По какому признаку или свойству можно производить это сокращение? Все явления, вещи и т. д. отличаются друг от друга *чем угодно, но вместе с тем между ними имеется нечто всеобщее*. Таким всеобщим является их *реальное объективное бытие*, т. е. их существование *вне сознания*. Вот единственный признак, с признанием которого связан материализм и по которому возможно провести это сокращение, все это многообразие обобщить и выразить в одном понятии материи.

Из сказанного следует, что материя *не сводится* к тому или иному своему состоянию, к тому или иному свойству, элементу или частице, к тем или иным представлениям о ней, к той или иной субстанции. Она есть научная абстракция, теоретическое, точнее диалектико-материалистическое отражение объективного мира, потому несводима ни к чему и единственное, что выражает эта абстракция, — это *существовать, быть независимо от сознания*¹. Вот эта простая, непосредственная

¹ Современная буржуазная философия в той или иной форме отвергает такое понимание материи и пытается вообще изгнать эту категорию из науки. Так, например, неопозитивист Ф. Франк, фальсифицируя достижения современной физики, утверждает, что будто последняя ничего не говорит ни о материи, ни о духе, ни об их соотношении, но зато много говорит о семантике. Физические понятия, по его мнению, не отражают объективной реальности, а термины, соответствующие этим понятиям, обозначают только данные наблюдения.

Представитель неотолизма Г. Веттер усматривает недостаток диалектико-материалистического определения материи в том, что оно

абстракция и является *исходной* в изложении диалектического материализма, движение которой вперед должно быть в то же время возвращением назад в это основание, т. е. должно быть восхождением, разворачиванием этого абстрактного начала к конкретным модификациям, к диалектически расчлененному, генетически и синтетически развитому единому целому.

§ 6. ОБЪЕКТИВНОСТЬ РАССМОТРЕНИЯ

Из материалистического характера марксистской диалектики как теории познания и логики вытекает одно из основных ее требований — *«объективность»* рассмотрения (не примеры, не отступления, а вещь сама в себе)¹. Суть этого требования состоит в следующем: для адекватного отражения вещи в себе в нашей голове, а следовательно, для постижения истины, прежде всего нужно *сосредоточить мышление на самой этой вещи (объекте познания), не отходить от нее, а проникать во всю ее внутреннюю жизнь, «просвечивать» ее внутреннюю природу, познать ее так, как она есть, независимо от сознания, в действительности, без посторонних прибавлений или убавлений, без привнесения субъектом познания в вещь того, что не принадлежит имманентно ей; пересадить в голову и преобразовать в ней самое эту вещь, а не нечто другое, не подменять эту вещь другой, не привносить в нее нечто постороннее, не принадлежащее самой этой вещи.*

Мышление должно, как говорил Гегель, внимательно присматриваться к собственному движению предмета,

не отвечает на вопрос: есть ли материя «единственная и последняя действительность»? При этом Веттер старательно обходит тот факт, что критикуемое им определение материи диалектично и потому исключает какую бы то ни было «последнюю действительность» (которая, кстати, есть не что иное как «бог»). Кроме того, квантовая физика, по Веттеру, якобы не подтверждает ленинского определения материи.

¹ В. И. Ленин, т. 29, стр. 202. «Метод Маркса, — указывал Ленин в другом месте, — состоит прежде всего в том, чтобы учесть *объективное* содержание исторического процесса в данный конкретный момент, в данной конкретной обстановке» (В. И. Ленин, т. 26, стр. 139). При этом Ленин подчеркивает, что объективность рассмотрения нельзя смешивать с объективизмом (см. В. И. Ленин, т. 1, стр. 418—419).

«отдаться жизни предмета», «задержаться на нем и в нем забыться», не искажая этот предмет посредством примеси наших субъективных представлений и выдумок, не привнося со своей стороны никакого прибавка. Познавание должно держаться по отношению к предмету исследования без предвзятости, сдержанно, дабы он мог себя показать не как определенный субъектом, а таким, каков он в самом себе. Мы должны всецело перенестись в сам предмет, рассмотреть его в нем самом, взять его со стороны тех определений, которыми он сам обладает, а не хвататься за что-нибудь другое. «Теоретическое отношение к предмету начинает с подавления вожделений, оно бескорыстно и оставляет предметам их самостоятельное существование и деятельность»¹.

Ученый, руководствующийся принципом объективности рассмотрения, должен тщательно изучать объективные, реальные факты, хорошие они или плохие, нравятся они ему или не нравятся. И чем больше он отрешится от своих симпатий и антипатий, тем лучше сможет судить о самих фактах и их последствиях.

В более широком смысле объективность рассмотрения вещи включает в себя все 16 элементов диалектики, перечисленных В. И. Лениным в «Философских тетрадах». По меньшей мере объективность рассмотрения непосредственно включает в себя следующие три элемента: во-первых, мышление должно быть направлено на самое вещь в себе (на предмет исследования); во-вторых, мышлением должна воспроизводиться «вся совокупность многообразных *отношений* этой вещи к другим»; в-третьих, мышлением должно воспроизводиться «*развитие* этой вещи (respective явления), ее собственное движение, ее собственная жизнь»².

Разумеется, рассмотрение не может быть объективным, если исключить из него второй и третий элементы и ограничиться только первым. Однако В. И. Ленин эти три элемента диалектики выделяет как самостоятельные моменты для того, чтобы оттенить, подчеркнуть значение каждого из них. Поэтому под объективностью рассмотрения в более узком смысле мы будем понимать рассмотрение *самой вещи в себе*, т. е. *направленность мышления на предмет исследования*.

¹ Гегель. Соч., т. II, стр. 12.

² В. И. Ленин, т. 29, стр. 202.

Прежде всего следует подчеркнуть, что объективность рассмотрения требует соответствующего истинного способа исследования. Не может быть объективным рассмотрение, если метод рассмотрения является неистинным. Рассмотрение как по своему содержанию, так и по форме в решающей степени зависит от того метода исследования, который применяется как к процессу познания в целом, так и к познанию данной вещи в частности. Говоря о том, что «один и тот же предмет различно преломляется в различных индивидах», Маркс в одной из своих ранних работ писал: «Не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным. Исследование истины само должно быть истинно, истинное исследование — это развернутая истина, разъединенные звенья которой соединяются в конечном итоге. И разве способ исследования не должен изменяться вместе с предметом?»¹.

Идея совпадения истинного метода исследования с истинным результатом последнего, совпадения исследования с самой сущностью вещи и выражением ее своеобразия имеет исключительно важное значение для правильного понимания объективности рассмотрения.

Констатация того простого факта, что «один и тот же предмет различно преломляется в различных индивидах», указывает, что не всякое рассмотрение является объективным, не всякое отношение субъекта к объекту дает нам истину. В каких же случаях рассмотрение не является объективным, когда и как нарушается требование объективности рассмотрения?

1. Рассмотрение вещи не является объективным, когда отрицается *объективное бытие*, объективная реальность самой вещи; когда вещи в себе извне навязывается нечто субъективное, приписывается ей субъективное мнение, ничего общего не имеющее с ней. В этом случае к вещи самой в себе примешивается нечто субъективное, что нарушает объективность ее рассмотрения. Это особенно характерно для объективного и субъективного идеализма. Если объективный идеализм отрицает объективность бытия вещи в себе тем, что рассматривает ее как сотворение абсолютной идеи, то субъективный идеализм отрицает объективность существования

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 1, стр. 7—8.

вещей тем, что рассматривает их как продукты сознания изолированного субъекта, как комплексы его ощущений.

2. Объективность рассмотрения вещи в себе нарушается и тогда, когда хотя и признают ее объективное бытие, но в то же время считают, что она принципиально не может «объективным образом входить в нас», не может быть познана так, как она есть вне нас, т. е. в объективной действительности. Наиболее ярко эти мысли выражает кантианство. Исходным тезисом в логике и гносеологии Канта и кантианцев является метафизический отрыв явления от сущности как следствие отрыва познающего субъекта от объекта познания.

3. Нарушение требования объективности рассмотрения имело место не только в идеализме (в кантианстве в том числе), но и у всего домарксовского материализма. Не видя решающей роли общественно-производственной практики как в познании, так и в преобразовании действительности, этот материализм, разумеется, не мог выработать научный метод для истинного, объективного рассмотрения вещи в себе. Он хотя и признает объект познания (вещь в себе) объективным, существующим независимо от субъекта познания, но понимает его абстрактно. Вещь в себе для него внутренне не противоречива, не содержит внутренне присущего источника самодвижения; этот источник он видит вне вещи, а ее развитие понимает как только количественные изменения, как убавление или прибавление, как повторение — без скачков, без прерыва постепенности, без противоречий, или, наоборот, — как цепь только одних скачков.

В понимании домарксистского материализма не только объект познания, но и субъект познания есть абстракт. Действительную человеческую сущность он понимает не как совокупность общественных отношений, а как абстракт, присущий отдельному индивиду, как некую общность, связующую множество индивидов только *природными* узами. Более того, все домарксистские материалисты вообще недостаточно исследовали субъект познания — само человеческое мышление, его формы, его активную, преобразующую роль.

Таким образом, рассмотрение вещи в себе метафизическим материализмом также не является объективным как по содержанию, так и по форме.

4. Нарушение требования объективности рассмотрения лежит в основе софистики (которая есть «гибкость понятий, примененная субъективно») и эклектики, многочисленные грюки и ухищрения которых мы в дальнейшем рассмотрим более обстоятельно.

ГЛАВА ВТОРАЯ

КАЧЕСТВО И КОЛИЧЕСТВО

§ 1. КАЧЕСТВО

Таким образом, абстракция материи есть мысленное отвлечение, выражающее ее свойство: *быть независимо от сознания*. Всего-навсего лишь абстрактное, бедное содержанием знание и как начало, исходный принцип имеет то значение, что является предварительным заявлением о последующем имманентном поступательном разворачивании содержания всего диалектического материализма.

Движение мысли от единичного к всеобщему через особенное к категории материи должно содержать в себе свой возврат, поскольку полученная абстракция материи есть выражение неопределенной материи, материи без своих дальнейших имманентных определений. Она, скорее, есть намек на дальнейшее движение мысли, на раскрытие и разворачивание заключенных в ней в зародыше своих определений. Абстракция *неопределенной* материи есть противоположность абстракции *определенной* материи и должна снять себя в последней, стать определенной, т. е. стать *качеством*.

Переход неопределенной материи к определенной, к качеству, есть переход в свое другое по линии восхождения. Определение качества нужно излагать раньше определения количества. Это верно как исторически, так и логически. Исторически — потому, что представление, а затем и понятие количества возникает на сравнительно более высоком уровне истории познания, чем представление о качестве. Это верно также и логически потому, что качество — более бедная своим содержи-

ем категория, нежели количество, поскольку оно продукт простого созерцания, выражающего определенность предмета, которая едина, слита с ним, тождественна своему предмету и есть непосредственная ограниченность. Познание предмета на уровне качества совпадает с живым созерцанием и вполне доступно благодаря чувственному опыту без теоретического анализа. Вместе с тем, хотя определение качественной характеристики предмета нам еще не дает знания о внутренних, имманентных ему процессах, т. е. недостаточно как ступень логического отражения, тем не менее содержит в себе в снятом виде абстракцию материи, а потому и является шагом по линии восхождения.

В понимании *Аристотеля*, впервые исследовавшего эту категорию, качество есть относящееся к сущности видовое отличие и *видовой признак*, который отличает данную сущность в ее видовом своеобразии от другой сущности, принадлежащей к тому же роду. Качество как состояние вещей находится в изменении и обладает свойством превращаться в свою противоположность.

Дальнейшая эволюция представлений о качестве характеризуется тем, что *средневековая схоластика* «убивает все живое в учении *Аристотеля*», очищает его от диалектики и материалистических тенденций и утверждает мистический взгляд на качество, согласно которому качество есть *скрытые, вечные и неизменные формы*. Материалисты XVII—XVIII вв. в борьбе со схоластикой утверждают материалистический, но вместе с тем механистический взгляд на эту категорию.

Они, во-первых, как сказано выше, все качества делили на *первичные* и *вторичные*, что было, разумеется, неполным преодолением мистики, поскольку отрицалось объективное бытие вторичных качеств, рассматривавшихся как результат деятельности органов чувств; во-вторых, выдвигая на первый план количественный анализ, вызванный необходимостью развития частных наук, они отрывали его от качества, игнорировали его роль в логическом освоении данных чувственного опыта; в-третьих, утверждали антидиалектическое понимание качества.

Историческую ограниченность метафизического взгляда на качество пытается снять немецкая классическая философия. В понимании *Канта*, первичные качества

априорны, а вторичные — *апостериорны*. Качество ощущения всегда имеет чисто эмпирический характер и никоим образом не может быть представлено априори. Пространство и время мы можем познавать только априори, то есть до всякого действительного восприятия, и поэтому они называются чистым созерцанием; ощущения же суть то в нашем познании, благодаря чему оно называется *апостериорным познанием*, т. е. *эмпирическим созерцанием*.

В понимании Гегеля, качество это прежде всего «первое», т. е. бедная содержанием ступень логического познания, простая непосредственность. Качество есть вообще тождественная с бытием непосредственная определенность. Нечто есть благодаря своему качеству то, что оно есть и, теряя качество, оно перестает быть тем, что оно есть. Важным моментом у Гегеля является диалектический взгляд на качество. Последнее в себе противоречиво, включает в себе тождество и различие, реальность и отрицание, нечто и некоторое другое, конечность и бесконечность, взаимопревращение противоположностей.

Подробный анализ категории качества выражает собою движение мысли по логическим ступеням, порождающее в итоге представление о бесконечном многообразии возникающих и исчезающих чувственно созерцаемых явлений. Тождество последних состоит, по Гегелю, в том, что все они обладают качеством. Отвлекаясь, абстрагируясь от их чувственно данных качественных определенностей, мы получаем качество вообще, абстрактное качество, освобожденное от чувственности, т. е. абстрактное представление о бесконечном многообразии, где каждое данное явление есть то же, что и другое, и не есть другое, представление «многих одних». Каждое из *многих* есть то же самое, что и другие многие, каждое есть одно или же одно из многих. А это уже есть *количество*. Иными словами, логическое движение самого качества, выражающее собою процесс «испарения» всех чувственно воспринимаемых вещей из определения качества, привело к тому, что в последнем сохранилась лишь его абстрактная характеристика *одинаковости, одного и того же*. Качественная определенность, которая достигла в одном своего определенного бытия, перешла, таким образом, в определенность

как снятую, т. е. в бытие как *количество*. Так, Гегель намечает путь к переходу от качества к количеству. При этом категория количества является результатом движения качества, но в то же время — началом, исходной абстракцией количества. Последнее поэтому есть более богатая содержанием абстракция, чем качество.

Диалектический материализм в своем учении о качестве прежде всего подчеркивает, что качество, как и любое другое понятие, есть единство объективного и субъективного, имеет свой объективный источник в самой действительности, есть субъективный образ объективного мира. Такое понимание качества преодолевает механическое деление качеств на первичные и вторичные, мистификацию и агностицизм в решении этой проблемы. Качество, действительно, является бедным с точки зрения логического освоения мира, поскольку здесь речь идет о такой характеристике предметов, которая фиксируется непосредственно живым созерцанием.

Подробную и всестороннюю диалектико-материалистическую разработку этой категории дает Маркс в «Капитале» — и прежде всего при анализе товара. Каждую полезную вещь как, например, железо, бумагу и т. д. можно рассматривать с двух точек зрения: со стороны качества и со стороны количества. Каждая такая вещь есть совокупность многих свойств и поэтому может быть полезна различными своими сторонами. Полезность вещи делает ее потребительной стоимостью, которая есть *качество* вещи. Как потребительные стоимости товары различаются прежде всего качественно, как меновые стоимости они могут иметь лишь количественные различия, следовательно, не включают в себе ни одного атома потребительной стоимости.

Качество как логическая ступень познания мира выступает формой созерцания, но отнюдь не теоретического мышления, что необходимо для выражения глубоких категорий по линии восхождения. «Качество и ощущение одно и то же, говорит Фейербах. Самым первым и самым первоначальным является ощущение, а в нем неизбежно и *качество*...»¹. Но то, что фиксируется

¹ В. И. Ленин, т. 9, стр. 301.

непосредственно живым созерцанием не есть внутренняя, существенная определенность предмета, как иногда утверждается, ибо «существенная» определенность есть сущность, для познания которой необходимо теоретическое мышление. Смещение же качества и сущности снимает вопрос о движении мысли от качества к сущности.

Поскольку каждая вещь «есть совокупность многих свойств», то она должна быть изучаема через познание ее отдельных свойств, рассматриваемых в чистом виде путем также многих логических методов и приемов, таких как сравнение, сопоставление, анализ, синтез, индукция, дедукция, членение, абстрагирование, обобщение. Эти приемы (и каждый из них) соответствуют определенным сторонам предмета познания и способствуют его раскрытию с определенной, соответствующей стороны. Сложность и множественность сторон предмета обуславливает множество логических средств и приемов. Так, сравнение основывается на наличии у предметов одинаковых и неодинаковых сторон, анализ и синтез обусловлены тем, что предмет есть образование, состоящее из взаимосвязанных сторон, элементов, связей и т. д.

Все логические приемы и средства одновременно тождественны и различны, взаимосвязаны, взаимодействуют друг с другом и вместе с тем не существуют друг без друга. Так, например, сравнение невозможно без анализа, но последний, в свою очередь, невозможен без сравнения, без синтеза и т. д. Вместе с тем каждый логический прием имеет свою относительную самостоятельность и на каждом отдельном отрезке витка познания тот или иной прием или приемы играют решающую, господствующую, а остальные — подчиненную, вспомогательную роль. Это, разумеется, не означает, что раз примененный в познании тот или иной логический прием больше не применяется. Нет, конечно, каждый логический прием применяется при изучении любого предмета сколько угодно раз и всякий раз на новой основе, на новом уровне знаний о предмете, способствуя каждый раз все новому расширению и углублению познания.

Функционирование, применение логических приемов и средств в их движении, развитии выступает как развитие самих этих средств, так и развитие последовательно-

го воспроизведения самого предмета через отдельные его свойства.

Свойство вещи есть ее отношение к другим. В понимании Гегеля, вещь обладает *свойствами*; они суть, во-первых, ее определенные соотношения с *другим*; свойство имеется лишь как некоторый способ отношения друг к другу. Во-вторых, вещь в этой положенности есть в *себе*; она сохраняет себя в соотношении с другой. Вещь обладает свойством вызывать то или иное в другом и проявляться своеобразно в своем соотношении с другими вещами. Она обнаруживает это свойство лишь при условии наличия соответствующего характера другой вещи, но оно вместе с тем ей свойственно и есть ее тождественная с собою основа¹.

Определение свойства через категории «вещь» и «отношение», пожалуй, является истинным, ибо оно выражает его объективное бытие: свойство не существует ни вне вещи, ни вне отношения. Оно есть их проявление, *проявление взаимодействия сторон вещи и взаимодействия вещей*.

Для познания предмета как целого, как системы необходимо прежде всего его логическое членение (анализ). Познание имеет дело прежде всего с отдельными свойствами целого, рассматриваемыми в чистом виде. Выделение и изучение одного данного свойства достигается путем анализа и сопоставления рассматриваемого свойства со свойствами других предметов. В результате этого познание устанавливает специфику рассматриваемого свойства и обнаруживает сходные с ним свойства предметов. Поступив таким же образом с остальными свойствами, познание воспроизводит предмет в ощущениях. На этом этапе движения мысли предмет (качество) выступает как свойство.

Дальнейшее движение мысли по предмету характеризуется изучением соотношения, связи между свойствами рассматриваемого предмета, переходом к *синтезу*, в итоге *единением* разрозненных, изолированных друг от друга свойств *в систему, в целое*. На этом этапе движения мысли качество предмета выступает как *совокупность* свойств.

¹ См. Гегель. Соч., т. V, стр. 581—582.

Но, разумеется, познание и на этом не задерживается. Оно своим дальнейшим восхождением из этой совокупности свойств вычленяет *основное и главное* свойство предмета на данном уровне его развития. На этом этапе познания предмета качественная определенность его выступает, главным образом, как данное его *свойство*. Далее познание сопоставляет данный предмет с другими и обнаруживает общее сходство свойств класса предметов. На этом этапе *качество выступает как то общее, что присуще всем предметам этого класса*. Дальнейшее движение мысли по линии восхождения снимает это представление.

С выделением класса качественно однородных предметов, обобщением общих признаков, общих свойств познание стремится обнаруживать отличие данного класса от всех остальных классов. На этом этапе *качеством предмета выступает специфика данного класса предметов*, к которому принадлежит исследуемый предмет, такая его внутренняя определенность, благодаря которой он является именно данным, а не иным предметом и с изменением которой он превращается в нечто иное.

Качество предмета не сводимо к отдельным его элементам, частям, признакам и т. д. Оно связано с предметом как с целым, охватывает этот предмет полностью. Качество неотделимо от объективных предметов, его нельзя считать чем-то существующим независимо от них. Как говорил Энгельс, существуют не качества, а только вещи, *обладающие* качествами. Так, для социализма, в отличие от капитализма, характерно наличие общественной собственности, отсутствие эксплуатации, планомерное развитие народного хозяйства, власть трудящихся. Эти и другие его черты в единстве и являются его качествами.

Как свойство, выражающее качество с той или иной стороны, так и само качество является единством конечного и бесконечного. Качественное многообразие неисчерпаемо, бесконечно. Качество прежде всего конечно. Нечто вместе со своей имманентной границей, положенное как противоречие самого себя, в силу которого оно выводится и гонится вне себя, есть *конечное*. Нечто имеет некоторое качество, и оно в последнем не только определено, но и ограничено; его качество есть его граница.

Противоречие нечто с самим собой толкает его и выводит его за пределы имманентной границы, делая его конечным. Истина вещи есть ее конец. Долженствование и предел есть моменты конечного. *В долженствовании начинается выхождение за конечность, бесконечность*¹.

Долженствование есть то, что в дальнейшем логическом развитии оказывается прогрессом в бесконечность. Познание качества как единства конечного и бесконечного заключает в себе свою противоположность — абстрагирование от качественного многообразия или точнее — от многообразия *качеств*, познание качеств со стороны их общего свойства, рассматривая каждое качество как одно или как одно из многих, т. е. со стороны количества.

Как известно, одним из важных завоеваний экономической мысли является открытие впервые Марксом *двойственного характера заключающегося в товарах труда* и анализ им конкретного и абстрактного труда в чистом виде. Всякий труд одновременно есть абстрактный и конкретный. Он в особой целесообразной форме есть конкретный труд, создающий потребительные стоимости. Но если отвлечься от потребительной стоимости товарных тел, то у них остается лишь одно свойство, а именно то, что они — продукты труда вообще, как расходование человеческой рабочей силы в физиологическом смысле. Теперь продукт труда уже не стол или дом, или какая-либо другая полезная вещь. Все чувственно воспринимаемые свойства погасли в нем. Равным образом теперь это уже не продукт труда столяра или плотника, или прядильщика, или вообще какого-либо иного определенного производительного труда. Вместе с полезным характером продукта труда исчезает и полезный характер представленных в нем видов труда, исчезают, следовательно, различные конкретные формы этих видов труда; последние не различаются более между собой, а сводятся все к одинаковому человеческому труду, к *абстрактно* человеческому труду, создающему стоимость товаров. Поэтому, если по отношению к потребительной стоимости товара имеет значение лишь качество содержащегося в нем труда, то по отношению к *величине стоимости* имеет значение лишь *количество труда*, причем

¹ См Гегель. Соч., т. V, стр. 125.

последний должен быть уже приведен к человеческому труду без всякого дальнейшего качества. В первом случае дело идет о том, как совершается труд и что он производит, во втором случае — о том, сколько труда затрачивается и сколько времени он продолжается¹.

§ 2. КОЛИЧЕСТВО

Наряду с качеством, все явления обладают также количественной определенностью, к которой относятся, например, число составляющих их элементов, темп протекания процессов, степень выраженности и интенсивность развития свойств и т. д. Количество, в отличие от качества, — это такая определенность предмета, которая является как бы безразличной к этому предмету, поскольку ее изменение в определенных границах непосредственно не означает превращения данного предмета в другой.

Познание действительности на уровне ее количественного анализа связано с переходом от живого созерцания к рассудку, а затем к разуму и обусловлено дальнейшим развитием предметной деятельности людей и потребностями этого развития. Именно первая форма количественного анализа действительности — *математика* — возникает из потребностей практики.

Пифагорейцы первыми подвергают количество (число) специальному анализу. В их понимании, количественные отношения являются сущностью вещей. Абсолютизируя число, они превращали его в божественное начало, откуда и выводили свойства чувственно-воспринимаемых вещей. Обнаружив в числах определенную последовательность, они наделяли их таинственностью и сверхъестественными свойствами. Но уже *элейцы* своими поисками разрушают этот мистицизм чисел. В частности, Зенон доказывал, что логически невозможно мыслить движение. Своими апориями (которые будут рассмотрены далее подробно) он подорвал представления пифагорейцев о количестве. Если у них количество понималось как число, как дискретное многое, то у Зенона

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 23, стр. 46, 54.

число и величина есть выражение иного, ибо то, что есть многое дискретное, то и есть одно непрерывное. Однако элейцы доказали, что число выражает не подлинное бытие, а видимость, что и привело к недооценке ими математического мышления.

Атомистика Левкиппа-Демокрита, являясь шагом вперед в изучении количества, доказывала объективность числа как выражения формы и порядка тел в пространстве и времени. Число — это объективная характеристика тел, состоящих из атомов (неделимых частиц), а потому величина есть функция от «неделимых» частиц (атомов). Неделимое выступает как реальное основание измерения и счета. Это было своеобразной материалистической интерпретацией математического мышления.

В понимании *Платона* неделимое материальное тело есть тень бестелесных математических идей. Геометрия полностью независима от материи. Чистое количественное различие предопределено «идеями». Математика как раз есть опосредствующее звено между «идеями» и материей. «Математические предметы» воплощаются в виде многообразных тел в пространстве. «Единица» — основа счета и измерения, вообще числовые отношения вновь (как и у пифагорейцев) представляются абсолютно самостоятельными сущностями.

Представления о количестве как о числе, величине, фигуре и т. д. были первыми абстракциями, которые, разумеется, еще не выражали сущности категории количества. *Аристотель* пытается преодолеть ограниченность этих представлений и рассмотреть количество как особую категорию. В его понимании, количество это то, что может быть разделено на составные части, каждая из которых, будет ли их две или несколько, является чем-то одним, данным налицо. То или другое количество есть множество, если его можно счесть, это — величина, если его можно измерить. Число, линия, поверхность и т. д. не существуют самостоятельно, а являются характеристиками тела. Точно так же он отвергает представления о пространстве как о пустоте, рассматривает его так же, как характеристику тела. Время им рассматривается как «число движения», т. е. опять-таки как характеристика тела. Непрерывное количество состоит из частей, которые имеют общую границу. Части же прерывных количеств не имеют общей границы. Таким

образом, количество Аристотелем понимается как пространственно-временная определенность изучаемого предмета. Аристотель верно выразил основные характерные черты количества, однако он не выражал до конца материалистической точки зрения.

Важный шаг в познании количества сделал *материализм XVII—XVIII вв.*, что было связано с развитием математики и опытных наук, обусловленных в свою очередь развитием капитализма. Декарт, Спиноза, Гольбах, Дидро и другие материалисты отвергают представление о пространстве как о бестелесной пустоте. Они также не согласны с тем, что число, величина, точка, линия, поверхность и т. д. будто существуют отдельно от тел. В их понимании предмет математики не «число», «линия» и т. д., а реальная пространственная и временная определенность тел. Реальное количество выражается через число, величину и т. д., но не сводится к ним. Недоразумение происходит от того, что хотят отличить материю от собственного количества и ее внешней протяженности, т. е. от ее свойства занимать пространство. Интересной является попытка Спинозы рассматривать количество на разных уровнях: при рассмотрении в воображении оно, *конечно, делимо и состоит из частей*; при рассмотрении же в интеллекте оно *бесконечно, едино и неделимо*.

Лейбниц, хотя и считает, как и материалисты, что величина и фигура суть пространственные определения тела, однако полагает, что «из природы тел их определенная величина или фигура объяснена быть не может». Отрицая объективное бытие тел, он их количественную определенность ищет вне тел, потому и в самих телах он не видит основания для счета, измерения, а, следовательно, математику лишает ее объективного источника и все количественные определенности (пространственно-временные) выводит из разума, являющегося деятельной силой, или самостоятельным нематериальным началом-монадой.

Кант развивает субъективно-идеалистический взгляд на количество. Величина есть проявление силы воображения, чистый образ всех величин для внешнего чувства, есть пространство, а чистый образ всех предметов чувств вообще есть время. Чистая же схема величины, как понятия рассудка, есть *число*, т. е. представление,

объединяющее последовательное прибавление единицы к единице (однородного). Число, таким образом, есть не что иное, как единство синтеза многообразного (содержания), однородного созерцания вообще, возникающее благодаря тому, что субъектом производится само время в схватывании созерцания. Как принцип действия рассудка *количество* объединяет различные представления как однородные и выступает как класс, охватывающий категории единства, множества и всеобщности. Несмотря на дуалистические колебания, Кант категорию количества сделал предметом научного исследования, чем и внес известный вклад в процесс возникновения и становления научного понятия о категории количества.

Более последовательно, глубоко и подробно разрабатывает категорию количества *Гегель*, который и эту, и все другие логические категории рассматривает как необходимые ступени развития абсолютной идеи (познания). В его понимании, если качество есть первая, непосредственная определенность, тождественная с бытием, то количество — определенность, ставшая безразличной для бытия, нетождественная с ним, снятое качество.

При этом Гегель требует прежде всего отличать чистое *количество* от него же как определенного количества. Как чистое количество, оно есть внутри себя бесконечное единство, как внешняя определенность. Количество становится определенным количеством, или безразличной определенностью. Как таковое оно «впадает в бесконечный прогресс». Но бесконечное определенное количество есть снятая безразличная определенность. Важнейшим моментом является то, что Гегель количество не отождествляет с *величиной*, которая есть определенное количество. Чистым количеством является материя вообще как определение мысли во внешнем существовании, а также пространство и время в их единстве.

Классики марксизма, переплавив в высшем единстве все прежние представления об этой категории, обогатили ее новым содержанием, дали новую, более совершенную ее разработку. В особенности она всесторонне используется *Марксом* на основе анализа категории стоимости. Подобно тому как стоимость есть одинаковый для

всех товарных тел простой сгусток лишенного качественных различий человеческого труда, так и количество есть такая общая определенность явлений, которая безразлична к их качеству, к их специфике. Оно есть внешняя безразличная граница явлений, качество в его пространственно-временном отношении, определенность, выражающая *однородность* качеств. Если важнейшим определением качества является различие между неподобными предметами, то определением количества является различие между подобными предметами. Это — определенность вещи, которую можно разделить на однородные части и собрать воедино, выразив в единицах измерения, счете (числе), степени развития, темпе развития, объеме и т. п. Если качество есть тождественность предмета самому себе, следовательно, выражение устойчивой стороны предмета, то количество есть нетождественность предмета, безразличное к нему внешнее отношение, поскольку не всякое, точнее, не всегда количественное изменение ведет к коренному изменению качества.

Анализ товара Марксом дает важный материал для логического вывода и о том, что количество *несводимо* к величине. В понимании Маркса, количество и величина одновременно тождественны и различны. Тождество их состоит в том, что оба понятия друг без друга невозможны, немыслимы, взаимопроникают и взаимообуславливают друг друга. Но в то же время эти понятия различны. Их различие состоит в том, что, во-первых, величина является формой выражения количества; во-вторых, количество отличается от величины большей степенью абстрагирования; в-третьих, поэтому количество более богатое по содержанию понятие, чем величина. Положение: величина стоимости определяется общественно-необходимым количеством труда или рабочего времени — указывает на отличие количества от величины, поскольку одна и та же величина рабочего времени может дать различные количества труда в зависимости от степени интенсивности этой величины. Не количество труда определяется величиной стоимости, а, напротив, величина стоимости определяется количеством труда. К тому же одно и то же количество труда может выражаться в разных величинах меновых стоимостей.

Количественная определенность стоимости даже при любой простой форме стоимости, где в двух обменивае-

мых товарах содержится одно и то же количество труда, обнаружить может себя *лишь* в ряде пропорций между величинами меновых стоимостей, так как «эквивалентная форма товара не содержит никакого количественного определения стоимости». Незнание этого привело буржуазную политэкономия к тому, что она признавала реальность пропорций величин меновых отношений, отвергая реальность количества труда или количества рабочего времени. Величина может быть интенсивной и экстенсивной, непрерывной и дискретной, бесконечной и конечной и т. д., но количество как бы безразлично к этим различиям. Вместе с тем различные вещи становятся количественно сравнимыми после того, как они сведены к единству. Только как выражения известного единства они являются одноименными, а следовательно, соизмеримыми величинами. Иными словами, чисто количественное различие вещей предполагает одинаковость их качеств.

Далее, Маркс показывает, что *одинаковость* многообразных и разнообразных качественно различных видов труда — это абстрактно-человеческий, простой вид труда. Все виды труда выступают как труд одного и того же качества. Чисто количественное различие видов труда предполагает их качественное единство или равенство, следовательно, их сведение к абстрактному человеческому труду, т. е. к труду простому, которому может быть обучен каждый средний индивидуум и который он в той или иной форме должен выполнять. Отсюда не следует, что различные виды труда могут отличаться друг от друга как различные количества. Как количественное бытие движения есть время, точно так же количественное бытие труда есть рабочее время. Различие в продолжительности самого труда является единственным различием, свойственным ему, предполагая данным его качество. Как рабочее время, труд получает свой масштаб в естественных мерах времени: часах, днях, неделях и т. д. Рабочее время суть живое бытие труда, безразличное по отношению к его форме, содержанию, индивидуальности; оно является живым количественным бытием труда и в то же время имманентным мерилom этого бытия.

Дальнейшее развитие и конкретизация категории количества в трудах *Ф. Энгельса* и *В. И. Ленина* выра-

жалось прежде всего в диалектико-материалистическом обосновании выводов частных наук, в особенности математики. Математика отличается от других наук следующими особенностями: непосредственным ее предметом являются количественные и пространственные отношения и формы — величина, число, геометрические фигуры, точка, линия, функция, векторы, группы и т. д., взятые вне объективного содержания и рассматриваемые в чистом виде; как абстрактные объекты, ее результаты получаются путем чисто формально-логического вывода: существует ряд ступеней абстракции, что позволяет новые понятия образовать на базе уже сложившихся; ее выводы непреложны; ее метод находит универсальное применение во всех сферах научного познания.¹

Трудно встретить сегодня такую область научного познания, где бы в той или иной мере не применялась математика. И чем дальше, тем глубже и шире она проникает во все естественные и общественные науки — во все системы научных знаний, вызывая глубокие преобразования наук. Универсальная применимость математики к научному познанию объясняется присутствием механического движения в любой возможной форме движения. Поэтому, как пишет А. Н. Колмогоров, «принципиально область применения математического метода неограничена: все виды движения могут изучаться математически»².

Велика эвристическая роль математики — в особенности в развитии современной физики. Физические зависимости лишь тогда становятся законами, когда они подвергаются математической обработке. Развитие современной теоретической физики невозможно без использования все новых и новых разделов математики. Многие ее разделы, которые возникли вне связи с физикой, ныне оказались необходимыми при построении фундаментальных теорий физики (неевклидова геометрия, тен-

¹ Правда, Ф. Энгельс в свое время писал, что применение математики в механике твердых тел абсолютное, в механике газов приблизительно... в биологии = 0. Но это было сто лет назад. Сегодня, в условиях научно-технической революции развитие наук невозможно без применения математического метода. Можно сказать, что ныне интенсивно реализуется предвидение К. Маркса о том, что наука вообще достигает совершенства лишь там и в той мере, в какой ей дается взять на вооружение математику.

² А. Н. Колмогоров. Математика. БСЭ, т. 26, стр. 464.

зорный анализ, теория групп). Таким образом, никакой недооценки роли математики в развитии познания.

Тем не менее абсолютизировать математику нельзя. Всякая абсолютизация любой науки открывает дорогу в мистику, идеализм, догматизм и т. д., превращая ее в «уродство», в софистику. Неограниченная возможность применения математического метода во всех сферах научного знания отнюдь не означает того, что будто этот метод исчерпывает или может когда-либо исчерпать, точнее поглотить все научное познание. Им нельзя подменить другие науки, хотя бы потому, что в познании применяются не только количественные, но и качественные, не только формальные, но и содержательные методы.

Математический метод истинен и плодотворно применяется и может применяться только в системе всех других методов, во взаимодействии с ними, в системе всех наук. К тому же в математике в силу ее специфики есть и могут быть отдельные стороны, разделы, которые не применяются в физике или в других науках, а остаются чисто математическими построениями. Вместе с тем эвристическая роль математики, например, в физике возможна только в союзе с физикой, а не вне ее. Как известно, физическая теория состоит из двух сторон — из уравнений теории, устанавливающих соотношения между определенными математическими символами, и из связи этих символов с физическим миром. Ни одна из этих сторон невозможна без другой. Из истории физики известно, что определенным физическим теориям соответствовала «своя» математика и, что особенно характерно, математика предвосхищала развитие физики. Это выражалось в том, что соответствующие разделы математики нередко в своих главных моментах были подготовлены независимо и до разработки самих этих теорий, — более того, — использование данных разделов математики являлось необходимым условием разработки физических теорий¹. Так, напри-

¹ Как писал В. Гейзенберг «первичным языком, который вырабатывают в процессе научного усвоения фактов, является в теоретической физике обычно язык математики, а именно — математическая схема, позволяющая физикам предсказывать результаты будущих экспериментов». (В. Гейзенберг. Физика и философия. М., 1963, стр. 140—141).

мер, основные результаты и открытия квантовой теории и физики элементарных частиц — начиная от корпускулярно-волнового дуализма и кончая омега-минус-гипероном и гипотетическими кварками — были получены или сделаны «на кончике математического пера». В этом проявляется относительная самостоятельность математического метода.

Об относительном характере математики говорит А. Н. Колмогоров: «Если каждый новый шаг исследования связан с привлечением к рассмотрению качественно новых сторон явлений, то математический метод отступает на задний план; в этом случае диалектический анализ всей конкретности явлений может быть лишь затемнен математической схематизацией. Если, наоборот, сравнительно простые и устойчивые формы изучаемых явлений схватывают эти явления с большой точностью и полнотой... то мы попадаем в сферу господства математического метода».¹

Особенности математики, объективная природа ее абстракций были и остаются ареной борьбы между материализмом и идеализмом на протяжении всей истории философии. Гносеологической основой идеализма в математике является прежде всего гипостазирование математических абстракций, рассматриваемых как самостоятельные сущности. По мнению идеалистов, основные понятия математики являются продуктами «свободного» мышления людей. Представители интуиционизма — Л. Брауэр, Г. Вейль, А. Гейтинг утверждают, что математика вовсе не есть отражение внешнего мира, не связана с ним, а является оторванным от мира сего царством мыслей. Ныне к такой точке зрения примыкает ряд неопозитивистов, спекулируя на новых достижениях математики и математической логики. Так, например, Б. Рассел пишет: «Я должен согласиться с Платоном, что арифметика и чистая математика вообще не выводятся из восприятия».²

Однако научная несостоятельность идеалистического понимания математики очевидна. Верно, конечно, что по мере восхождения к более высоким абстракциям связь между современным состоянием математики и ма-

¹ А. Н. Колмогоров. Математика. БСЭ, т. 26, стр. 464.

² Б. Рассел. История западной философии. М., 1959, стр. 176.

териальным ее источником затерялась благодаря возникновению и усложнению промежуточных звеньев, усилению ее относительной самостоятельности так, что непосредственного аналога математической модели в объективной реальности сегодня нельзя найти. В дальнейшем своем восхождении относительная самостоятельность математики, безусловно, непрерывно будет возрастать, т. е. будут возникать абстракции все более и более высокого порядка, которые все больше будут удаляться от первоначального материального источника математики, становясь в то же время намного конкретнее, богаче содержанием, ибо такое удаление, сберегая в снятом виде все содержание прошлого, будет более глубоким отражением мира, *не уходом от него, а своеобразным подходом к нему*, И как бы математическая абстракция ни удалялась, и как бы связь между нею и первоначальным источником ни затухала, тем не менее *эта связь существует*. Ф. Энгельс в своих работах «Анти-Дюринг» и «Диалектика природы» специально подчеркивал, что совершенно неверно, будто бы в чистой математике разум имеет дело с продуктами собственного творчества и воображения. Понятия числа и фигуры взяты не откуда-нибудь, а из действительного мира. Десять пальцев, на которых люди научились считать, т. е. производить первую арифметическую операцию, представляют собой все что угодно, только не продукт свободного творчества разума.¹

В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме», указывая на громадное значение математизации наук, в частности физики, вместе с тем подчеркивает, как незнание диалектического материализма в условиях новейшей революции в физике приводит видных физиков, математиков к идеализму. «Крупный успех естествознания, — писал он, — приближение к таким однородным и простым элементам материи, законы движения которых допускают математическую обработку, порождает

¹ Подавляющее большинство естествоиспытателей считает, что даже самые абстрактные математические понятия являются отражением свойств и отношений материальной действительности. Очень ярко об этом сказал Джинс: «Мы можем быть уверены, что матрицы и тензоры с их отвратительной сложностью и все головоломки, которые мы вынуждены измышлять, приходят к нам от внешнего мира».

забвение материи математиками. «Материя исчезает», остаются одни уравнения»¹.

Но к идеализму приводит не только отрыв математики от реального мира, но и отождествление математических абстракций с ним, попытка согласовать реальную действительность с математической схемой. В сущности эти два пути подхода к идеализму есть выражение одного и того же содержания. Энгельс в свое время разъяснял Дюрингу, утверждавшему существование *начала* мира во времени и пространстве, что эта иллюзия была бы невозможной без математической привычки оперировать с числовыми рядами, где мы исходим из *некоторого начала*. Но идеальная потребность математика весьма далека от того, чтобы быть принудительным законом для реального мира.

Действительность вовсе не обязана согласовываться с логической потребностью *математика*. Например, в математике есть понятия *многомерных и бесконечномерных пространств*. Но это не значит, что само объективное пространство таково. В физике существует понятие *инверсии времени*, но это не значит, что объективное время обратимо. Это подчеркивал и Эйнштейн. «Время, — говорил он, — обозначаемое в формулах буквой t , может, конечно, входить в уравнения с отрицательным знаком: это дает возможность вычислять время в обратном направлении. Но тут мы имеем дело именно с одним только вычислением, из чего никак нельзя заключить, что и само течение времени может стать отрицательным. Здесь, — подчеркивал он, — корень всякого недоразумения: в этом смешении того, что допустимо и даже необходимо как прием вычисления, с тем, что возможно в действительности»². А ведь и до сих пор этот «корень всякого недоразумения» не устранен. То и дело видные физики и математики математические структуры отождествляют прямо и непосредственно с материальными структурами и прямохонокько приходят к идеализму, конструируя мир по образу математической схемы.

Математизация научного познания связана с усилением знаково-символических методов, что и поставило проб-

¹ В. И. Ленин, т. 18, стр. 326.

² А. Мошковский. Альберт Эйнштейн. Беседы с Эйнштейном о теории относительности и общей системе мира. М., 1922, стр. 109.

лему соотношения слова и вещи, знака и предмета. Эта проблема стала предметом идеалистических спекуляций со стороны *неопозитивизма*, который абсолютизирует слово, точнее, деятельность *со словом*. Разумеется, марксизм не отрицает необходимости такой деятельности, т. е. *деятельности в символическом плане*. Но он решительно отвергает попытку современного позитивизма сконструировать реальный мир с помощью языка, — всякие идеалистические ухищрения неопозитивизма, который то и дело спекулирует и на достижениях и на трудностях роста современной науки. В особенности неопозитивисты используют эти трудности для нападков на диалектический материализм и для того, чтобы объявить математический или кибернетический методы философией. То, что эти методы, как и философский, имеют универсальное значение, порождает у них и у позитивистски мыслящих математиков иллюзию относительно «всепоглощения» философии математикой и кибернетикой.

Если иметь в виду неопозитивистскую или иную идеалистическую философию, то она действительно должна рано или поздно, но неизбежно исчезнуть, как в свое время исчезла алхимия. Если же иметь в виду марксистскую философию, то последняя, как и наука, никогда не исчезнет, равно и не может быть «поглощена» какой-либо другой наукой. Эта убежденность основана на том, что философия марксизма является единственно научной философией, которая в тесном союзе со всеми частными науками непрерывно обогащается, совершенствуется, развивается. Она бессмертна, всесильна потому, что она верна.

Математический метод не может заменять марксистскую философию не только и не столько потому, что он имеет дело с количественными отношениями, с величиной без содержания, без качества, а прежде всего и главным образом потому, что *математика не есть теория познания, не есть Логика*. Об этом в свое время говорил еще Гегель. «Математика, — писал он, — вообще не может доказать количественных определений физики, поскольку они суть законы, имеющие своим основанием *качественную природу* моментов; математика не может этого сделать по той простой причине, что она не есть философия, *не исходит из понятия*, и поэтому

качественное, поскольку оно не почерпается лемматически из опыта, лежит вне ее сферы».¹

Тем более чистой математики не касаются законы и формы познания, мышления. Она не изучает мышление в его диалектико-материалистическом понимании. Предмет математики — не категория количества, не количество как логическая форма, а в конечном итоге — объективные количественные отношения. Диалектический материализм же есть Логика, теория познания и его предметом является целое — все логические категории, принципы, законы в их единстве и развитии. Мы уже говорили, что ни формальная логика, ни математическая логика, ни математика, ни какая-либо другая частная наука не являются науками о познании, ибо ни одна из них и не ставит вопроса о том, как *мыслит материя*, как возникает новое знание. Вот почему тщетны попытки неопозитивизма подменять философию вообще, диалектический материализм в частности, математикой.

§ 3. МЕРА

Исследование качества, а затем — количества в чистом виде, являясь поступательным движением, в то же время обнаруживает себя как якобы возвратное, точнее, содержит в себе поступательное и возвратное движение в их единстве, движение к синтезу абстрактных определений категорий качества и количества, единство которых и есть *мера*.

Научной разработке категории меры в марксистской философии предшествовало соответствующее историческое подготавливание. О мере говорили Сократ, Платон, Аристотель и другие античные философы. Так, в понимании Аристотеля мера есть то, чем познается количество. И во всех остальных областях мерой называется то исходное, с помощью чего там каждое (определение) познается и для каждого мерой является единое — в длине, в ширине, в глубине, в тяжести, в скорости. Мера есть принцип познания, причем существуют разные меры, из коих наиболее точной является количественная мера. Интересной является мысль Аристотеля

¹ Гегель. Соч., т. V, стр. 313.

о том, что мерой в каждой данной области является нечто наиболее единое и неделимое.

В философии XVII—XVIII вв. учение о мере развивают Б. Спиноза, Лейбниц, Кант и др. Однако следует признать, что до Гегеля философы различных эпох и направлений подходили к этой проблеме лишь с той или иной стороны, разрабатывали отдельные ее моменты, стороны, тем самым подготавливая целостное и всестороннее диалектическое ее решение.

В понимании *Гегеля*, категория меры выражает единство качества и количества, качественно определенное количество. Таким образом, мера есть прежде всего непосредственное единство количественного и качественного единства, так что, во-первых, имеется одно определенное количество, которое имеет качественное значение и выступает *как мера*; во-вторых, мера становится отношением специфических определенных количеств, как самостоятельных мер. Но их самостоятельность вместе с тем покоится по существу на количественном отношении и различии по величине. Таким образом, их самостоятельность становится переходом друг в друга. Мера тем самым идет ко дну, погружается в безмерное. Но это потустороннее меры есть ее отрицательность лишь в себе самой; поэтому, в-третьих, оказывается, что самостоятельно существующие меры являются лишь моментами их истинно самостоятельного единства-сущности¹.

Для Гегеля важнее всего изменения, происходящие в мере: переходы качества в количество и количества в качество на новой основе, т. е. сама диалектика этих категорий. Количественные изменения только до определенного предела остаются безразличными для данного качества, вне этого предела они разрушают его, нарушают меру, что означает переход явления в свою противоположность. Этот переход есть «узловая линия отношений меры», где в определенных точках количество переходит в качество и наоборот.

Материалистически переосмыслив разработанную Гегелем категорию меры, *К. Маркс* на конкретном анализе экономических отношений вскрывает огромную познавательную роль категории меры. Последнюю он рас-

¹ См. Гегель. Соч., т. V, стр. 380—385.

смаатривает в различных аспектах: мера как единица измерения внешних характеристик товарных тел, как масштаб; рабочее время труда как внутренняя, имманентная мера стоимости, как мера величины стоимости-рабочее время является живым количественным бытием труда и в то же время имманентным мерилom этого бытия; выражение одной меры другими мерами при полной или развернутой форме стоимости; золото как мера величины всякой стоимости, как такой товар, которым измеряются все товары. Не существует таких предметов, которые обладали бы только качественной или только количественной определенностью. Качество и количество — это две определенности *каждого* явления, которые не могут существовать друг без друга и всегда находятся в единстве друг с другом. «Всякое качество имеет бесконечно много количественных градаций» (Энгельс), а любое количество всегда есть количество какого-то качества, т. е. «носит качественную окраску». Это их органическое единство и есть мера.

Опираясь на исследование классиками марксизма категории меры, а также обобщая достижения современной науки и практики, можно установить следующие *аспекты категории меры*: 1) мера есть единство качества и количества, есть количественное качество или качественное количество; 2) мера есть взаимозависимость и взаимообусловленность определенного качества и определенного количества; 3) мера в сущности есть противоречие между качеством и количеством; 4) мера как ставшее количественным качество, описываемое системой количественных зависимостей математических отношений и выражающее структуру вещей; 5) мера как процесс образования нового качества, как интервал количественных изменений, в рамках которого сохраняется данное качество (константы в физике)¹ как единство данного качества и интервала его количественных изме-

¹ Следует заметить, что этот интервал может быть сравнительно весьма широк (в частности, в социальных и особенно в геологических и космических процессах) или очень узок (например, зависимость качественных определенностей химических элементов от величины заряда ядра атома). Кроме того, положение границ этого интервала не всегда четко определимо и они изменяются с изменением условий (так, температура превращения жидкости из одного ее агрегатного состояния в другое зависит от давления, наличия примесей и т. д.).

нений, как узловые точки, где количественные изменения вызывают качественные изменения, где количество переходит в качество.

Итак, категории качества, количества и меры являются важнейшими ступенями в развитии познания. Если в самих явлениях качество и количество существуют неразрывно, то познание на разных своих этапах отражает последовательно вначале качественную сторону, затем количественную (независимо друг от друга), и только потом выясняется их тесная неразрывная связь и взаимообусловленность (мера)¹. Переходы от отражения одной из этих сторон к отражению другой, от воспроизведения в мышлении их сосуществования к пониманию их единства являются перерывами постепенности в движении мысли, т. е. скачками в познании, обусловленными накоплением необходимого фактического материала. Следовательно, чтобы глубже понять ход развития от качества к количеству и далее к мере, необходимо раскрыть содержание понятия скачок.

§ 4. СКАЧОК

Хотя скачок является нарушением меры и, казалось бы, можно было бы рассмотреть его в предшествующем параграфе, тем не менее целесообразно вычленить его из категории меры и подвергнуть самостоятельному анализу, рассмотрев в чистом виде, поскольку категория скачка является дальнейшим шагом по линии восхождения, представляя более сложную и конкретную, богатую содержанием ситуацию.

Характеризуя две концепции развития, — метафизическую и диалектическую, — В. И. Ленин писал: «Две основные (или две возможные? или две в истории наблюдающиеся?) концепции развития (эволюции) суть: развитие как уменьшение и увеличение, как повторение, и развитие как единство противоположностей (раздвоение единого на взаимоисключающие противо-

¹ О проявлении этой закономерности движения познания в истории естествознания, в частности, в истории химии, см. например, Б. М. Кедров. Энгельс и диалектика естествознания. М., 1970; Категории диалектики как ступени познания (под ред. А. П. Шептулина) М., 1971.

положности и взаимоотношение между ними)»¹. Прежде всего следует заметить, что приведенные в данном контексте слова о первой концепции развития не выражают полностью ленинского понимания метафизики. С точки зрения В. И. Ленина, метафизическая концепция не исчерпывается признанием лишь количественных изменений (развитие как уменьшение и увеличение). Это одна из крайностей этой концепции. Другой ее крайностью (что В. И. Ленин десятки раз подчеркивает в соответствующей связи) является *игнорирование роли количественных изменений, представление о развитии как о сплошной цепи скачков без соответствующего количественного подготавливания*. Метафизика развитие понимает *либо как количественные изменения без скачков, либо как скачки без количественных изменений*. В. И. Ленин вскрывал научную несостоятельность обеих этих крайностей.

Следует особо подчеркнуть, что метафизическая концепция развития давно преодолена марксистской диалектикой, по выражению В. И. Ленина, являющейся живым, многосторонним (при вечно увеличивающемся числе сторон) познанием с бездной оттенков всякого подхода, приближения к действительности. Однако метафизическая концепция все еще дает о себе знать в той или иной форме. Хотя это может быть объяснено разными обстоятельствами и условиями, но, так или иначе, это является результатом либо незнания марксистской диалектики, либо неумения, либо нежелания применять ее к познанию.

Более подробному критическому анализу классики марксизма, а до них Гегель, подвергли первую крайность метафизической концепции развития, доказывая, что постепенность перехода выражает *не качественные, а количественные* изменения. Гегель, отмечая противоположность скачка и постепенности, писал, что постепенность есть лишь уменьшение или увеличение и одно-стороннее цепляние за величину, что постепенность касается только внешней стороны изменения, а не качественной его стороны, что в основании предположения о постепенности возникновения лежит представление о том, что *возникающее* уже до своего возникновения

¹ В. Ленин, т. 29, стр. 317.

*наличествует чувственно или вообще в действительности и лишь вследствие своей малости еще не может быть воспринимается, равно как в основании предположения о постепенности исчезновения лежит представление о том, что *небытие* или то *другое*, которое занимает место исчезнувшего, также уже наличествует, но еще не может быть замечено, и притом наличествует не в том смысле, что в наличном другом это другое содержится в себе, а в том смысле, что оно *наличествует как существование*, но лишь незаметно. Этим упраздняют вообще возникновение и прехождение¹.*

Маркс, Энгельс и Ленин также подчеркивали, что для метафизики качество и количество являются абсолютно различными категориями, что метафизика все качественные изменения сводит к чисто количественным изменениям, не допускает перерыва постепенности, скачков в развитии.

Но если эта первая крайность была широко распространена в прошлом (преформизм, креационизм в биологии, правый оппортунизм в рабочем движении и т. д.), а вторая (анархизм, авантюризм в политике) — нет, то в наш век вторая крайность не менее широко распространена и искажает познание не в меньшей мере, чем первая. Есть авторы, считающие, что можно перескочить к коммунизму, минуя необходимый этап — создание его материально-технической базы. Левые ревизионисты думали просто: «три года труда — десять тысяч лет счастья», хотели за три года построить коммунизм и всем показать, как можно быстро в отсталой стране построить коммунизм без создания его материально-технической базы и других необходимых для этого условий, т. е. без соответствующего количественного подготвления. Но известно, к чему привела эта авантюра. Законы, принципы диалектики имеют объективное содержание, ибо являются логически освоенным миром. Они не преклоняются перед «авторитетами», не отменяются декретами «сильных мира сего». Поэтому неуважение к ним мстит за себя рано или поздно, и те, кто пренебрегает этими принципами или пытается по своему

¹ См. Гегель. Соч., т. V, стр. 431—435.

произволу их истолковывать, а тем более в искаженном виде применять в практике, не избегнут провала. И для дела будет совершенно безразлично, в какой это форме делается: открыто или скрыто, непосредственно или опосредствованно, «чистосердечно», искренне или со злым умыслом.

По всей вероятности, неумение диалектико-материалистически осмыслить данные современной практики и познания, в особенности практики социалистического и коммунистического строительства, порождает разного рода толки в понимании скачка, что является в сущности отходом от диалектики. Так, существует мнение о двух видах постепенности: один — это *постепенные* количественные изменения, другой — *постепенные* качественные изменения. Сообразно с этим пишут и говорят о двух видах скачков — скачок «путем взрыва» и скачок «путем постепенного накопления элементов нового качества».

Однако любой скачок есть диалектический процесс смены одного качества другим, характеризующийся в категориальном плане по меньшей мере следующими основными чертами: *перерывом постепенности; более интенсивным изменением, чем предшествовавшие ему количественные изменения; разрешением противоречия между количеством и качеством и возникновением нового противоречия; единством бытия и небытия.* Рассмотрим эти положения.

1. Любой процесс развития одновременно и прерывен и непрерывен. При этом непрерывность, постепенность выступает в форме количественных изменений (изменений числа элементов предмета, пространственных размеров, порядка связи его элементов, скорости движения и т. д., а в познании — изменение числа исследованных фактов, степень проникновения в их сущность и т. п.), а прерывность — в форме качественных изменений, т. е. в виде скачков: возникновение нового предмета, процесса, рождение новой гипотезы, теории, нового понятия и т. д.

Перерыв непрерывности является важнейшей чертой скачка. Без него не может возникнуть новое качество. *Последнее не может возникнуть как без непрерывных количественных изменений, подготовляющих скачок, так и без перерыва этой непрерывности.* Так,

переход от одной категории к другой в исследовании предмета всегда подготавливается количественно, каждая категория всесторонне рассматривается в чистом виде, как самостоятельный момент. Сам процесс этого рассмотрения есть не что иное как процесс количественного приготовления скачка, перехода к следующей категории, выражающей более богатое содержание по линии восхождения.

Вместе с тем рассмотрение данной категории в чистом виде не есть бесконечность. Достигнув нужной полноты, определенной задачами исследования, оно столь же необходимо прерывается, что означает переход к анализу новой, высшей категории, т. е. совершается скачок. Анализ всех категорий в «Капитале» показывает, что ни без *процесса рассмотрения в чистом виде* данной категории (количественное подготовление скачка), ни без *перерыва* этого рассмотрения на необходимом этапе (скачок) *невозможно* само восхождение, т. е. само научное исследование. Любое научное исследование (и изложение) есть процесс, представляющий собой количественно-качественное единство движения мысли по предмету и являющийся в то же время количественным подготавливанием перехода к следующему предмету исследования по линии восхождения.

Причем у Маркса «перерыв постепенных количественных изменений» не есть перерыв всяких количественных изменений: такого перерыва не бывает никогда, так как исследуемая категория всегда есть процесс, всегда взаимосвязана с другими категориями, следовательно, она никогда не бывает без изменений. Более того, скачок — более интенсивное количественное и качественное изменение. Под перерывом постепенности количественных изменений Маркс понимает *перерыв тех количественных изменений, которые возникли в пределах данной меры и необходимы для нарушения этой меры, поскольку последняя рано или поздно, но неизбежно сменяется новой, высшей, но не в результате количественных изменений вообще, а в результате необходимых, определенных для нее количественных изменений, т. е. прерывается та количественная постепенность, которая достигла необходимой грани, порога, уровня, где нарушается мера, для смены которой больше не нужно продолжения данных количественных из-*

менений. Данное явление превращается в свое другое в результате определенных количественных изменений. Но начало процесса этого превращения совпадает с прекращением, перерывом этих *определенных* количественных изменений, в то время как другие количественные изменения продолжают.

2. Скачок *более интенсивный, глубокий, богатый, быстротечный процесс*, чем предшествовавшие ему, подготовившие его количественные изменения. От чего зависит глубина, продолжительность и характер скачка? Разумеется, от предмета, от характера его противоречий — внутренних и внешних, от этапа, состояния, степени зрелости предмета и его противоречий, от совокупности всех внутренних и внешних условий, в которых происходит скачок. Вместе с тем поскольку скачок есть *временной* процесс, то продолжительность его бывает разная. Если одни скачки могут происходить в доли секунды (например, превращение одних элементарных частиц в другие), то другие охватывают многие годы и даже миллиарды лет (превращения космических объектов). Однако независимо от того, какова длительность процесса скачка, суть его в одном — ликвидация одного единства количества и качества (меры) и создание другого единства количества и качества (новой меры).

Более того, можно в любом скачке установить фазы, этапы его продолжительности, поскольку он происходит во времени. Скажем, скачок от капитализма к социализму в нашей стране можно разбить, по крайней мере, на следующие фазы: 1) Октябрь 1917 г. и установление Советской власти по всей стране; 2) гражданская война; 3) восстановление народного хозяйства; 4) индустриализация страны; 5) коллективизация сельского хозяйства и победа социализма. Разумеется, каждую из этих фаз можно рассматривать как скачок по отношению к предшествовавшим ей количественным изменениям, все они являются необходимыми фазами общего скачка от капитализма к социализму. Поскольку это относится к любому скачку, т. е. в любом скачке можно найти такие фазы, этапы и т. д., то попытка делить скачки на «одноактные» (путем взрывов) и без взрывов, путем «постепенного накопления элементов нового качества» означает попытку подменить диалектику мертвой абстракцией, мешающей познанию скачка.

Для познания вообще не имеет никакого значения такая постановка вопроса, ибо форм скачков столько, сколько скачков, а скачков столько, сколько коренных качественных изменений явлений, т. е. бесконечно много. Тем более нелепо ставить вопрос о том, что одни скачки происходят внезапно, в результате «одноактного» уничтожения, а другие медленно, постепенно и т. д. Никакого объективного критерия классификации скачков как по «постепенности», так и по каким-либо другим признакам не существует. Однако такая попытка есть не более как попытка рассудка проводить классификацию скачков на эмпирическом, а не на теоретическом, категориальном уровне, не выходя за рамки фактов, данных в чувственном созерцании.

С некоторым основанием можно было бы говорить о скачках в социальной жизни в зависимости от того, какими противоречиями они рождены — антагонистическими или неантагонистическими — и разрешением каких противоречий они являются. Но говорить, что одни скачки кратковременны, другие нет, или одни скачки продолжительны, постепенны, другие нет, не имеет никакого смысла и кроме путаницы это ничего познанию не дает. Почему? Да потому, что каждый скачок и каждое явление, кроме общего, имеет свою специфику, свою индивидуальность. Можно скачки делить, скажем, сообразно со сферами действительности — скачки в неживой природе, скачки в живой природе, скачки в обществе, скачки в познании. Но такое деление также ровным счетом нам ничего не дает, ибо на этом основании мы ничего не знаем о данном конкретном скачке. Чтобы знать что-либо о нем, нужно познать общие черты скачка, открыть их в данном конкретном случае, с учетом его специфики. Тысячу раз был прав Энгельс, когда писал: «Само собой разумеется, что я ничего еще не говорю о том *особом* процессе развития, который прodelывает, например, ячменное зерно от своего прорастания до отмирания плодоносного растения, когда говорю, что это — отрицание отрицания. Ведь отрицанием отрицания является также и интегральное исчисление. Значит, ограничиваясь этим общим утверждением, я мог бы утверждать такую бессмыслицу, что процесс жизни яч-

менного стебля есть интегральное исчисление или, если хотите, социализм»¹.

Постепенность количественных изменений верно трактуется как «медленные, скрытые, незаметные, непрерывные изменения». Но оказывается, что имеется и другой вид постепенности. Это — «постепенное накопление элементов нового качества». Но какое содержание выражает этот вид «постепенности»? Если под этим понимать изменение путем накопления элементов нового качества «по частям», то таким накоплением элементов является постепенность количественных изменений. *Следовательно, если исходить не из внешней формы выражения, а из внутреннего содержания, то принципиально никакого отличия между этими родами постепенности нет, ибо всякое новое качество (независимо чего, где когда и т. д.) возникает в результате медленных, постепенных (по сравнению с последующим скачком) количественных изменений.* Следовательно, «постепенное накопление элементов нового качества» не меняет сущности скачка, не является новым видом скачка, поскольку *постепенное накопление элементов нового качества есть не что иное, как постепенное накопление количественных изменений, необходимых для скачка, и не более* Поэтому В. И. Ленин подчеркивал, что никакая «постепенность ничего не объясняет без скачков»,² так как скачок *всегда* есть перерыв непрерывности, который разделяет собой постепенное накопление элементов нового качества и само новое качество и опосредствует переход первых во второе. Например, «капитализм сам создает своего могильщика, сам творит элементы нового строя, и в то же время, без «скачка» эти отдельные элементы ничего не изменяют в общем положении вещей, не затрагивают господства капитала»³.

Конечно, можно тот или иной скачок рассматривать «по частям», и т. д. Дело не в этом, а в том, как пони-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 20, стр. 145.

² В. И. Ленин, т. 29, стр. 112. Об этом же говорил Гегель: «Обыкновенно стремятся сделать изменение *понятым* посредством представления о постепенности перехода, но постепенность есть скорее, наоборот, как раз исключительно только безразличное изменение, противоположность качественному изменению» (Гегель. Соч., т. V, стр. 432).

³ В. И. Ленин, т. 20, стр. 65—66.

мать скачок, какое содержание вкладывать в него. Признание *«постепенности»* скачка связано с допущением реального возникновения целого, системы в недрах старого. Но еще Гегель правильно считал, что новое возникает в старом не в смысле наличного существования целого в действительности, а в том смысле, что в наличном нечто другое содержится «в себе», как возможность.

В. И. Ленин глубоко и всесторонне развил диалектику целого и части, структуры и элемента. Говоря об элементах нового в старом, он употреблял понятие «элемент» (или сходные с ним) не в значении готового качественного нового явления, а в значении предпосылки, преддверия, возможности. Он неоднократно подчеркивал, что нельзя смешивать элемент и систему, часть и целое, предмет и его предпосылки, что подчеркивание качественного их различия — необходимое условие познания истины. Точно так же нельзя смешивать возникновение нового качества с возникновением того или иного его элемента. Предмет возникает не тем или иным «кусочком», элементом, а как *целое*. Начинается не с возникновения его элемента, а с его возникновения как *системы, структуры, целого, сущности*.

Конечно, возникновение элемента или предпосылки предмета также есть качественное изменение, скачок, но скачок по отношению к своим предпосылкам возникновения как количественным изменениям, подготовившим возникновение этого элемента. Более того, не только нельзя сводить скачок целого к скачку его элемента, но нельзя сводить скачок целого к массе качественных изменений его частей. Разумеется, скачок каждого целого происходит в результате и на основе количественных изменений составных частей, элементов его. «Все качественные различия в природе основываются либо на различном химическом составе, либо на различных количествах или формах движения (энергии), либо, — что имеет место почти всегда, — на том и другом. Таким образом, невозможно изменить качество какого-нибудь тела без прибавления или отнятия материи либо движения, т. е. без количественного изменения этого тела».¹ Но как целое не есть сумма своих частей, так и

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 20, стр. 385.

скачок его не тождествен сумме скачков последних. При последовательном, поочередном качественном изменении элементов целого поначалу качественно новые элементы существенно не влияют на целое, которое остается в основном прежним и оказывает известное тормозящее воздействие на процесс преобразования своих частей. Количественный рост качественно новых элементов, увеличение их удельного веса в целом, а следовательно, и усиление их влияния на целое приводит к тому, что вся система связей целого начинает преобразовываться, а значит, целое качественно изменяется. Наступает скачок целого. Возникающее новое целое оказывает воздействие на свои качественно новые элементы, вследствие чего последние продолжают еще глубже и полнее преобразовываться, и на старые элементы, ускоряя их качественное изменение. Тем самым образующееся новое целое теперь способствует качественному изменению своих частей, процесс их преобразования ускоряется и углубляется. Наконец, устанавливается единство элементов и структуры, единство частей целого. Скачок целого завершен.

3. Что касается вопроса о том, каким *противоречием* рождается скачок и разрешением какого *противоречия* является он, то ввиду его самоочевидности не будем задерживаться на нем. Лишь коротко заметим, что это противоречие есть отношение между устойчивым качеством и изменчивым количеством. Причем и то и другое абсолютно безразлично к особенностям каждого отдельного случая: в любом каждом явлении независимо от его характера, природы и т. д. качество всегда выражает его устойчивую, а количество — изменчивую сторону. Отношение между этими двумя сторонами меры есть противоречие, которое, возникнув вместе с данной мерой, проходит свой путь развития, обострения по мере непрерывных количественных накоплений и на необходимом для этого этапе разрушает меру, разрешая себя. Следовательно, указанное противоречие есть источник скачка, в процессе которого оно само разрешается, сменяясь другим. Разрешение этого противоречия и возникновение нового в ходе скачка есть один и тот же процесс.

4. Скачок есть единство *бытия и небытия*. Он выражает собой такое состояние в развитии, когда старое

и новое одновременно есть, когда старое качество одновременно есть и нет, новое качество одновременно и есть и нет. А что есть? *Есть переход от старого качества к новому.* Ленинский анализ характеристики экономики и политики в эпоху диктатуры пролетариата представляет собой творческое применение к практике и конкретизацию этой черты скачка. В переходный от капитализма к социализму период есть и капитализм и социализм: и одновременно нет капитализма и нет социализма, а есть переход от капитализма к социализму. Бывший капитализм подорван, но все же он есть. Социализм возникает, но еще не «ставший». Теоретически не подлежит сомнению, что между капитализмом и социализмом лежит известный переходный период. Он не может не соединять в себе черты или свойства обоих этих укладов общественного хозяйства. Этот переходный период не может не быть периодом борьбы между умирающим капитализмом и рождающимся социализмом. Основные формы общественного хозяйства переходного периода: капитализм, мелкое товарное производство, социализм. Основные силы этого периода: буржуазия, мелкая буржуазия (особенно крестьянство), пролетариат¹.

В понимании В. И. Ленина, одновременное сосуществование в одной системе элементов нового и старого качества есть процесс перехода. «Но что же значит слово переход? Не означает ли оно, в применении к экономике, что в данном строе есть элементы, частички, кусочки и капитализма, и социализма? Всякий признает, что да»². Возникновение нового и исчезновение старого есть одновременный процесс. Новое не является в старом как новое, а существует в нем лишь как тенденция. Вместе с тем переход от одного качества к другому в результате количественных изменений нужно понимать как переход количества в качество и обратно. *Этот переход по сути дела не два чередующихся процесса. Здесь нет двух процессов, это один процесс.* Переход количества в качество и есть переход качества в количество. Этот процесс есть единый одновременный про-

¹ См. В. И. Ленин, т. 39, стр. 271—272.

² В. И. Ленин, т. 36, стр. 295—296.

цесс превращения количества в качество и качества — в количество.

Рассмотренные черты скачка являются характерными и для скачков в период перехода от социализма к коммунизму. Ни специфика этого периода, ни специфика социализма, ни специфика коммунизма не исключает ни одной из этих черт скачка, равно как и не исключает скачков вообще. *Следовательно, нет никаких постепенных скачков. Термин «постепенность» применим только к количественным изменениям, скачок же есть перерыв этой постепенности.*

Однако возникает вопрос: раз это так, то как же тогда понимать *постепенность* перехода от социализма к коммунизму? А ведь этот переход действительно является постепенным. В нашей литературе совершенно справедливо пишут, что *под постепенностью в данном случае нельзя понимать замедление темпов развития, ибо объективно этот переход характеризуется высокими темпами развития.* Тогда какое же содержание заключается в этой «постепенности»? На это содержание впервые указал Маркс в «Нищете философии». *Постепенный переход от социализма к коммунизму в его понимании есть переход без социальной, политической революции, без катаклизмов, без превращения противоречий в антагонизм, в конфликт, в социальные, политические потрясения.* «Только при таком порядке вещей, когда не будет больше классов и классового антагонизма, *социальные эволюции перестанут быть политическими революциями*»¹. Иными словами, постепенность означает отсутствие антагонистических противоречий, антагонизмов в социалистическом способе производства, а также планомерное, сознательное обнаруживание, нахождение, изучение противоречий и своевременное их разрешение.

Это же содержание можно выразить и в такой форме: постепенность перехода в плане диалектики элементов и структуры означает *временной процесс*, когда преобразование частей целого происходит одновременно, последовательно, в порядке как бы очередности, *без конфликтов, антагонизма.* Постепенность в данном случае есть количественное изменение соотношения качественно новых и старых элементов, нарастание числа

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 4, стр. 185.

первых и уменьшение вторых, усиление влияния первых и ослабление влияния вторых. Отсюда следует, что между исходной и конечной качественными определенностями существуют такие, которые занимают промежуточное положение, и изменение элементов целого проходит через них, т. е. осуществляется не непосредственное преобразование исходной качественной определенности в конечную, а через ряд промежуточных стадий. Причем качественные определенности промежуточных и конечной стадий обладают какой-то общностью, но это общее имеет разную степень наличности, выраженности. Постепенность в данном случае есть изменение степени какого-то качества, т. е. опять-таки *количественное изменение и опять-таки без конфликтов, антагонизма*.

Что же касается противоречий, рождаемых социализмом, то они проходят все свои этапы зрелости и разрешаются как скачок, в ходе скачка. Следовательно, каждый скачок подготавливается необходимым образом постепенно, непрерывно, т. е. количественно. При социализме действительно происходит накопление элементов нового качества — коммунизма. Но элемент не есть структура, не есть целое.

Ни тот или иной элемент, ни накопление элементов коммунизма еще не есть коммунизм, ибо последний есть целое и его утверждение возможно как *скачок, как коренное качественное структурное изменение*. Никакого коммунизма не может быть без коренного структурного изменения, без прерыва постепенности количественных накоплений. Вот это «постепенное накопление элементов нового качества» и есть эти количественные изменения, которые должны прерваться на необходимо зрелом для этого этапе. Когда же говорят о «зримых чертах» коммунизма или о том, что «коммунизм вводим кусочками», говорят о количественном подготавливании коммунизма, но отнюдь не о самом коммунизме, как новом, высшем качестве, высшей фазе коммунистической формации.

Как уже говорилось, любой скачок есть процесс, происходит во времени и пространстве, есть *движение*. Поэтому переход от анализа качества, количества, меры и скачка к анализу пространства, времени и движения есть переход к следующему этапу восхождения.

ДВИЖЕНИЕ

§ 1 ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ

Взаимопревращение качества и количества есть движение, процесс, протекающий в *пространстве и времени* и заключающий в себе эти объективные внутренние имманентные условия своего бытия.

Проблема пространства и времени возникает лишь на определенном уровне общественно-исторической практики и научного познания, когда последние своим предшествовавшим развитием подготовлены для рассмотрения явления в единстве с их объективными формами бытия.

История возникновения и развития представлений о *пространстве и времени* была и есть арена борьбы различных мнений, где более рельефно выражалась борьба двух партий в философии — материализма и идеализма. Основная концепция материализма, которая восходит к древним атомистам — Демокриту, Эпикуру и др., рассматривает пространство и время как объективные формы бытия материи. Однако сама эта общая линия материализма имела свои разновидности. Атомисты ввели понятие «пустого пространства», которое в то же время однородно и бесконечно. В понимании Аристотеля, пространство есть совокупность мест тел, время есть число движений и в отличие от движения течет равномерно. Декарт выдвигает идею о заполненном пространстве, а также идею о тождестве протяженности и пространства.

И. Ньютон вводит понятие абсолютного пространства и абсолютного времени, понимая под этим их объективное бытие независимо от материи, а также независимо друг от друга. Пространство как самостоятельное начало есть *пустое «вместилище тел» и имеет три измерения*. Оно абсолютно однородно, неподвижно, непрерывно и вечно. Пространство, по Ньютону, отличается от протяженности тел тем, что протяженность есть основное свойство тел, благодаря чему тела занимают определенные места в абсолютном однородном простран-

стве. Время тоже есть *«пустоеместилище»*, только не тел, а событий. Оно также абсолютное, не связанное с материей самостоятельное начало, *«чистая длительность»* от прошлого к будущему.

Лейбниц, развивая дальше взгляды Аристотеля и Декарта, приходит к выводу, что пространство и время не могут существовать наряду с материей и независимо от нее, отвергает точку зрения об абсолютном пространстве и времени. В его понимании, пространство есть порядок расположения множества тел, а время — порядок сменяющих друг друга тел и их состояний.

Субъективные идеалисты (Беркли, Юм, Мах и их эпигоны сегодня) отвергают материалистические взгляды на пространство и время, в частности, точку зрения Ньютона об абсолютном пространстве и времени, отрицают объективное бытие последних, рассматривая их субъективистски, как порядок субъективных восприятий. Продолжая берклианско-юмистскую линию, Кант понимает пространство и время как непознаваемые формы созерцания. По Канту, вне нас мы не можем созерцать время, точно так же, как не можем созерцать пространство внутри нас. Пространство и время не есть эмпирические понятия, выводимые из внешнего опыта. Представления о пространстве и о времени не могут быть поэтому заимствованы из отношений внешних явлений посредством опыта: сам этот внешний опыт становится возможным прежде всего благодаря доопытному представлению о пространстве и о времени.

Кантианский априоризм пространства и времени, разумеется, не мог способствовать их познанию. Эйнштейн писал: «Я убежден, что философы оказали пагубное влияние на развитие научной мысли, перенося некоторые фундаментальные понятия из области опыта, где они находятся под нашим контролем, на недостижимые высоты априорности... Это в особенности справедливо по отношению к понятиям пространства и времени. Под давлением фактов физики были вынуждены низвергнуть их с Олимпа априорности для того, чтобы привести их в порядок и сделать пригодными для использования»¹.

¹ А. Эйнштейн. Сущность теории относительности. М., 1955, стр. 8.

Для Гегеля пространство и время — это не априорные формы созерцания, а объективные формы идеалистически трактуемого им бытия. Прежде всего, он считает, что эту проблему нельзя решить на *эмпирическом* уровне, что для ее решения познание должно восходить к *разуму*, к теоретическому мышлению, поскольку на эмпирическом уровне мы имеем дело не с понятием, а с представлением, которое в действительности есть не что иное как поверхностный взгляд на пространство и время, создающий внешнюю кажимость, внешнее впечатление, что эти формы совершенно отделены друг от друга и от бытия. В определениях же разума пространство не есть ни пустота, ни порядок вещей, ни протяженность, а время не есть ни поток, увлекающий все в своем течении, ни порядок событий. И то и другое есть *моменты движения*.

Разработка проблемы пространства и времени шла по двум линиям: по линии естествознания (в частности физики и математики) и по линии философии. Говоря о развитии естественнонаучного взгляда на проблему и о ее современном состоянии, следует указать на важную роль создания неевклидовой геометрии Лобачевским, Бойаи и Риманом, открытия физических полей и в особенности *теории относительности* Эйнштейна. С другой стороны, также следует подчеркнуть не менее важную роль в выработке современного понятия пространства и времени развития философского мышления, в особенности материалистически осмысленных идей Гегеля о единстве непрерывности и прерывности пространства и времени, об их конечности и бесконечности, об их связях с движением и с материей и т. д.

Опираясь на эти достижения познания в целом, можно дать более полные дефиниции этих категорий. *Пространство есть категория, выражающая объем материального явления, его протяженность в длину, ширину, высоту, его внешнюю форму, порядок расположения тел, предметов, явлений относительно друг друга, их рядоположенность*. Оно их объективное, естественное и вечное *условие*, способ их существования. Любое явление всегда существует в пространстве, т. е. имеет пространственную характеристику или определенность. Эти свойства пространства являются *важнейшими* элементами организации, образования явлений.

Время есть категория, выражающая последовательность разворачивания материальных процессов, порядок следования явлений друг за другом, длительность процессов, развитие явлений, которые существуют не только в пространстве, но и во времени, не только расположены относительно друг друга, находятся в определенном месте, но и существуют в определенное время, в определенной последовательности. Эти свойства времени есть объективные свойства материальных тел и являются также важнейшими элементами их организации, необходимым, вечным способом, условием их существования.

Эти характеристики пространства и времени указывают на их тождество и различие: они одновременно тождественны и различны. Это обстоятельство дает основание говорить о единой форме бытия материи: пространство-время, о четырехмерном пространственно-временном *континууме*, который представляет собой не просто сумму, механическое соединение пространства и времени, а их синтез, целостную систему, т. е. такое их объединение, в котором каждое из них объективно невозможно и нелепо без другого и без материи. Естественнонаучным доказательством этого факта являлась теория относительности, со времени создания которой «пространство само по себе и время само по себе низводятся до роли теней и лишь некоторый вид соединения обоих должен еще сохранить самостоятельность»¹.

Однако глубокая взаимосвязь пространства и времени не уничтожает их качественного различия. Пространство — трехмерно, а время — одномерно; хотя изменение находит свое отражение не только во времени, но и в пространстве, пространственная сторона изменения выражает количественное изменение, а временная сторона изменения выражает качественное изменение, развитие — *возникновение нового и отмирание старого*. **Время, как говорил Энгельс, главное условие всякого развития. О качественном различии простран-**

¹ Г. Минковский. Пространство и время. «Успехи физических наук», 1959, т. XIX, вып. 2, стр. 303. Сам Эйнштейн следующим образом характеризовал сущность своей теории: раньше считали, что если каким-нибудь чудом все материальные вещи исчезли бы вдруг, то пространство и время остались бы. Согласно же теории относительности вместе с вещами исчезли бы пространство и время.

ства и времени говорил и А. Эйнштейн: «Неразделимость четырехмерного континуума событий, — писал он, — совсем не означает эквивалентности пространственных координат временной координате. Наоборот, мы должны помнить, что временная координата определена физически совершенно иначе, чем пространственные координаты»¹.

Тождество и различие категорий пространства и времени есть доказательство гибкости, подвижности категорий диалектики. Однако эту гибкость нельзя понимать субъективно, абстрактно, поскольку тождество не устраняет их различия, не ликвидирует их качественной определенности, их специфики, а различие не устраняет их тождества.

Познание искажается, когда тождество и различие этих категорий понимают абсолютно, абстрактно. То же самое нужно сказать и о следующих крайностях: одни понимают пространство-время только абсолютным, другие — только относительным, а не единство того и другого. Поскольку пространство и время — вечные, постоянные и необходимые условия бытия материи, то в этом смысле можно и нужно говорить об их абсолютности. Но, разумеется, отнюдь не в смысле ньютоновской концепции, рассматривавшей их как оторванные друг от друга и от материи, раз навсегда данные пустые «вместилища», а в их диалектико-материалистической интерпретации.

Не отрицая абсолютности пространства и времени в указанном смысле, теория *относительности* вместе с тем устанавливает их *относительность*, доказывает, что их свойства не являются раз навсегда данными, неизменными, сторованными от движения и материи, а изменяются в зависимости от условий движущейся материи (например, с возрастанием скорости длина тела сокращается), что в различных материальных условиях пространственные формы, протяженность явлений, длительность времени и т. д. бывают разными.

Согласно *частной теории относительности* пространственные отношения и временные промежутки различны в различных системах *отсчета*. Одновременность явлений в одной системе отсчета есть неодновременность в

¹ А. Эйнштейн. Сущность теории относительности. М., 1955, стр. 31.

другой системе отсчета. Вместе с тем эта относительность заключает в себе абсолютность пространства и времени, поскольку пространственно-временной интервал между событиями при переходе от одной системы отсчета к другой остается неизменным, абсолютным. Иными словами, если пространственные отношения и временные промежутки, взятые отдельно, изменяются относительно, в зависимости от движения, то пространство-время, как единая форма бытия материи, не изменяется, является абсолютным. Следовательно, пространство и время одновременно и абсолютны и относительны. В этом единстве их истина: не «или», а «и». Вместе с тем это единство отражает тождество и различие пространства и времени, единство их изменчивости и устойчивости, непрерывности и прерывности.

Дальнейшим развитием частной теории относительности, углублением связи между пространственно-временными отношениями и их материальным содержанием было создание *общей теории относительности* (или теории тяготения). Было установлено, что в очень сильном гравитационном поле время замедляется, а пространство «искривляется», и это «искривление» тем больше, чем сильнее напряженность поля тяготения. «Кривизна» пространства, зависящая от распределения и свойств движущихся материальных масс — источника гравитационного поля — отражается не в евклидовой геометрии, а в римановой. До создания общей теории относительности собственно не было научной теории тяготения. Закон тяготения Ньютона был всего-навсего моментом единой научной теорией тяготения.

И частная теория относительности, и общая, как, впрочем, всякая научная теория, продолжает совершенствоваться, развиваться, обогащаться. Но так или иначе теория относительности как итог, вывод является важным завоеванием науки XX в., представляет собой продукт более зрелой практики и соответствующего ей теоретического мышления.

Тем не менее это важнейшее завоевание современной науки до сих пор встречает разного рода возражения. Существующие мнения по этой проблеме можно разделить на две группы: мистико-метафизические взгляды и мнения, представляющие собой обсуждения современных проблем развития теории относительности.

Говоря о второй группе мнений, достаточно напомнить старую, но вечно новую истину: наука не может развиваться без борьбы мнений, без снятия достигнутого ею уровня. В частности, существуют различные точки зрения почти по всем вопросам *общей* теории относительности, среди которых важное место занимают вопросы об энергии гравитационного поля, о гравитационных волнах и др. В связи с развитием квантовой физики делаются попытки углубления и дальнейшего развития как теории относительности в целом, так и общей теории относительности в особенности и т. д. Но все это уже естественный путь развития науки, собственное ее движение.

Теория относительности есть продукт мышления на современном теоретическом уровне развития, и она не была бы возможна на эмпирическом уровне физики, а следовательно, ее нельзя понять на этом уровне.

В современной физике серьезные трудности возникают в связи с тем, что она экстраполирует на исследование процессов микромира свои старые представления о пространстве и времени, полученные из опыта изучения макромира на эмпирическом уровне. Достаточно сказать, что при подобной экстраполяции физики нередко приходят к выводу, что пространство и время не универсальные формы бытия материи, а имеют лишь макроскопический характер, что микромир существует вне пространства и времени и т. д., т. е. приходят к мистицизму.

Из истории развития физики непреложно напрашивается вывод, что существуют качественно различные уровни объективного мира и соответствующие им качественно различные пространственно-временные формы, исследование которых возможно на соответствующих уровнях познания. При этом в высшей степени важное методологическое значение приобретает правильное понимание отношения этих различных уровней познания пространства-времени.

Истина заключается в том, что следует исходить из тождества и различия разных уровней познания пространства-времени. *Тождество* состоит в том, что на любом уровне пространственно-временных форм объективной действительности и их познания нечто может существовать только в пространстве и времени — будь это

элементарная частица или макротело. В этом смысле пространство и время универсальны, всеобщие формы бытия материи. *Различие* состоит в том, что поскольку существуют различные уровни объективной действительности и соответствующие им различные пространственно-временные уровни, формы, изучение которых возможно также на различных уровнях познания, то, следовательно, в научном отношении несостоятельно механическое перенесение знания одного уровня на знание другого уровня, безразлично, идет ли речь об экстраполяции знаний о пространстве и времени макромира на микромир или знаний о микромире на макромир.

Именно из этих затруднений, из крутой ломки, переживаемой современным естествознанием, рождаются сплошь да рядом реакционные школы и школки. В этом отношении характерным является неопозитивизм, который, как и любой вид современного субъективного идеализма, паразитирует на затруднениях развития науки.

Современный позитивизм в вопросе о пространстве и времени в сущности ничем не отличается от кантианско-махистского их понимания. Так, М. Шлик считает, что пространство и время представляют только формы нашей интуиции и не могут быть приписаны «вещам в себе». В понимании Р. Карнапа, вопросы о пространстве и времени «являются только псевдовопросами об объектах». Одна из современных разновидностей позитивизма — *операционализм* также отвергает объективное бытие пространства и времени. П. У. Бриджмен считает, что всякие понятия, в том числе понятия пространства и времени, есть синонимы соответствующего ряда операций, не выражающих никакого объективного бытия. Объективное бытие пространства и времени отрицается и *иррационалистической* философией Бергсона и его последователей — Ж. Маритена, Карра и других, а также *экзистенциалистами*, в частности, Хайдеггером.

Эти идеалистические интерпретации пространства и времени так или иначе направлены против достижений современной науки, являются попыткой подорвать ее завоевания, в частности — теорию относительности. К этому ведут и различные антинаучные, в сущности теологические, теории и теорейки о начале и конце мира, отрицающие бесконечность мира во времени и безграничность его в пространстве.

В понимании экзистенциалистов, нельзя говорить о бесконечности, вечности времени и пространства, поскольку индивидуальное существование субъекта *конечно*. По мнению философствующего математика Уайттекера, мир имеет начало и конец потому, что он сотворен. Согласно теории Лемэтра, мир был начат единственным квантом и начало мира имело место немного раньше начала пространства и времени. О сотворении мира твердят разного рода космологические, в сущности индетерминистские теории (Г. Бонди, Р. Канн и др.), на позициях теорий гибели материи стоит и А. Эддингтон. Французский философ Ф. Алькье считает, что наша собственная слабость заставляет нас очень часто верить, будто природа вечна. Повседневный опыт нас учит, что все явления происходят во времени, и вечность объекта может быть выдвинута только как внешняя наличной реальности, как трансцендентная ей. Ее нельзя схватить как вещь.

Гносеологическим источником как экзистенциалистских, так и мистико-религиозных теорий о начале и конце мира является та же эмпирическая метка, которая наносится на действительность и с помощью которой хотят, но, разумеется, не могут познать необходимости, бесконечности. Эмпирик, исходя из повседневного опыта и наблюдений, видит, что явления преходящи, возникают, развиваются, исчезают. Выдавая это свое знание за знание всей материи, он приходит к выводу о неизменной гибели последней, не замечая того, что «исчезновение» данной конечной формы есть не что иное, как *ее превращение в другое*, есть развитие, процесс, в котором осуществляется вечность и бесконечность материи.

Суть диалектико-материалистического понимания *конечного и бесконечного* состоит в том, что конечное и бесконечное не есть нечто рядоположенное, не существуют рядом, изолированно друг от друга (как это понимает метафизика), а представляют собой тождество противоположностей, противоречие, которое можно постичь только разумом. Бесконечное складывается из одних только конечных вещей, есть без конца развертывающийся процесс. Природа самого конечного состоит в том, чтобы выходить за свои пределы, отрицать свое отрицание и становиться бесконечным. «При-

рода самого конечного состоит в том, чтобы превосходить себя, отрицать свое отрицание и становиться бесконечным. Бесконечное, стало быть, не стоит над конечным, как нечто само по себе готовое».¹ Конечное и бесконечное нераздельны, *едины суть*. Бесконечность заключена в конечном, а конечное — в бесконечном. И Гегель справедливо критикует метафизический взгляд на эти категории, отрывающий их друг от друга. Комментируя эту критику, В. И. Ленин пишет: «Дурная бесконечность» — бесконечность, качественно противоположная конечности, не связанная с ней, отгороженная от нее, как будто конечное было *по сю сторону*, а бесконечное *по ту сторону*, как будто бесконечное стоит *над* конечным, *вне* его»...² Единство конечного и бесконечного состоит в их взаимопревращении, переходе конечного в бесконечное и наоборот. Конечное конечно лишь в соотношении с долженствованием или с бесконечным, а бесконечное бесконечно лишь в соотношении с конечным. Они неразделимы и вместе с тем суть безоговорочно другие в отношении друг друга; каждое из них имеет в нем самом свое другое. Следовательно, единство конечного и бесконечного не есть их внешнее сопоставление, а каждое есть в себе самом это единство и каждое есть лишь снятие себя самого.

Рассудок проявляет свое бессилие, когда конечное и бесконечное представляет как две рядоположенные, абсолютно самостоятельные реальности, сосуществующие друг возле друга. Такое представление о бесконечности и конечности, правда, вполне доступно и наглядно, но оно вместе с тем и не касается ни действительной конечности, ни действительной бесконечности. Между тем в самой действительности нет конечности и бесконечности, существующих изолированно друг от друга. Бесконечное и конечное не две сущности, а стороны одного, они есть тождество противоположностей, бесконечное конечно, и конечное бесконечно; каждое из них содержит в себе свое другое, бесконечное просвечивает себя через конечное, пребывает в нем в форме законов, которые вечны и бесконечны.

Нередко бесконечность понимают как не имеющее конца, предела деление материи вглубь, внутрь. Так по-

¹ Гегель. Соч., т. V, стр. 125.

² В. И. Ленин, т. 29, стр. 100.

нимают, например, «неисчерпаемость электрона». Однако неисчерпаемость электрона не есть бесконечность его деления и не имеет никакого отношения к его делимости, во-первых, потому, что она не связана только с одним направлением, упрощением или усложнением: во-вторых, она есть его бесконечные модификации, его превращение во все другое, есть его пребывание во всем другом и в то же время воплощение, включение в себя другого, т. е. конечное в бесконечном, бесконечное в конечном. Только в плане всеобщности связей, единства многообразия можно говорить о связи неисчерпаемости электрона с бесконечностью.

Вместо того, чтобы с помощью разума открывать конечное в бесконечном, бесконечное в конечном, пытаются эмпирически представить, чувственно схватить множество миров, галактик и т. д. Но подобная попытка приводит не только к отрыву конечного и бесконечного друг от друга, но и к практическому отрицанию бесконечного, ибо представить, охватить возможно только конечное. *Между тем познание всеобщего, необходимости и есть не что иное как познание бесконечного, пребывающего и развертывающего себя в конечных вещах¹.*

¹ В марксистской философской литературе дана всесторонняя разработка проблемы конечного и бесконечного. Однако в этой большой проблеме есть один момент, который является предметом обсуждения. Это — вопрос о «дурной бесконечности». Одни авторы требуют окончательно отказаться от «дурной» бесконечности; другие, напротив, считают, что она определенной своей стороной выражает реальную бесконечность. Видимо, эта вторая точка зрения ближе к истине. Следует заметить, что термин «дурная бесконечность» введен Гегелем, которому он противопоставляет «истинную бесконечность», т. е. свое диалектическое понимание бесконечного. Гегель протестует против «дурной» бесконечности, поскольку о ней существовало в его время «высокое мнение». Он доказывал, что «дурная» бесконечность есть унылое, скучное повторение одного и того же и не есть поступательное шествие, продвижение дальше, т. е. не выражает действительного восхождения, развития. Между тем истинная бесконечность есть развитие, восхождение. Хотя «дурная» бесконечность не выражает реальной бесконечности как таковой, тем не менее незачем «отбрасывать» то, что так или иначе в той или иной степени (скажем, бесконечный числовой ряд $1+1+1$ и т. д.) способствует познанию бесконечности, является его предпосылкой, условием, приближением и подходом. Очевидно, следует «решительно» снимать ее, т. е. преодолевать ее узость, ограниченность, недостаточность, а не отбрасывать ее. Это имел в виду Энгельс, когда писал о «дурной» бесконечности, как о «преобладающем» моменте.

§ 2. ДВИЖЕНИЕ И ПОКОЙ

Еще более бессильным и беспомощным оказывается эмпирическое наблюдение в доказательстве истинности движения. Вся история развития философии и естествознания подтверждает ту истину, что на эмпирическом уровне невозможно постичь сущность движения. Вместе с тем, история возникновения и развития представлений о движении есть история поиска ответа на вопрос — что такое движение, а следовательно, история приготовления его теоретического выражения.

На уровне обыденного наблюдения и опыта еще древние философы могли легко установить, что «все течет», «все изменяется», «в одну и ту же реку нельзя войти дважды», что в природе происходит вечное возникновение и уничтожение и т. д. Более того, *Гераклит* высказал гениальную догадку о том, что источником движения является борьба противоположностей. Тем не менее, все эти представления не есть теоретическое выражение движения, не есть постижение его сущности.

Невозможность постичь движение путем чувственного созерцания нашла свое выражение еще в античной философии, в частности, у Парменида и в апориях *Зенона Элейского*. Своими парадоксами-апориями, доставившими немало хлопот не только философам прошлого, но и философам наших дней, Зенон подвергал сомнению истинность существовавших тогда представлений о движении и доказывал невозможность постижения сущности движения путем обыденного наблюдения и чувственного восприятия. Наблюдение и чувства, по Зенону, обманчивы, недостоверны и не дают истинного знания о прерывности, множественности движения. Так, смысл апории «Дихотомия» состоит в следующем: движущееся тело, прежде чем пройти весь путь, должно сначала пройти его половину, а чтобы пройти половину, должно пройти $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$ и т. д. — без конца. То же самое говорится в апории «Ахилл и черепаха»: быстроногий Ахилл никогда не догонит черепахи, ибо пока он дойдет до точки, где находилась черепаха, последняя уползет дальше и т. д. — до бесконечности. Этот принцип лежит в основе и других апорий. Апории Зенона вызывали разного рода суждения относительно их истинности, правомерности, а также

относительно возможностей теоретического познания пространства, времени, движения¹.

Аристотель пытается разрешить апории Зенона, по поводу которых он высказывает ряд глубоких мыслей. Так, на аргумент Зенона «Дихотомия» Аристотель ответил: пространство и время бесконечно делимы. На аргумент «Ахилл не догонит черепахи» Аристотель отвечает: догонит, если ему позволят перейти границу. На аргумент «Летающая стрела покоится» Аристотель отвечает: ошибка от допущения, будто время состоит из отдельных «теперь» и т. д.

Далее Аристотель обосновывает значение познания движения для познания действительности, доказывает, что «незнание движения необходимо влечет за собой незнание природы» и вместе с тем пытается дать логическое выражение движения. В его понимании, движение есть активная деятельность формы, есть процесс превращения материи в форму, возможности — в действительность. Конкретизируя свое представление о движении, он различает шесть его видов: возникновение, уничтожение, изменение по качеству, увеличение, уменьшение, перемещение. Несмотря на эти отдельные, рациональные моменты в понимании движения, Аристотель не мог, разумеется, на современном ему уровне познания разработать научную теорию движения.

Что касается метафизического материализма вплоть до Фейербаха, то он вовсе и не ставил вопроса о выражении движения в логике понятий и ограничивался выражением в чувственном созерцании механического движения. Сказанное, разумеется, не означает, что этот материализм совсем не исследовал вопросов, связанных с движением. Он, напротив, продолжает и развивает лучшие традиции античных материалистов. Обосновывая

¹ К сожалению, и сейчас находятся философы, которые считают, что будто Зенон отрицает движение, что будто он «основоположник» метафизического метода в философии. Такое мнение (откуда не весть) проникло, как ни странно, и в нашу литературу. Так, например, в «Истории философии» говорится, что «в целом подход Зенона к явлениям был антидиалектическим» (т. 1, стр. 91). Однако Зенон вовсе не метафизик, а «изобретатель диалектики» (Аристотель), «у Зенона мы точно... находим истинно объективную диалектику» (Гегель). Великая заслуга Зенона состоит как раз в том, что он впервые поставил вопрос о том, как выразить движение «в логике понятий».

свой материалистический взгляд на природу в борьбе против схоластики и идеализма, он на первый план выдвигает вопросы о первичности материи и вторичности сознания, доказывает единство материи и ее свойств, *объективное бытие* ее форм—пространства, времени, движения.

Так, *Ф. Бэкон*, в отличие от Аристотеля, не лишает материю внутренней активности, а рассматривает ее как активное, деятельное начало, порождающее многообразие своих объективных форм, сил. Материя одарена известными определенными свойствами и устроена так, чтобы всякий вид силы, качества, содержания, действия и естественного движения мог быть последствием и ее произведением. Бэкон рассматривает движение как внутреннее состояние материи, изначально присущее ей. Он его ищет в самой материи, а не вне ее, доказывая их неразрывное единство. Более того, понимая движение как внутреннюю способность материи, как ее первое и самое важное прирожденное свойство. Бэкон считает, что, кроме механического, существует еще 19 видов движения. Он пытается не сводить все изменения материи к одним механическим отношениям, как это делают поздние материалисты-механисты, а видит в материи способность к всестороннему развитию. Очевидна прогрессивная роль учения Бэкона о движении. Однако перенесенный Бэконом из естествознания в философию метафизический способ мышления не мог не наложить своего отпечатка на истолкование им понятия движения. В философии Бэкона элементы диалектики остались в зародыше, в то же время получил свое закономерное развитие метафизический способ рассмотрения вопросов, в том числе и вопроса о движении.

Более последовательный метафизический, в сущности механический, взгляд на движение разрабатывают послебэконовские материалисты, которые движение понимают только как простое перемещение тел. И такое понимание движения было, безусловно, необходимым, закономерным этапом в его познании. Тем не менее старый материализм недостаточно исследовал собственно логические формы — философские категории, в которых только и можно выразить движение. Это объясняется отчасти метафизичностью этого материализма, отчасти характером и формами его борьбы против идеализма.

Разумеется, это опять-таки не значит, что старый материализм отрицал роль и значение мышления. Но он отрицал диалектический противоречивый характер мышления. Его основная беда, как говорил В. И. Ленин, состоит в том, что он не умеет применять диалектику к теории отражения, к процессу и развитию познания. Это выражалось в том, что он, с одной стороны, считал мышление простым продолжением ощущений, не видел в процессе познания скачка, решающего поворота от ощущений к мышлению, нередко считая разум шестым чувством (Дидро). С другой стороны, познание рассматривал вне развития, догматически, каждое положение науки выдавал за абсолютную истину.

Отрицая диалектический характер мышления и решающую роль практики, как источника активности мышления, метафизический материализм не понял преобразующей роли мышления, которое активно воздействует через практику на мир. Поэтому и случилось так, что вопрос об активной роли мышления, о его формах — логических категориях, более подробно разрабатывали идеалисты, но, разумеется, абстрактно, в мистифицированном виде.

Так, *Лейбницу* принадлежат глубокие мысли об активности идеального — монады, которая имеет в себе деятельную силу, не знающий покоя принцип деятельности. *Кант* пытается преодолеть узость эмпирического, формально-логического уровня представлений о движении, выдвигая антиномии разума. Однако, как справедливо замечает Гегель, антиномии Канта дают познанию не больше, чем апории Зенона, поскольку в основе как антиномии, так и апорий лежит один и тот же принцип.

Весьма плодотворным в истории философии оказалось учение *Гегеля* о движении. В. И. Ленин приводит следующие его мысли: «Сущность времени и пространства есть движение, потому что оно всеобщее; понять его значит высказать его сущность в форме понятия. Движение как понятие, как мысль высказывается в виде единства отрицательности и непрерывности; но ни непрерывность, ни точечность сами по себе нельзя полагать в качестве их сущности». И комментирует: «Верно!». «Понять значит выразить в форме понятий». Движение есть сущность времени и пространства. Два основных понятия выражают эту сущность: (бесконечная) непрерыв-

ность (Kontinuität) и «пунктуальность» (=отрицание непрерывности, *прерывность*). Движение есть единство непрерывности (времени и пространства) и прерывности (времени и пространства). Движение есть противоречие, есть единство противоречий»¹.

Разрабатывая диалектику как теорию движения, развития, Гегель тем самым создал все необходимые предпосылки для диалектико-материалистического решения проблемы. В понимании Гегеля, движение есть «жизненность», «деятельность», есть непрестанный процесс. Движение есть *самодвижение*, самопроизвольное, спонтанейное, *внутренне-необходимое* движение, есть импульс к «движению» и к «деятельности».

Развитие познания движения в домарксистской философии, в особенности гегелевская диалектика, с одной стороны, развитие общественно-исторической практики — с другой, с необходимостью подготовили создание Марксом и Энгельсом подлинной науки о движении, т. е. материалистической диалектики. Тем самым был положен конец односторонности, механицизму и мистицизму в теории развития. «В наше время, — писал В. И Ленин, — идея развития, эволюции, вошла почти всецело в общественное сознание... Однако эта идея в той формулировке, которую дали Маркс и Энгельс, опираясь на Гегеля, гораздо более всесторонняя, гораздо богаче содержанием, чем ходячая идея эволюции»².

Три основных положения выражают марксистское понимание движения. *Во-первых, движение, есть объективная форма бытия материи, высший ее атрибут, коренной способ ее существования, ее процесс, ее превращение. Во-вторых, движение есть противоречие, есть самодвижение, развитие. В-третьих, познать, выразить сущность движения возможно только на научно-теоретическом, а не на эмпирическом уровне. Следовательно, дело не столько в признании движения, сколько в умении выразить его в логике понятий.*

Категория движения выражает все происходящие в мире изменения, процессы. Многообразию явлений действительности соответствует и множество видов движения. Точнее было бы сказать, что каждому материальному и идеальному образованию внутренне присуще осо-

¹ В. И. Ленин, т. 29, стр. 231.

² Там же, т. 26, стр. 55.

бое движение, поскольку последнее не есть нечто внешнее по отношению к своему объекту, но является его внутренней жизнедеятельностью. Но множество движений мы сокращаем и обобщаем по общему существенному определению, выражаем в понятии той или иной формы движения и тем самым избавляем себя от повторений. Так, понятием механической формы движения мы выражаем все пространственные перемещения тел относительно друг друга; физической — все тепловые и электромагнитные процессы; химической — все химические процессы; биологической — все процессы жизни; общественной — все социальные процессы. Вместе с тем все эти формы движения неразрывно взаимосвязаны, что доказывается их *взаимопревращаемостью и повторением низших форм в высших*. Причем высшая форма не сводится к низшим, а подчиняет их себе для своего существования и развития, является высшим единством, связывающим в себе в единое целое низшие формы, без которых она невозможна. Вместе с тем, познание возводит единичные формы движения *во всеобщее*, которое сняло в себе каждую индивидуальную форму и которое выражает собою движение вообще, движение как изменение вообще.

Внутренняя необходимая связь между каждой из форм движения и соответствующей сферой материальных и идеальных объектов указывает на неразрывное единство материи и движения, на то, что движение есть форма, способ бытия материи, выражение ее объективного состояния, является ее изменением, внутренним импульсом.

Хотя эти истины самоочевидны, тем не менее и сегодня находятся естествоиспытатели, которые пытаются их «опровергать» путем односторонней интерпретации достижений наук. Одной из форм проявления этого является основанное на извращении сути закона сохранения и превращения энергии «учение» о *«тепловой смерти» Вселенной*. Сторонники этой нелепости полагают, что со временем вся энергия должна превратиться в теплоту и равномерно рассеяться в мировом пространстве, что приведет будто в свою очередь к термодинамическому равновесию, к прекращению всех процессов, к утрате способности энергии превращаться из одной формы в другую. Но еще Энгельс в свое время вскрыл всю научную несостоятельность такого вывода и разъяснил, что не-

уничтожаемость движения надо понимать не только в количественном — как его сохранение, но и в качественном смысле — как его способность к превращению. Именно непонимание того, что движение (энергия) *неуничтожимо не только в количественном, но и в качественном отношении* порождает неизбежно мистику. Тот же самый рассудок, неспособный выразить целое в синтезе его сторон, всесторонне, выражает его односторонне.

Другой формой выражения того же содержания является так называемый *энергетизм*, изобретенный Оствальдом в начале нашего века и развиваемый ныне Гейзенбергом и др. В понимании Оствальда, энергия порождает и материальное и духовное, не являясь ни тем, ни другим. Суть энергетизма, следовательно, — отрыв материи от энергии, от движения, мистификация и материи, и движения (энергии).

В. Гейзенберг, продолжая эту линию, элементарные частицы объявляет различными формами энергии. «Мы теперь знаем, — пишет он, — что действительно существует только одна основная субстанция, из которой состоит все существующее. Если *давать* этой субстанции наименование, то ее можно назвать не иначе как «энергия»... материя в собственном смысле состоит из этих форм энергии»¹.

Идеалистические выводы ныне делаются и из достижений современной квантовой механики, в частности, и из объективной реальности взаимопревращения элементарных частиц, из взаимопревращения поля и вещества. Например, из закона взаимосвязи и количественной пропорциональности массы и энергии, установленного теорией относительности, Рассел делает идеалистический вывод о превращении массы, понимаемой им как материя, в энергию. По его мнению, теория относительности и квантовая теория будто «привели к замене старого понятия «массы» понятием «энергия»»².

Превращение вещества в свет рассматривается современными «энергетиками» как превращение материи в «чистую нематериальную энергию», а обратное превращение света в вещество — как порождение энергией мате-

¹ В. Гейзенберг. Философские проблемы атомной физики. М., 1953, стр. 98—99.

² Б. Рассел. Человеческое познание. М., 1957, стр. 61.

рии. Электроны и другие материальные частицы, пишет например, Джинс, могут превращаться в нематериальное излучение и обратно. На деле же здесь имеет место взаимосвязь свойств материи: массы — меры инерции тел и энергии — меры движения. «Идеалист, — писал В. И. Ленин, — и не подумает отрицать того, что мир есть движение, именно: движение моих мыслей, представлений, ощущений. Вопрос о том, что движется, идеалист отвергнет и сочтет нелепым: происходит смена моих ощущений, исчезают и появляются представления, и только. Вне меня ничего нет. «Движется» — и баста»¹.

Таким образом, старые, давно отвергнутые наукой теории и теорейки сведения материи к движению, аннигиляции материи, отрыва ее от движения и т. д., возрождаются вновь и вновь, и каждый раз на фоне новых и новейших достижений естествознания.

Еще более парадоксальной является для метафизики *противоречивая сущность движения*. Метафизик по своей природе абсолютно не способен понять, что движение есть противоречие, есть тождество противоположностей. Как сказано выше, движение есть единство непрерывности и прерывности пространства и времени. Это положение в своей дальнейшей модификации выражается в понятии единства *абсолютного движения, изменчивости* и относительного покоя равновесия, *устойчивости*. На эмпирическом уровне, разумеется, теоретическое выражение движения невозможно, так как раскусодок и тут имеет дело с «либо-либо»: либо одно, либо другое, либо движение, либо покой, либо изменчивость, либо устойчивость, а что сверх того, то от лукавого. Как писал Ф. Энгельс, для метафизика твердым орешком и горькой пилюлей является тот факт, что движение должно находить свою меру в своей противоположности, в покое. Ведь это — вопиющее противоречие, а всякое *противоречие*, по его мнению, есть бессмыслица. Для диалектического же понимания выразить движение в его противоположности, в покое, не представляет решительно никакого затруднения. Для него вся эта противоположность является только относительной; абсолютного покоя, безусловного равновесия не существует. Отдель-

¹ В. И. Ленин, т. 18, стр. 282.

ное движение стремится к равновесию, совокупное движение снова устраняет равновесие¹.

Покой не есть существующая рядом с движением какая-то внешняя реальность, внешняя движению противоположность, не «антипод движения», а является самим движением, со стороны его устойчивости, конечности. Следовательно, *покой — внутренне необходимый момент движения, внутренняя противоположность абсолютного движения*. Когда познание делит движение на абсолютное движение и относительный покой, т. е. как бы разделяет единое движение на эти его две стороны, то это не значит, что в самом объективном движении эти стороны также могут существовать, как и в познании, раздельно. Но именно так представляет себе дело метафизик, который застревает на эмпирическом, рассудочном уровне и не понимает того, что в действительности не существует никакого абсолютного движения без покоя и никакого покоя без него. Одинаково односторонни, а значит ошибочны как абсолютизация устойчивости, покоя, так и абсолютизация изменчивости. Концепцию о том, что в мире нет ничего тождественного, устойчивого, развивал, в частности, А. Бергсон, по мнению которого истинная реальность есть «чистая изменчивость», исключая всякую устойчивость, сохранение, изменчивость дает самой себе, она и есть сама вещь².

Истинную природу движения как такового можно выразить только как *тождество противоположностей*. А для этого следует восходить от рассудка к разуму, к теоретическому, диалектическому выражению этой природы в понятии. Эта внутренняя противоречивость движения есть доказательство того, что движение есть *самодвижение*, есть восхождение, развитие, поступательность. В этой связи не лишне будет выразить свое отношение к двум четко различаемым в литературе понятиям: «*движение*» и «*развитие*». Одни авторы доказывают, что развитие есть частный случай движения; другие считают, что развитие есть высший тип движения; третьи — развитие более сложное движение; четвертые — движение более широкое понятие, чем развитие, и т. д. и т. п. Разумеется, каждый автор «аргументирует» свою точку зрения, «ищет и находит» факты, примеры в самой действи-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 20, стр. 62.

² А. Бергсон. Восприятие изменчивости. Спб, 1913, стр. 40.

тельности для подкрепления своей позиции. Так или иначе, твердо установились отличные друг от друга две категории: «движение» и «развитие». Эти категории соответственно выражают двоякого рода изменения: одни явления *движутся*, другие — *развиваются*.

Однако согласиться с таким механическим делением процессов действительности невозможно, прежде всего потому, что в действительности не существует отдельно диалектики движения и отдельно диалектики развития, а существует одна диалектика, которая всегда есть *теория развития*¹. Не повторяя других авторов по существу спора, попытаемся ответить на другой вопрос: чем вызвано деление изменений в действительности на два рода? Чем объяснить «твердое убеждение», решительно проводящее различие между движением и развитием?

Это объясняется рядом обстоятельств. Во-первых, историей возникновения и становления представлений о движении и развитии. Как показано выше, домарксистский материализм все изменения, все формы движения сводил к механическому перемещению, но поскольку последнее не есть развитие, то стремление отличить диалектику от механицизма породило иллюзию об отличии развития от движения. Во-вторых, сведением диалектики к «сумме примеров». Если философ только доказывает истинность диалектики, то он при этом вовсе не интересуется самой логикой движения, т. е. движением в собственных определениях логики, диалектики как теории познания. Поэтому, изучая, скажем, механическое движение, он приходит неизбежно к выводу, что оно вовсе не есть развитие, следовательно, движение не есть развитие. В-третьих, твердо укоренившимся мнением о том, что метафизика признавала движение, но отрицала развитие. Следовательно, чтобы не уподобляться метафизике, надо отличать развитие от движения.

Между тем проводимое отличие между движением и развитием касается лишь внешности, внешней формы, способа выражения одного и того же содержания. Аргумент: метафизика признает движение и отрицает развитие — вовсе не аргумент, ибо дело не в этом, а в дру-

¹ Положение о том, что «движение — всегда развитие» последовательно проводит В. А. Босенко в книге «Диалектика как теория развития» (изд-во Киевского ун-та, 1966), точку зрения которого по этому вопросу мы полностью разделяем.

гом: *кто как понимает движение*, развитие. Выше говорилось о двух концепциях развития, повторяться не следует.

Далее, аргумент: механическое движение не есть развитие, следовательно, движение и развитие разные вещи, также не выдерживает научной критики, так как в самой действительности не существует никакого чистого механического движения. Последнее всегда есть перемещение определенного тела, вещи, где есть структура, элементы, стороны, диалектические взаимопревращения которых составляют закон их жизни. Если мы в абстракции вычленим механическое движение из других его форм (что является, безусловно, единственно возможным путем его познания), то это не значит, что оно и в действительности существует в таком чистом виде. Однако рассудок так и поступает, что и порождает указанное недоразумение. Вместе с тем, механическое движение всегда наличествует во всех высших формах движения, хотя и как побочная форма. Но безусловно то, что без него невозможны никакие диалектические изменения, никакое движение, развитие.

Классификация наук, разработанная впервые Ф. Энгельсом, указывает на то, что те или иные формы движения изучаются соответствующими частными науками. Следовательно, философия не должна подменять эти частные науки, а должна, опираясь на их достижения, исследовать *движение в логическом плане, в плане теории познания*. Это значит, что она движение не должна сводить к той или иной отдельной его форме, а должна исследовать как изменение вообще, как диалектическое количественно-качественное и т. д. превращение, как процесс, как *всеобщее* свойство материи. А это и есть развитие.

Может возникнуть вопрос: если оба термина — движение и развитие — выражают одно и то же содержание, то разве недостаточно одного из них? Нет, недостаточно. Синонимы упразднять не следует. Иначе придем к обеднению языка, а следовательно, и познания. Они очень необходимы для более глубокого и всестороннего выражения понятия всеобщего свойства материи — *изменения, движения, развития*.

Более того, движение, развитие конкретизируется, обогащается такими понятиями, как *поступательность*,

прогресс, регресс, восхождение. Поступательность есть противоречие, есть возникновение нового и отмирание старого. Она является необходимой тенденцией, господствующей в движении вообще, выражением необходимости в развитии, способом существования развития. Внутренним содержанием развития как поступательности служит диалектическое отрицание. Прежде всего, отрицание вещи есть не что иное, как ее противоречивость, ее самоотрицание, которое обуславливает восхождение, неизбежность принципиальной направленности процесса, т. е. поступательности.

Поступательность есть единство прогресса и регресса. При рассмотрении *конечной системы* в ее изолированности можно установить, что одно явление есть прогресс, а другое — регресс. И это находится в полном соответствии с определениями рассудка. Однако, вне пределов конечного, при возведении единичного во всеобщее, конечного в бесконечное такое деление вступает в конфликт с разумом, поскольку согласно определениям разума прогресс в одном и том же отношении есть регресс, а регресс есть прогресс; прогресс «является вместе с тем и регрессом, ибо он закрепляет *одностороннее* развитие и исключает возможность развития во многих других направлениях»¹. Прогрессом охватывается и выражается всеобщее во всех формах движения, что совпадает с поступательностью. Само всеобщее и бесконечное в развитии реализуется через конечные относительные формы движения как моменты прогресса.

Движение, развитие конкретизируется также и через обобщение, восхождение. Движение, рассматриваемое как поступательность, разворачивает себя как непрерывно-прерывное возрастание обобщения, вбирающего в себя свой путь через обобщение. Образно говоря, движение, развитие подобно *снежному кому*, который непрерывно катится вперед, через свои конечные формы, через отрицание последних, уносит с собой вперед все приобретенное, обогащается, конкретизируется, становясь все более всесторонним и полнокровным.

Высшим результатом этого прогресса является общественная форма движения. В этой форме движение как бы возвращается к исходному — к механическому, фи-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 20, стр. 621.

зическому и т. д., но на высшей основе, поскольку ее сущность заключается в *целесообразной деятельности по преобразованию природы*, т. е. в производстве тех же вещей и процессов, которые производит природа, но с тем принципиальным отличием, что вещи, произведенные обществом, во-первых, являются продуктом труда — целесообразной деятельности людей; во-вторых, продукты труда заключают в себе общественные отношения, в них содержатся отношения людей друг к другу; в-третьих, общество посредством орудий труда производит продукцию в несравненно более короткие, сжатые сроки, чем природа. Общественная форма движения как особый тип движения своим естественно-историческим развитием неизбежно порождает *коммунизм*, как высший свой результат, который выступает как необходимое развитие действительности в форме *свободы*. Коммунизм есть свобода, есть творчество миллионов, которое будучи освобожденным от пут прежних обществ, развивается всесторонне, полнокровно, интенсивно, целенаправленно.

§ 3. РАССМОТРЕНИЕ ПРЕДМЕТА В ЕГО ДВИЖЕНИИ

Рассмотрение движения не может быть истинным и полным, если не выражать его в определениях Логики. Поскольку предмет есть процесс, возникает, развивается, меняет свои свойства, качества и т. д., проходит в своей эволюции различные уровни, состояния, то его теоретическое выражение должно быть подвижным, процессом углубления мысли в предмете и по предмету, согласно с ним, непрерывно совпадая с ним, «осваиваясь» с ним, овладевая им, т. е. оно должно пройти тот же путь, те же уровни и состояния, что и предмет.

Объективное возникновение, развитие, усложнение, восхождение предмета до полной зрелости является объективной основой движения познания также по восходящей линии, бесконечного процесса раскрытия новых сторон, отношений, бесконечного процесса углубления познания. Поскольку предмет носит исторический, характер, то его познание может быть истинным тогда, когда оно имеет исторический характер. В этой связи во весь рост встает вопрос о *принципе историзма*, как о важнейшем принципе диалектической логики.

Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что никогда прежде *принцип историзма* не имел столь великого, жизненно важного, непосредственного значения для судеб теории и практики, как теперь, в нашу бурную эпоху перехода к коммунизму. Это и понятно. Успешное решение великих задач развития теории и социалистического переустройства общества в высшей степени зависит от конкретно-исторического подхода к ним, от правильного понимания и применения этого принципа¹.

В. И. Ленин, в связи с анализом вопроса о государстве, следующим образом характеризует сущность принципа историзма: «Самое надежное в вопросе общественной науки и необходимое для того, чтобы действительно приобрести навык подходить правильно к этому вопросу и не дать затеряться в массе мелочей или громадном разнообразии борющихся мнений, — самое важное, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной, это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»².

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что марксистский историзм есть *конкретный* историзм. Материалистическая диалектика требует «конкретного анализа *данного* в его обстановке и в его развитии»³. Конкретно-исторический подход к предмету предполагает, что, во-первых, прошлое рассматривается с точки зрения достигнутого результата, т. е. с точки зрения настоящего (точнее, с точки зрения исторически понятого настоящего), а, **во-вторых**, настоящее рассматривается с точки зрения объективных тенденций развития, т. е. с точки зрения будущего, поскольку конкретное настоящее есть результат прошедшего и оно чревато будущим, предпосылки (зачатки, зародыши, элементы) которого содержатся в настоящем.

Марксистский историзм является сущностью обоих способов исследования — исторического и логического. Оба эти способа действительны, жизненны, являются

¹ См. Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, стр. 38—40.

² В. И. Ленин, т. 39, стр. 67.

³ Там же, т. 30, стр. 6.

методами подлинно научного исследования благодаря тому, что содержат в себе принцип историзма, последовательно проводят диалектико-материалистический взгляд на развитие объективного мира и его познания, исследуют предмет с точки зрения закономерного процесса его возникновения и развития, причем предмет рассматривается не как механическая сумма отдельных элементов, а как качественно новое единство многообразного, как органическое целое, как система внутренне взаимодействующих сторон процессов, развивающаяся по своим внутренним законам. Принцип конкретного историзма требует не только рассматривать действительный исторический ход вещей на разных ступенях их развития, но и проследить с самого начала исторический процесс выработки знаний об этих вещах. Эти две стороны марксистского историзма неразрывно связаны и немыслимы друг без друга. Ограничиваясь общими формулами или выводя науку «прямо из фактов», нельзя сделать ни шагу в деле уяснения реального процесса развития предмета.

Принцип историзма первоначально получил распространение в домарксистской философии (Вико, Гердер, Дидро, Фихте, Гегель, Сен-Симон и др.). Однако домарксистские концепции историзма были ограничены. Их ограниченность характеризовалась в общем двумя чертами: метафизичностью и идеализмом. В силу этого ни один из прошлых философов не мог подняться до уровня подлинного историзма, до уровня научного понимания диалектики развития объективной реальности и ее познания.

Современная буржуазная философия в целом не только не преодолела ограниченности принципа историзма домарксистской философии, а напротив, сделала шаг назад от нее. Основное содержание принципа «историзма», проповедуемого представителями неокантианства, неопозитивизма, прагматизма, экзистенциализма и т. д., состоит в отрицании как объективной реальности и ее закономерностей, так и возможности их познания, в подмене принципа действительного историзма релятивизмом и иррационализмом. Она предстает перед ними, как простая сумма внутренне не взаимосвязанных единичных фактов, субъективных «переживаний», исторических «ситуаций», не поддающихся научному познанию. Для них характерно «отчаяние в возможности научно разби-

рать настоящее, отказ от науки, стремление наплевать на всякие обобщения, спрятаться от всяких «законов» исторического развития, загородить *лес* — деревьями»¹.

Эти ленинские слова в полной мере относятся и к современным правым и «левым» ревизионистам в международном коммунистическом движении. Одним из главных гносеологических, логических источников всех разновидностей ревизионизма является релятивистское и метафизическое понимание принципа историзма, подмена марксистского историзма «историзмом» абстрактным, метафизическим, софистской и эклектикой.

Разумеется само собой, что в современных условиях мало кто «рискнет» открыто выступать против принципа историзма. Но в том-то и дело, что принцип историзма отвергается под видом историзма и, в частности, в вопросе о том, «как известное явление в истории возникло» проводится антиисторизм. Суть последнего состоит в неумении или нежелании рассматривать аспекты категории возникновения в чистом виде и еще более — в неумении правильно применять их в соответствующей необходимой связи в теории и практике.

Движение, как сказали, характеризуется поступательностью. Оно есть восхождение, усложнение и реализация того, что заключено в его исходном состоянии в виде возможности. Источником реализации последней являются внутренние противоречия самого предмета.

Прежде чем стать развитым целым, развитой системой, достигнувшей своей полной зрелости, предмет должен возникать. Поэтому для его познания нужно прежде всего исходить из категории *возникновения*. Сложным процессом является не только объективное возникновение предмета, но и его *познание*. В частности, категория возникновения имеет ряд аспектов, незнание или сознательное игнорирование которых делает невозможным истинное познание возникновения предмета. По меньшей мере следует фиксировать следующие аспекты этой категории.

1. *Предпосылки*. Каждый предмет возникает из своих определенных предпосылок, созданных предшествующим развитием. Предпосылки предмета не вытекают из его внутренней природы, не созданы им, а существуют до не-

¹ В. И. Ленин, т. 25, стр. 44.

го и независимо от него, т. е. лежат за пределами его истории, являясь его *предысторией*. Его возникновение возможно, когда имеются налицо все его предпосылки, которые вновь возникший предмет переплавляет, подчиняет их себе, удерживает их содержание, строит из них и при помощи их свое «тело», преобразуя их соответственно своей собственной природе. Предпосылки (условия возникновения предмета) многообразны и имеют различное значение. Одни играют решающую роль в возникновении, другие — нет, одни непосредственно употребляются и входят в содержание предмета, другие — опосредствованно и т. д. Но так или иначе все они — непосредственно и опосредствованно — в снятом виде сберегаются своим содержанием в предмете и становятся моментами его бытия, условиями его развития. Так, предпосылками возникновения нового знания являются предметная деятельность людей, совокупность предшествующих знаний, степень зрелости предмета, степень совершенства орудий познания, личные качества познающего субъекта, состояние его мировоззрения и множество других, из которых решающую роль играет предметная деятельность, в то же время непосредственно входит в содержание нового знания совокупность старых знаний в снятом виде.

2. *Начало*. Возникновение предмета вместе с тем есть его начало — *исходная отправная точка развития*, тот пункт, с которого начинается его действительная история. Предмет начинается с того момента, когда он встречается не спорадически, эпизодически, не в виде исключения, а систематически, как правило, когда приобретает определенную прочность, известную устойчивость и достаточную широту распространения; когда однажды возникнув в каком-либо месте, уже не исчезает, не подвергается «голому» отрицанию, а пускает корни и развивается вширь и вглубь, т. е., когда имеется в виду дальнейшая поступательность, в процессе которой данный предмет успевает в определенной мере развернуть свою сущность; когда он возникает как целое, хотя еще и не законченное, не заверщенное, как независимая, органически взаимосвязанная система «снятых» предпосылок, хотя последняя еще не зрелая, не развитая.

3. *Становление*. Поскольку «всякое начало пусто», то возникнув, начавшись, предмет проходит свой путь становления. Сущность процесса становления состоит в

том, что в этот период своей истории предмет одновременно, во-первых, ассимилирует все свои предпосылки, подчиняя их себе, делая их моментами своего движения, и, во-вторых, создает еще недостающие ему стороны, элементы и качества. Характерной особенностью процесса становления является наличие в одно и то же время «кусочков» и старого, отживающего, и нового, нарождающегося, и связанное с ломкой старого обилие различных противоречий, их сочетание и взаимодействие. Становление — это такое состояние явления, когда происходит переход от старого к новому и постепенное и неизбежное вытеснение первого вторым: разрешение старых противоречий, отмирание старых законов и отношений и утверждение новых, что означает рост и укрепление нового. Только в результате процесса становления явление превращается в целостную, законченную, в полной мере сформировавшуюся систему и начинает развиваться на своей собственной основе.

В этом смысле становление совпадает со *скачком* и характеризуется теми же, рассмотренными выше, чертами, что и скачок. Становление есть *переход*, сложный и конкретный процесс, состоящий из двух моментов — *возникновения и уничтожения*.

Следовательно, категория возникновения выражает собою *предысторию* предмета, процесс создания его предпосылок; *начало* предмета, исходный пункт его действительной истории, как результат *предыстории*, всего предшествующего развития; *становление* предмета, процесс превращения его в развитую, в полной мере сформировавшуюся целостную систему.

Рассмотрение каждого из этих аспектов возникновения в чистом виде, как особого самостоятельного момента, имеет чрезвычайно важное значение в познании.

Абстрактное же отождествление разных аспектов категории возникновения порождает в итоге следующие крайности в познании этой категории: *одна из них отвергает предпосылки возникновения; другая — смешивает предпосылки и начало; третья — закономерности становления, механически распространяет на процесс развития всего предмета в целом*. Так, применительно к возникновению коммунистической формации первая из них игнорирует роль предпосылок ее возникновения. Наиболее откровенная форма проявления этой крайности показана

на на примере стремления нынешних левых ревизионистов перескочить необходимые фазы развития, совершить скачки без необходимых предпосылок. Но есть и другая форма проявления того же содержания, выраженная в следующем утверждении: если капитализм возник в недрах предыдущего строя — феодализма, то социализм не возникает и не может возникать в недрах предыдущего строя — капитализма. Отсюда делается такой вывод: если буржуазная революция заканчивается захватом политической власти, то социалистическая революция начинается с захвата политической власти.

Здесь мы имеем дело с явным игнорированием той научной истины, что социализм *«происходит из капитализма, исторически развивается из капитализма, является результатом действий такой общественной силы, которая рождена капитализмом»*¹. Это ленинское понимание возникновения социализма с предельной ясностью указывает на то, что социализм возникает именно в недрах предыдущего строя — капитализма в виде *своих предпосылок*, т. е. в смысле первого аспекта категории возникновения и исключает почву для всякого сомнения в истинности этого положения. Никакой социализм, как и любое явление не может возникать без своих предпосылок. Причем одни предпосылки (обобществление труда, определенный уровень производительных сил, наличие развитого, политически активного рабочего класса, наука, и т. д.) социализм преобразует, переплавляет и подчиняет себе. В переплавленном виде они являются его моментами, сторонами, условиями его развития. Другие предпосылки лишь содействуют возникновению социализма, но не входят в его содержание, не образуют материал его субстанции (экономические и политические кризисы, слабость буржуазии и т. д.).

Что же касается суждения о том, что буржуазная революция заканчивается захватом политической власти, а социалистическая начинается с захвата власти, — и в этом видеть отличие этих революций, — то по этому поводу нужно напомнить следующее: буржуазная социальная революция рождается конфликтом в способе производства и призвана ликвидировать отжившие феодальные отношения. Но такая революция не может за-

¹ В. И. Ленин, т. 33, стр. 85.

канчиваться захватом власти, ибо она при этом была бы излишня, беспредметна. Ни одна социальная революция, — ни исторически, ни логически, — не может закончиться захватом политической власти. Исторически потому, что в самой истории, попросту говоря, не было такой социальной революции; логически — потому, что любая социальная революция призвана свергнуть прежнее господство во всех сферах жизни. Для этого новый класс захватывает политическую власть, и, опираясь на нее, ликвидирует отжившие производственные и другие общественные отношения, облегчает утверждение новых, осуществляет соответствующие преобразования во всех других сферах общественной жизни, т. е. создает общество «по своему образу и подобию». А это уже временной, к тому же сложный процесс. Разумеется, речь должна идти о *степени зрелости предпосылок той или другой революции*, о ее объективных и субъективных факторах и т. д. Но так или иначе, любая социальная революция начинается с «захвата власти».

Социалистическая революция отличается от всех прежних революций прежде всего своей сущностью и своими задачами. Это — революция пролетариата и других эксплуатируемых против эксплуататоров и эксплуатации человека человеком. Ни одна социальная революция в прошлом не имела такой сущности. Ее задачи — коренные социалистические преобразования, строительство социализма во всех сферах общественной жизни. Поэтому она самая глубокая, всесторонняя, упорная, последовательная и решительная война против старых реакционных сил и традиций. Это, как писал В. И. Ленин, «не один акт, не одна битва по одному фронту, а целая эпоха обостренных классовых конфликтов, длинный ряд битв по всем фронтам, т. е. по всем вопросам экономики и политики...»¹. Разумеется, глубина, размах, интенсивность, продолжительность и т. д. социалистических преобразований в разных странах будут различны в зависимости от совокупности предпосылок революции, внутренних и внешних условий, в которых она осуществляется. Но одно безусловно. Пролетариат эту свою миссию может выполнить, опираясь лишь на

¹ В. И. Ленин, т. 27, стр. 253.

свою диктатуру. Она и составляет главное, решающее условие этих преобразований.

Недооценка или игнорирование предпосылок возникновения коммунистической формации составляет сущность *«левого» ревизионизма* и авантюризма в политике. Правда, эта крайность обычно выступает под видом борьбы против правого ревизионизма, а также под видом ускорения «мировой революции» и скорейшей ликвидации капитализма, т. е. выступает «архиреволуционно», но так или иначе проявляет себя непосредственно в революционной фразе — в «подталкивании» мировой пролетарской революции и в «революционной войне», рассматриваемой как единственное средство ускорения «мировой революции».

Недооценка исторически необходимых предпосылок возникновения социализма дополняется, сверх того, *смещением* предпосылок возникновения социализма в разных странах в разное время, в разных условиях. Точнее, *смешиваются* предпосылки возникновения социализма *впервые в нашей стране* с предпосылками возникновения социализма в других странах *при наличии уже победившего социализма в нашей стране*. Исторически обстоятельства сложились так, что одним из условий, способствовавших победе Октябрьской революции, было ослабление позиций российского и иностранного империализма, вызванное первой мировой войной. И вот у догматически мыслящего ревизиониста создается впечатление, что война — высшее благо, что для победы революции нужна мировая война.

Но, во-первых, в наше время объединенными усилиями мирового социалистического лагеря, международного рабочего класса, национально-освободительного движения всех стран, выступающих против войны, и всех миролюбивых сил мировую войну можно предотвратить. Следовательно, в новых условиях абстрактный вывод о неизбежности мировой войны в логическом отношении является ложным, софизмом, поскольку он делается не из анализа самой жизни, а извращает принцип историзма; во-вторых, марксисты никогда войну между государствами, тем более мировую войну, не рассматривали как условие возникновения социализма. Они всегда выступали против агрессивной политики империализма развязывания войн; в-третьих, если социа-

лизм победил впервые в нашей стране в обстановке мировой войны, то это вовсе не означает, что и другие страны должны прийти к социализму также в обстановке мировой войны. Совершенно очевидно, что ныне для перехода к социализму имеются такие предпосылки, которых не было и объективно не могло быть при первоначальном возникновении социализма. Важнейшей предпосылкой возникновения социализма сейчас является *социалистический лагерь*, который способствует возникновению социализма в других странах, разумеется, не тем, что экспортирует его туда, а тем, что демонстрирует всему миру свои преимущества и оказывает странам, ставшим на путь перехода к социализму, огромную моральную, политическую, материальную помощь.

Игнорирование предпосылок возникновения социализма и абстрактное отождествление условий первоначального возникновения социализма, когда его нигде *еще не было*, с условиями его возникновения в какой-либо данной стране, когда в других странах он уже *существует*, вместо анализа самого предмета — такова сущность этой крайности.

Другая крайность, как сказали, состоит в *отождествлении предпосылок предмета с его началом*. Такое понимание категории возникновения было и остается одним из источников и аргументов буржуазной апологетики. Марксу и марксистам не раз приходилось обнажать хитросплетения идеологов капитализма, которые под видом всесторонности рассмотрения проводили апологику буржуазного строя.

Буржуазные экономисты путем «всестороннего» анализа явлений, отождествляли предпосылки капитала с началом капитала и изображали дело таким образом, будто капитал как по своему генезису, так и по своей сущности, является чем угодно, только не продуктом неоплаченного труда, отчужденного от средств производства, наемного рабочего. Маркс, разоблачив этот кунштюк буржуазных экономистов, показал, что предпосылки капитала сами по себе не являются капиталом. Они превращаются в капитал лишь в определенных условиях и с того момента, когда рабочий начинает создавать прибавочную стоимость, присваиваемую капиталистом. Что же касается предпосылок и процессов, предшествовавших ему и породивших его, то они не относятся

ся непосредственно к истории капитала. Их смешение с историей капитала исключает возможность познания, поскольку «уничтожает» качественные определенности и различия, стирает всякие грани, превращает определенную систему в бессистемное, хаотическое состояние. А поскольку в такой «мутной воде легче ловить рыбу», то буржуазной апологетике не стоит особого труда сделать вывод о том, что капитал как общественное отношение является вечным, раз навсегда данным состоянием человеческого общества. Тем самым буржуазные экономисты «смазывают все исторические различия и во всех общественных формах видят формы буржуазные»¹.

К этому же в сущности приходят и правые ревизионисты, которые путем отождествления предпосылок социализма с его началом отвергают необходимость социалистической революции как начала социализма. Общеизвестно, что те или иные моменты, элементы, «кусочки» социализма возникают в недрах предшествующих ему формаций. Вся фикция состоит в том, что эти элементы выдаются за действительное начало социализма. История и законы *предпосылок* социализма смешиваются с историей и законами самого социализма. Смешение предыстории предмета с историей самого предмета — части с целым, элемента с системой — вот содержание этой крайности.

Наиболее явной формой искажения диалектики целого и части в вопросе о возникновении коммунистической формации являются теории «народного капитализма», «трансформации», «индустриального общества», «конвергенции» и т. п., в которых современные правые ревизионисты проповедуют идеи перехода от капитализма к социализму без социалистической революции и диктатуры пролетариата на основе постепенных преобразований капиталистического строя в его собственных рамках.

Вместе с тем эти софистические утверждения основаны на игнорировании — под видом внешнего подобия — специфики, качественного своеобразия и значения части, элемента в различных условиях и в различных связях. А ведь один и тот же элемент в разных системах имеет разное значение. Так когда ряд «элементарных» частиц

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 12, стр. 732.

объединяется в некоторое целое — ядро, атом, молекулу, то это целое приобретает такие свойства, которых не было у его компонентов, у составляющих его частей. Например, свойства «элементарных» частиц, выражающиеся в понятиях «изотопический спин», «четность», «странность», «ядерный заряд», «нейтринный заряд», «спиральность», несводимы ни к каким ранее известным свойствам материи. Свойства «элементарных» частиц, составляющих атом, отличаются от свойств атома: свойства атомов, составляющих молекулу, отличаются от свойств молекулы; свойства молекул, составляющих макротело, — от свойств последнего и т. д.

Одно и то же явление — национализация средств производства имеет совершенно противоположное содержание в разных системах. Так, еще в недрах капитализма возможна национализация тех или иных средств производства, банков и т. п. Но в какой бы форме и в каких бы масштабах ни проводилась национализация средств производства в рамках капитализма, она проводится в интересах капитализма. Если эта мера ничем не грозит капитализму, а закрепляет его, он идет на нее. Если же, наоборот, угрожает его основам, он не рискует проводить ее. Как показал Маркс, буржуазия заинтересована в национализации земли, ибо это экономически выгодно ей. Но идет ли она на это — зависит от обстоятельств. Как правило, на практике она не отваживается на такой шаг. Ей не хватает смелости на это, так как нападение на одну форму частной собственности — форму собственности на условия труда — было бы очень опасно и для другой формы. Кроме того, буржуа сам обзавелся землей. Но когда буржуазии выгодна национализация тех или иных предприятий или отраслей, то у нее появляется достаточно «смелости».

На стадии империализма широкое развитие получает государственно-монополистический капитализм. В интересах финансовой олигархии буржуазное государство осуществляет огосударствление отдельных предприятий или целых отраслей экономики. В понимании ревизиониста это и есть социализм. Но, во-первых, такая «национализация» означает передачу средств производства из рук отдельных капиталистов в руки государства, являющегося комитетом по управлению делами монополистической буржуазии, т. е. передачу в руки *класса буржуа*,

а не в руки народа; во-вторых, она охватывает не все средства производства, не все отрасли, а лишь незначительную часть, к тому же ту часть, которая пришла в упадок и не обеспечивает высокой прибыли капиталистам; в-третьих, она проводится путем выкупа — уплаты капиталистам стоимости национализируемых предприятий, да и, сверх того, высоких процентов в течение длительного периода; наконец, в-четвертых, она, что самое главное, не затрагивает основ капитализма. От этого капиталистические производственные отношения не исчезают, а сохраняют свою сущность. Государственно-монополистический капитализм есть поэтому не разрешение противоречий капитализма, а их обострение.

Совершенно другое дело — национализация средств производства в условиях диктатуры пролетариата, когда она является действительной ликвидацией частной собственности на эти средства, возникновением и утверждением новых социалистических производственных отношений. Абстрактный подход современных ревизионистов к вопросу о возникновении коммунистической формации не дает никакого определенного, конкретного понимания возникновения социализма как системы, как целого, так как социализм растворяется во множестве своих предпосылок и вопрос о его начале остается открытым

В результате такого подхода история социализма подменяется историей его предпосылок, законы развития предпосылок отождествляются с законами развития самого социализма и, следовательно, игнорируется своеобразие качественной определенности социализма, его границы и его существенное отличие от капитализма, отрицается необходимость социалистической революции как решающего условия перехода к социализму.

Что касается третьей крайности, то, как сказали, ее суть состоит в отождествлении *становления с историей всего предмета*. Именно эта ошибка лежит в основе многих «теоретических» построений современных догматиков, которые закономерности становления социализма распространяют на весь социализм в целом. Так, например, они утверждают, что «во всех без исключения» социалистических странах существуют классы и классовая борьба, а потому «вплоть до вступления в высшую фазу

коммунистического общества» неизбежно постоянное существование диктатуры пролетариата.

Несомненно, что в развитом социалистическом обществе еще существуют классы — рабочие и крестьяне. Но это неантагонистические, дружественные классы, базирующиеся на социалистических формах хозяйства, и между ними, естественно, не может быть классовой борьбы. Поэтому нет надобности сохранять диктатуру пролетариата вплоть до вступления в высшую фазу социалистического общества. Однако, если в развитом социалистическом обществе, каким оно является в СССР и некоторых других социалистических странах, уже нет эксплуататорских классов, то о какой же классовой борьбе может идти речь?

Оказывается, с точки зрения этих «развивателей» марксизма, классовая борьба, которая происходит «во всех без исключения социалистических странах», есть борьба между классом рабочих и крестьян, с одной стороны, и классом (!) жуликов, хулиганов, тунеядцев, спекулянтов, с другой стороны.

Но ведь основоположники марксизма нигде и никогда не относили к классу этих подонков общества. Наоборот, они подчеркивали, что это не класс, а деклассированные элементы, поскольку «классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства»¹. В настоящее же время в социалистических странах осуществлено то главное, что необходимо для ликвидации классов, ибо ни один класс, ни один слой общества не занимает здесь такого положения, при котором он мог бы эксплуатировать другие классы.

Всякий человек, мало-мальски знакомый с основами марксистско-ленинской теории классов, понимает, что считать паразитические элементы особым классом — значит начисто отбрасывать объективные критерии классового деления, ибо эти элементы — не класс, а проявления пережитков капитализма. Как видим, не дано понять современным догматикам элементарные марксистские истины, и потому приходят они к нелепым выводам, которые никак не согласуются с фактами реальной жизни

¹ В. И. Ленин, т. 39, стр. 15.

и мешают строительству социализма и революционной борьбе.

Итак, научная несостоятельность смешения различных аспектов категории возникновения очевидна. *Не менее важно четкое разграничение различных уровней развития уже ставшего предмета, рассмотрение их в чистом виде. Каждая высшая ступень развития является высшей по сравнению с ее непосредственно предыдущей, поскольку она вобрала в себя, удержала содержание в снятом виде этой предыдущей, и если она была бы возможна без этого, то она вовсе не была бы ни высшей, ни конкретной.* Вместе с тем не менее антинаучно механическое распространение знания об одном уровне предмета на другой — безразлично, каков этот уровень — высший или низший. Так как предмет возникает, развивается и превращается в свое другое, то рассмотрение его в движении должно охватить все эти фазы, этапы, уровни и т. д. Однако основные логические основания и принципы рассмотрения всех уровней, этапов предмета те же самые, что и рассмотренные выше логические основания и принципы анализа аспектов категории возникновения. Это обстоятельство освобождает нас от самостоятельного анализа различных уровней развития ставшего предмета.

В этой связи отметим лишь следующее. Если характерной особенностью анализа научного познания логическими позитивистами был ярко выраженный антиисторизм, то в современной «философии науки» имеются направления, пытающиеся проводить исторический подход. В отличие от представителей логического позитивизма, которые ограничивают анализ познания рассмотрением статистики знания, разработкой идеализированных схем языка науки, фиксирующих готовое знание, «искусственно замороженное состояние науки», некоторые сторонники «философии науки» (Т. Кун, И. Лакатос) стремятся исследовать процесс изменения и развития знания путем изучения истории науки и выявления определенных закономерностей в движении научного познания. Так, И. Лакатос развитие научного знания изображает как процесс выдвижения, обоснования и конкретизации гипотез, приводящий в конечном счете к построению серии теорий, каждая из которых возникает из предыдущей, благодаря некоторым добавлениям и модификациям,

устраняющим некоторые аномалии, с которыми сталкивались прежние теории. Эти и им подобные взгляды являются, безусловно, диалектическими тенденциями, которые пробивают себе дорогу в анализе научного познания и в современной буржуазной философии.

Не допуская никакой недооценки анализа представлений о движении, о различных этапах движения предмета, тем не менее должны подчеркнуть, что главное, сложное, а следовательно, недоступный «твердый орешек» для метафизики еще впереди. Как сказали, вопрос не о признании движения, а о другом: что является источником всех изменений, процессов, — вопрос о *противоречии*, к анализу которого и переходим.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЕДИНСТВО ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ¹

Итак, движение есть противоречие. Одно это утверждение — лишь внешнее знакомство с предметом, но не его понимание. Необходимость понять и выразить про-

¹ Название «ядра» диалектики «Единство и борьба противоположностей», на наш взгляд, неудачно по следующим соображениям. Во-первых, союз «и» в этом предложении создает впечатление, что «единство» есть абстрактное тождество, т. е. такое, которое не содержит в себе «борьбы», а «борьба противоположностей» не включает в себе «единства». Видимо, не случайно, что классики марксизма не пользовались таким названием. У Энгельса этот закон называется законом «взаимопроникновения противоположностей». (См. К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 20, стр. 384), а В. И. Ленин говорит о «единстве противоположностей», «тождестве противоположностей». «Вкратце диалектику можно определить, как учение о единстве противоположностей. Этим будет схвачено ядро диалектики» (В. И. Ленин, т. 29, стр. 203). В разных связях основоположники марксизма для выражения этого закона пользуются и такими терминами: «противоречие», «противоположность», «раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности», «взаимодействие противоположностей» и т. д. Во-вторых, название «Единство и борьба противоположностей» в силу сказанного не нацеливает познающее мышление на проникновение в сущность, в противоречия в самой сущности вещей, а оставляет возможность для сведения внутренней противоречивости вещей к внешним противоречиям и даже для фактического отрицания внутренних противоречий. Хотя эти соображения имеют внешнее значение, тем не менее и последнее нуждается в правильном осмыслении «ядра» диалектики, которое можно назвать «тождеством противоположностей» или «единством противоположностей». Мы остановились на последнем.

тиворечие в определениях разума вытекала из потребностей развития общественно-исторической практики. Прогресс предметной деятельности людей и ее самоотчуждение, рост производительности труда и саморазорванность общества, его раскол на социальные классы, усиление общественного разделения труда, в частности, разделение между умственным и физическим трудом и обострение классовой борьбы, с одной стороны, отсутствие понятия противоречия — с другой, — все это неопределимо, все настойчивее ставило вопрос о сущности, источнике всех этих коренных изменений, о сущности движения. Вот почему вся история домарксистской философии есть история возникновения и развития представлений о противоречии, есть история *поиска* ответа на этот вопрос, история осмысления движения и закономерного процесса проникновения познающего мышления в сущность проблемы на различных уровнях, выражавших собою совпадение исторического и логического.

Первоначальные представления о противоречии, — будь это в дофилософском мифологическом мировоззрении или в ранних философских воззрениях на проблему, — носили характер догадок, порою гениальных, на уровне обыденного наивного рассудка. «Народная мудрость» до всякого теоретического мышления давно знала, что в мире все возникает и исчезает, вещи, достигнув определенного уровня, переходят в другие вещи, каждой вещи присущи противоположности, «крайности сходятся» и т. д., а древние философы пытались дать ответ на вопрос о сущности движения и его отражения в мышлении.

Ответ, как известно, был дан двоякий. *Гераклит* считал, что движение есть противоречие, что источником всех «переходов», всех изменений является «*борьба противоположностей*». Поскольку каждая противоположность переходит в другую противоположность («смертью друг друга живут, жизнью друг друга умирают»), то борьба противоположностей есть «всеобщий Логос», всеобщий закон развития. Однако эти представления выражали противоречие в наивной, стихийной форме чувственного созерцания. Это обстоятельство и породило попытку выразить его более строго средствами рассудка у злейцев, Сократа, Платона и др. В частности, апории *Зенона* есть доказательство стремления Зенона

отобразить движение рассудочным мышлением — средствами «здравого смысла», что и приводило к абсурду, поскольку последний проявлял свое абсолютное бессилие выразить противоречие собственными средствами.

В противоположность Гераклиту, *Аристотель* дает свое решение проблемы, исходя из сформулированных им же основных принципов формальной логики, в частности из «самого достоверного из всех начал» — принципа *недопустимости* противоречия. По его мнению, никто не может признавать, что одно и то же и существует и не существует, как это утверждает Гераклит.

Таким образом два подхода к проблеме противоречия и двойное его понимание, как видим, существуют чуть ли не с самого начала истории философии и которые, как увидим позже, и до сих пор «воюют» между собой. Дальнейшая эволюция представлений о противоречии есть не что иное, как дальнейшая эволюция этих двух подходов к проблеме.

Ряд интересных мыслей, выразивших гераклитовскую концепцию развития, высказали мыслители эпохи Возрождения — Н. Кузанский, Б. Телезио, Д. Бруно, а также Беме, Декарт, Спиноза, Лейбниц, Руссо, Дидро и др. Но, поскольку в XVII—XVIII вв. в естествознании и философии закономерно утверждается метафизический способ мышления, то господствующей становится аристотелевская концепция.

Однако последняя с дальнейшим развитием частных наук и философии все более и более подвергается испытанию, проявляя свою узость, ограниченность, в то же время идея диалектики все настойчивее проникает в науку и философию, размывая тот фундамент, на котором зиждился метафизический метод. В этом отношении примечательна *Декартова переменная величина*, явившаяся поворотным пунктом в математике, благодаря чему в математику вошла диалектика. В дальнейшем с каждым новым успехом в развитии познания все рельефнее выказывают свою недостаточность принципы формальной логики.

Это обстоятельство собственно и породило стремление, в частности, у *Канта*, к преодолению исторической ограниченности формальной логики. Важным шагом вперед является признание Кантом не только противоположностей, но и их синтеза, их единства. Так, Кант считал,

что ни чувственное созерцание, ни рассудок изолированно друг от друга не дают истинного знания. Только их синтез, единство порождает новое знание. Высшим условием этого единства является единство трансцендентальной апперцепции, которая, по Канту, априорна. В его понимании, с одной стороны, чувственный опыт нам не дает и не может давать истинного знания о «вещах в себе», а с другой — разум не может выйти за пределы чувственного опыта, чтобы познать «вещи в себе», и как только он пытается выйти за эти рамки, тотчас же впадает в антиномии (противоречия) — утверждает (тезис) и одновременно отрицает (антитезис) свои положения. По Канту, существуют следующие 4 антиномии:

I. *Тезис*: мир имеет начало во времени и ограничен также в пространстве.

Антитезис: мир не имеет начала во времени и границ в пространстве; он бесконечен и во времени, и в пространстве.

II. *Тезис*: всякая сложная субстанция в мире состоит из простых частей, и вообще существует только простое или то, что сложено из простого.

Антитезис: ни одна сложная вещь в мире не состоит из простых частей, и вообще в мире нет ничего простого.

III. *Тезис*: причинность по законам природы есть не единственная причинность, из которой можно вывести все явления в мире. Для объяснения явлений необходимо еще допустить свободную причинность.

Антитезис: нет никакой свободы, все совершается в мире только по законам природы.

IV. *Тезис*: миру принадлежит или как часть его, или как его причина безусловно необходимая сущность.

Антитезис: нигде нет никакой абсолютно необходимой сущности — ни в мире, ни вне мира — как его причины.

При рассмотрении каждой из этих антиномий Кант находит достаточное доказательство для обоснования как тезиса, так и антитезиса.

Таким образом, Кант своими антиномиями чистого разума, построенными по формуле: «И да и нет», разрушает, подрывает «незыблемый» принцип недопустимости противоречия: «да-да, нет-нет». Однако, верно обнаружив диалектический, антиномичный характер познания вообще и всякого понятия в частности. Кант тем не ме-

нее допускает непоследовательность, отступает от им же самим завоеванных позиций диалектики, поскольку он объявляет эти противоречия мнимыми, кажущимися. Ни в объективном мире, ни в чувственности и ни в рассудке, по мнению Канта, нет никаких противоречий. Последние получаются оттого, что разум пытается познать вещь в себе, которая не познаваема. Априоризм, агностицизм, субъективизм, отрыв теории от практики не позволили Канту создать науку о противоречии, тем не менее его учение об антиномиях чистого разума имело прогрессивное значение для дальнейшего исследования проблемы.

Продолжая традицию Канта, проблему противоречия разрабатывает дальше *Фихте*. Хотя он это делает в рамках субъективного идеализма, тем не менее, в его понимании, источником активной деятельности абсолютизированного субъективного начала — «Я» является его внутренняя противоречивость, поскольку абсолютный «Я» в себе раздваивается на не абсолютный «Я», т. е. ограниченный человеческий субъект и на «не Я» — природу, которые полагают, противопоставляют друг друга и синтезируются в высшем единстве. Некоторые моменты в разработку проблемы противоречия вносит и *Шеллинг*.

Однако впервые сознательно всестороннюю систематическую разработку проблемы противоречия в целом как центрального пункта всей диалектики дал на идеалистической основе *Гегель*. «Гегелевская диалектика, — писал К. Маркс, — является основной формой всякой диалектики, но лишь *после* освобождения ее от ее мистической формы. а это-то, как раз и отличает от нее мой метод»¹. Классики марксизма, материалистически, творчески, критически переосмыслив диалектику Гегеля, создали подлинно научную диалектико-материалистическую теорию противоречия, указав прежде всего на то, что противоречия *объективны* и их существование не зависит от воли и желания людей.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 32, стр. 448.

Под *единством* мы понимаем любое материальное или идеальное образование, целостную систему внутренне взаимосвязанных и взаимодействующих сторон, процессов, образующих явление, вещь, предмет, в конечном итоге — всю действительность. Единство всегда есть целое, конкретное, состоящее из своих сторон, элементов, частей. Единство как система, как целостность богаче не только каждой из своих сторон, но и их «суммы», поскольку оно есть нечто высшее, конкретное, есть «единство многообразного» (Маркс), «определенное множество» (Гегель).

Определенному единству внутренне присущ и определенный тип взаимодействия сторон, элементов, частей, причем каждая из частей единства испытывает определенное влияние со стороны других его частей и поэтому отличается от аналогичной ей, не входящей в состав данного целого. Господствующий в единстве тип связей и взаимодействия видоизменяет составные части, элементы единства, определяет характер, тип их объективного бытия, назначения, функционирования таким образом, что *нечто в единстве является самим собою, а не иным, благодаря этому типу взаимодействия его элементов, сторон.*

Вместе с тем, каждое единство существует, является самим собою благодаря наличию взаимосвязей между его элементами, частями. Без взаимосвязей между последними нет единства как целого. Причем каков характер, тип этих взаимосвязей, таково и единство как целое, таковы его свойства, функции и сущность. Именно каждый данный тип, характер взаимосвязей сторон, элементов, частей выражает относительную устойчивость данного единства. Ликвидация данного типа, характера взаимосвязи, смена его другим типом есть коренное изменение единства, есть превращение его в иное.

Вследствие того, что каждое явление есть единство внутренне взаимосвязанных сторон, моментов, отношений и т. д., с самого первого мгновения своего появления на свет оно неизбежно, хотя бы в скрытом, неразвернутом виде содержит в себе какие-то противоречия, ибо, как указывает Маркс, «уже внутренняя необходимость взаимосвязанного целого и его существование в виде самостоятельных, безразличных друг к другу моментов

представляют собой основу противоречий»¹. Это свое положение Маркс блестяще доказал в «Капитале», вскрыв в товаре, этой «ячейке», «клеточке» буржуазного общества, выступающие позже неизбежно наружу *«все противоречия (respective зародыши всех противоречий) современного общества»*².

Как бы много ни было сторон в единстве, оно раздваивается на *противоположности*³. Источником этого раздвоения единства в познании является раздвоение единства на противоположности в самом объективном мире, в самих материальных условиях жизни, а не в мышлении только, как считал Гегель. Не допуская выхода мышления к практике, он, таким образом, обрекал его на бесплодное вращение внутри себя, в заколдованном кругу логических категорий.

Как уже говорили, в живом созерцании единство выступает в слитности, в нерасчлененном виде, как чувственно-конкретное. На этом этапе мы рассматриваем его с внешней стороны, как качество, данное в живом созерцании. Такое «знание» о единстве представляет собой самое абстрактное, тощее, бедное содержанием внешнее знакомство, которое не есть, говоря строго, знание единства, и лишь «пустое» начало его познания, тенденция, стремление к его узнаванию. Поэтому познание не задерживается на этом единстве, выходит за рамки «чувственного опыта», направляется к абстрактному мышлению, к более *активной деятельности, задача* которой состоит прежде всего в разделении единства на противоположности и их рассмотрение в чистом виде. «Раз-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 46, ч. 1, стр. 392.

² В. И. Ленин, т. 29, стр. 318.

³ Под противоположностью мы подразумеваем такие стороны единства, которые одновременно взаимопроникают, тождественны и взаимоисключают, различны. Или как Гегель пишет: «Противоположность есть единство тождества и разности; его моменты суть в едином тождестве разные; таким образом, они суть *противоположные*» (Гегель, т. V, стр. 499). По Марксу, противоположные стороны — это «соотносительные, взаимно друг друга обуславливающие, нераздельные моменты, но в то же время друг друга исключющие или противоположные крайности» (К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 23, стр. 57). В другом месте Маркс отмечает, что противоположности — это такие стороны предмета, между которыми существует «нераздельная взаимная связь» и в то же самое время «постоянное взаимное исключение» (например, потребительная стоимость и стоимость в товаре).

двоение единого и познание противоречивых частей его... есть *суть* (одна из «сущностей», одна из основных, если не основная, особенностей или черт) диалектики»¹.

В этой связи мы считаем необходимым сделать следующее замечание. Эту цитату В. И. Ленина часто приводят, считая, что здесь В. И. Ленин полностью выразил свое понимание *сути* диалектики. На самом же деле он эту суть понимает полнее — не только как «раздвоение единого» на противоположности, но и как тождество (синтез) этих раздвоенных противоположностей, т. е. *единение раздвоенного*. Так, буквально через несколько строк после приведенной цитаты, В. И. Ленин продолжает: «Тождество противоположностей... есть признание (открытие) противоречивых, *взаимоисключающих*, противоположных тенденций во *всех* явлениях и процессах природы (и духа и общества в *том числе*)»². Познать предмет возможно только как единство, тождество противоположностей и иначе нельзя. Эту мысль В. И. Ленин неоднократно подчеркивает и в других, соответствующих связях.

Следовательно, справедливости ради необходимо приводить если не все, то по крайней мере основные ленинские высказывания, выражающие суть диалектики — *раздвоение единого и единение раздвоенного*, а не одно из них, которое, разумеется, не может полностью воспроизводить ленинское понимание этой сути.

Раздвоение единого выступает как отрицание единого раздвоенным, что означает обогащение определениями, конкретизацию первоначального абстрактного, бедного содержанием внешнего знакомства с единством. Раздвоение единого — единственная возможность, условие проникновения мышления внутрь единства и просвечивания внутренних его связей и процессов. Поскольку познание есть временной процесс, то «просвечивание» противоположностей практически осуществляется последовательно: то одна из них, то другая выступает на первый план, являясь на этом отрезке движения мысли целью или предметом познания. Но «просвечиванием», изучением противоположностей в чистом виде познание единства не завершается. Необходимым образом оно как

¹ В. И. Ленин, т. 29, стр. 316

² В. И. Ленин, т. 29, стр. 316—317.

бы пускается в обратный путь для *синтеза, тождества* уже познанных противоположностей, что означает переход познания на новый, высший этап и воспроизведение единства как диалектически расчлененного, генетически и синтетически развитого единого *целого*. Последнее есть наиболее конкретное и полное знание о единстве, в котором сняты в синтезе все прошлые абстрактные определения.

Закон познания — *раздвоение единого и единение раздвоенного* — всесторонне и глубоко разработан в «Капитале» К. Маркса. Достаточно указать на логическую структуру этого гениального произведения, чтобы убедиться в этом. В «Капитале» единый процесс капиталистического производства прежде всего раздваивается на «*процесс производства*» (I том) и на «*процесс обращения капитала*» (II том). Эти раздвоенные противоположности единого изучаются в чистом виде, особо: сначала исследуется — на основе принципов восхождения от абстрактного к конкретному и совпадения исторического и логического — процесс производства капитала как самостоятельный момент, а затем — процесс обращения капитала, также как самостоятельный момент. После того как эти противоположности познаны и зафиксированы, мышление переходит к их синтезу, к интеграции (или к тождеству) противоположностей. Оно как бы возвращается к целому, единому, но уже на основе знания каждой из противоположностей, синтезируя которые оно воспроизводит целое: «*Процесс капиталистического производства, взятый в целом*» (III том), где в высшем единстве удержаны в снятом виде результаты познания этих противоположностей (I и II томов).

Как пишет сам Маркс об этом, в первой книге были исследованы явления, которые представляют капиталистический *процесс производства*, взятый сам по себе как непосредственный процесс производства, причем оставлялись в стороне все вторичные воздействия чуждых ему обстоятельств. Но этим непосредственным процессом производства еще не исчерпывается жизненный путь капитала. В действительном мире он дополняется *процессом обращения*, который составил предмет исследования второй книги. Капиталистический процесс производства, рассматриваемый в целом, есть единство процесса производства и обращения, который составил пред-

мет исследования третьей книги, где показаны те конкретные формы, которые возникают из *процесса движения капитала, рассматриваемого как целое*¹.

Вместе с тем внутри каждого тома «Капитала», более того, внутри каждого отдела, каждой главы, даже каждого параграфа мы наблюдаем ту же картину: *единое раздваивается на противоположности, каждая из которых исследуется в чистом виде, а затем противоположности синтезируются в высшем единстве*.

Как уже говорилось раньше, логическая структура «Капитала» не какая-либо произвольная конструкция, вызванная какими-то внешними соображениями рас-судка, а величайшее завоевание человеческого разума, *выражение действительной сути диалектики* и потому она имеет значение не частного случая, хотя развертывается на частном — пслитико-экономическом — материале, а всеобщее, *общеметодологическое значение*. Любое *цельное* научное исследование в любой сфере научного познания — будь это в математике, механике, физике, химии, биологии или в общественных науках — должно сознательно руководствоваться логикой «Капитала» К. Маркса.

В противном случае вместо целого — будут «кусочки», вместо системы — «моменты», вместо последовательного восхождения от нерасчлененного единства к его раздвоению на противоположности и к их последовательному самостоятельному изучению и, наконец, от этого к их синтезу, к целому — вместо всего этого будут блуждания в потемках, попятные движения, зигзаги и т. д., которые способны только затруднять научное исследование, отнимать у исследователя много времени, сил, энергии, к тому же на устранение этих блужданий придется последующим исследователям тратить также немало сил, энергии и времени, пока изучение не придет (через эти отступления) к осознанию этой логики и к ее сознательному применению.

Однако даже сознательное, диалектико-материалистическое применение раздвоения единого и единения раздвоенного в научном исследовании — задача не из простых. Сложность заключена в самом объективном бытии всякого единства. Поскольку последнее в своей не-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 25, ч. 1, стр. 29.

обходимости имеет многочисленные «определения содержания», раздваивающиеся на противоположности, то при незнании диалектики или при сознательном ее игнорировании можно приводить доводы в любом числе *за и против*, поэтому особого труда не стоит подобрать определенные «хорошие» или «плохие», «положительные» или «отрицательные» признаки данного единства и доказывать истинность желаемого признака. Но такой прием, игнорирующий сущность единства, открывает дорогу в софистику.

В истории познания такое понимание раздвоения единого отнюдь не редкость. Ввиду чрезвычайной важности и актуальности этой стороны проблемы и сегодня, мы позволим себе несколько задержаться на ней.

Одна из разновидностей софистики исходит из того «основания», что *в единстве видит две стороны: хорошую и дурную*. Задача, по ее мнению, состоит в сохранении «хорошей» и устранении «дурной» стороны. Критика этой разновидности софистики дана классиками марксизма. Так, К. Маркс в «Нищиге философии» вскрыл научную несостоятельность рассуждений Прудона о *сохранении* «хорошей» стороны современного ему буржуазного общества и *устранении* его «дурной» стороны. Прудон берет первую попавшуюся категорию и произвольно приписывает ей свойство устранять недостатки категории, подлежащей очищению. Так, налоги устраняют, если верить г-ну Прудону, недостатки монополии, торговый баланс — недостатки налогов, земельная собственность — недостатки кредита. Прудон в каждой экономической категории догматически различает «хорошую» и «дурную» стороны, но обнаруживает полнейшее бессилие там, где речь идет о выведении при помощи диалектики какой-либо новой категории. Он не понимает, что нельзя сохранить капитализм и устранить его «дурную» сторону, скажем, капиталистическую эксплуатацию, что невозможно коренное изменение данного единства без перехода в новое единство, что невозможно сохранить только «хорошую» сторону, устраняя «дурную», что «тот, кто ставит себе задачу устранения дурной стороны, уже одним этим сразу кладет конец диалектическому движению»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 4, стр. 136.

Эти заблуждения Прудона повторял Михайловский¹, который также делил современное ему русское общество на «хорошую» и «дурную» стороны и предлагал сохранить «хорошую» сторону, устраняя «дурную». Более того, он считал, что надо брать хорошее отовсюду, откуда можно, а свое оно будет или чужое, это уже вопрос не принципа. По-видимому это столь просто, ясно и понятно, что и разговаривать не о чем. Отвечая Михайловскому, В. И. Ленин писал: «И в самом деле, как это просто! Хорошее «брать» отовсюду — и дело в шляпе!.. Субъективный метод в социологии тут весь как на ладони: социология начинает с утопии — принадлежность земли работнику — и указывает условия осуществления желательного: «взять» хорошее оттуда-то да еще оттуда. Философ этот чисто метафизически смотрит на общественные отношения, как на простой механический агрегат тех или других институтов»².

Вторая разновидность софистики берет другую сторону — «дурную» и проявляет себя в таких уродливых формах в жизни людей как недооценка, клевета и т. д. Мы, советские люди, хорошо знакомы с приемами и методами буржуазной пропаганды, суть которых сводилась и сводится к тому, что отдельные недостатки нашей жизни выдаются за сущность всего социалистического строя. Нет надобности подробно задерживаться на этой разновидности ввиду ее самоочевидности.

Третьей разновидностью софистики является эклектическое понимание единства по формуле: «с одной стороны, с другой стороны». Софистика свои ложные вы-

¹ Точка зрения Прудона, Михайловского: «хорошее брать отовсюду», кроме всего прочего вовсе не оригинальна. Она высмеяна даже в художественной литературе. Так рассуждала, например, героиня из «Женитьбы» Гоголя Агафья Тихоновна. Как известно, у этой героини было несколько женихов, у каждого из которых она находила и достоинства и недостатки, что создавало затруднения в выборе жениха. И она рассуждала так (впрочем, как Прудон и Михайловский): «Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазаровича, да, пожалуй, приставить к этому же дородности Ивана Павловича, я бы тогда тотчас бы решилась. А теперь поди подумай! Просто голова даже стала болеть!». Но Агафья все же поняла, что невозможно «хорошее» брать отовсюду и из него «смонтировать» желаемого жениха и, в конце концов, решила: «Я думаю, лучше всего кинуть жребий, положиться во всем на волю божию, кто выкинется, тот и муж».

² В. И. Ленин, т. 1, стр. 191.

воды строит будто на «всестороннем» анализе, будто всесторонне учитывает все связи, но при этом непременно игнорирует *сущность*. Научную несостоятельность этой ее разновидности вскрыл В. И. Ленин в особенности на примере логического анализа тактики Каутского и других лидеров II Интернационала в период первой мировой войны. Как известно, лидеры II Интернационала замазывали империалистический характер этой войны софизмами, в том числе и таким, как рассуждение Каутского о том, что война эта «не чисто империалистическая». Он считал, что в этой войне были и национальные проблемы и империалистические тенденции. В. И. Ленин писал, что чистых явлений ни в природе, ни в обществе нет и быть не может. В какой-то степени, конечно, национальный момент в этой войне имел место (сербско-австрийский конфликт). *Однако этот момент не имел решительно никакого значения для империалистической сущности войны в целом.* Но выпячивание, подчеркивание этого момента означает замазывание действительной *сущности* этой войны, ее империалистического, грабительского характера. Она же не с одной стороны империалистическая, а с другой — нечто другое, *а со всех сторон империалистическая.*

Формой проявления этой разновидности софистики является и такой прием, как игнорирование сущности. путем перечисления некоторых случайно выхваченных признаков предмета, без внутренней связи и условий их проявления. Так, во время профсоюзной дискуссии Бухарин пытался на примере стакана софистически доказывать свою позицию, состоявшую в примирении ленинской формулы «профсоюзы — школа коммунизма» с троцкистской формулой «профсоюзы — административно-технический аппарат управления». «Стакан есть и стеклянный цилиндр, и инструмент для питья», профсоюзы — «и то и другое», «с одной стороны, школа, с другой, — аппарат управления» — рассуждал он. В. И. Ленин на том же примере стакана показал принципиальное отличие диалектики от софистики и эклектики.

Эклектик выхватывает случайные, несущественные различные признаки предмета, ставя их в случайную связь и начинаст рассуждать: «с одной стороны, с другой стороны». Диалектик же, всесторонне изучая предмет в его развитии, *открывает сущность предмета, вы-*

деляет, оттеняет, подчеркивает ее. Стакан есть, бесспорно, и стеклянный цилиндр, и инструмент для питья. Но стакан имеет не только эти два свойства или качества, или стороны, а бесконечное количество других свойств, качеств, сторон, взаимоотношений со всем остальным миром. Если стакан нужен сейчас, как инструмент для питья, то совершенно не важно знать, вполне ли цилиндрическая его форма и действительно ли он сделан из стекла, но зато важно, чтобы в дне не было трещины, чтобы нельзя было поранить себе губы, пользуясь этим стаканом. Если стакан — инструмент для питья, то он не с одной стороны инструмент для питья, а с другой — нечто другое, а *со всех сторон инструмент для питья* — в этом его сущность. Профсоюзы — школа коммунизма не с одной стороны, но с другой — что-то другое, а *со всех сторон школа коммунизма* — на данном этапе развития в этом их сущность¹.

Марксистская диалектика, разумеется, не против рассмотрения единства с одной стороны, с другой, с третьей и т. д. Наоборот, она *требует всестороннего рассмотрения* любого единства, однако таким образом, чтобы после возможного всестороннего учета всех связей, отношений, сторон единства непременно *вычленять его сущность*, а не растворять ее во множестве мелочей, подробностей и т. д. Особенность этой разновидности софистики состоит в том, что она как раз под видом «всесторонности» уничтожает сущность единства. «При подделке марксизма под оппортунизм подделка эклектицизма под диалектику легче всего обманывает массы, дает кажущееся удовлетворение, якобы учитывает все стороны процесса, все тенденции развития, все противоречивые влияния и прочее, а на деле не дает никакого цельного и революционного понимания процесса общественного развития»².

Четвертой разновидностью софистики является *отрицание качественной определенности данного единства на основе «субъективной гибкости понятий»*. Так, если как видели, Каутский софистически преувеличивал роль национального момента в первой мировой войне, то Р. Люксембург ударила в другую крайность, и на основании того, что всякая национальная война может в

¹ См. В. И. Ленин, т. 42, стр. 288.

² В. И. Ленин, т. 33, стр. 21.

определенных условиях превратиться в империалистическую, стала утверждать, что в эпоху империализма вообще невозможны национальные войны, т. е. пришла тоже к софистике, но другим путем. Верно, конечно, что все грани условны и подвижны, что нет *ни одного* явления, которое бы не могло, при известных условиях, превратиться в свою противоположность. Национальная война *может* превратиться в империалистическую и *обратно*. Но «только *софист* мог бы стирать разницу между империалистской и национальной войной на том основании, что одна *может* превратиться в другую. Диалектика не раз служила — и в истории греческой философии — мостиком к софистике. Но мы остаемся диалектиками, борясь с софизмами не посредством отрицания возможности всяких превращений вообще, а посредством конкретного анализа *данного* в его обстановке и в его развитии»¹.

Есть еще одна — *пятая* разновидность софистики и эклектики в понимании раздвоения единого, которая, возможно, недостаточно изучена и охарактеризована в специальной философской литературе, но которая тем более из себя представляет серьезную опасность для судеб международного коммунистического и рабочего движения. Это *догматически-механическое или формальное представление о раздвоении единого*, которое это раздвоение понимает не как диалектический процесс, а как механическое, топорное деление целого на две части. Исходя из такого понимания раздвоения единого, «левые» ревизионисты софистически обосновывают «неизбежность раскола международного рабочего движения». Но это философское освящение раскольнической деятельности сторонников этого механицизма². Между тем

¹ В. И. Ленин, т. 30, стр. 5—6.

² Но такое мышление скорее пребывает в детском наивном состоянии, чем является научно-теоретическим. Здесь надо иметь в виду одно очень важное обстоятельство: детское мышление у детей — явление закономерное. Однако детское мышление у политического деятеля в рабочем движении и тем более, когда это мышление у него принимает уродливые формы — не только ненормальное явление, но в сущности оно трагедия и бедствие того класса, тех социальных групп или людей, интересы которых он представляет, ибо самое разумное, на что способен такой «теоретик» с детским мышлением — это погубить порученное ему дело, подобно тому как самое разумное, что может сделать ребенок с игрушкой, это сломать ее.

диалектическое понимание раздвоения единого не оправдывает никакого раскола в рабочем движении, а напротив, требует укрепления, сплоченности, монолитности международного коммунистического движения. И это вовсе не исключает того, что последнее действительно в себе раздваивается, но в том смысле, что в нем, как в здоровом живом организме непрерывно происходит «обмен веществ», старые организационные, тактические формы, приемы и т. д. сменяются новыми соответствующими новому содержанию и задачам революционной борьбы, т. е. происходит непрерывное его совершенствование, развитие, обогащение.

Все эти разновидности софистики (разумеется, мы их не исчерпали) в понимании *единства и его раздвоения* сознательно или бессознательно искажают познание, являются проявлениями *немоции* рассудка, который занят тем, что членил единство на две части: на «хорошее» и «плохое», «положительное» и «отрицательное», имеет дело то «с одной стороной», то «с другой», или «с той и другой» одновременно, но не хочет и не может видеть ни сущности, ни единства как оно есть в себе, ни никаких взаимопереходов противоположностей, довольствуется случайным признаком, моментом или отрицает качественную определенность на основании «гибкости» понятий и т. д., т. е. довольствуется скудной абстракцией или бесплодным верчением в рамках мертвых абстракций, не находя выхода из их лабиринта.

§ 2. ТОЖДЕСТВО

Дальнейшее движение мысли в исследовании единства по линии восхождения должно воспроизводить его сущность, его внутренний механизм, выражать собою его конкретизацию на основе анализа его *раздвоения* на такие противоположности его, как *тождество* и *различие*.

Абстрактное тождество. Последнее характеризует мышление, не выходящее за рамки внешней рефлексии и выражается формально-логическим законом тождества: $A=A$, или отрицательно: A не может быть одновременно A и не- A ; или $A=B$ при том условии, если все свойства, характеризующие A , характеризуют и B . Правда, Гегель по поводу этого закона говорит, что это

«пустая тавтология», что он *«бессодержателен и никуда далее не ведет»* и т. д., тем не менее мы должны воздать должное не только этому, но и всем другим законам формальной логики. И вот почему.

Во-первых, формальная логика, изучающая формы мышления, независимо от их конкретного содержания, исторически возникла раньше всякой другой науки о мышлении, и в той или иной мере она была таковой, поскольку одна выполняла функции науки о мышлении. Не случайно поэтому, что истари установилась традиция, согласно которой под логикой и до сих пор понимается только формальная логика.

Во-вторых, никакое мышление невозможно без формальной логики и в особенности без ее «ядра» — закона тождества, ибо познание предмета должно начинаться с внешнего знакомства с ним. А раз так, то как бы ни не удовлетворяла познание формула $A=A$, она безусловно, присутствует в нем, является его необходимым условием и в той же степени его необходимым атрибутом. Как уже говорили, познание предмета начинается с нерасчлененного целого, выделяемого из естественных его связей и отношений и рассматриваемого вне процесса, вне движения — как *равное самому себе отношение, как абстрактное тождество*. Это значит, что здесь «работает» формула $A=A$, с помощью которой мы вычленим предмет и отличаем его от других.

В-третьих, в рамках рассудочного мышления материальный мир отражается как абстрактное тождество явлений и опять-таки именно по формуле $A=A$. Люди не могут ни осуществлять собственное самоуправление, ни ориентироваться в окружающей среде, ни выражать свое отношение к окружающим явлениям в процессе своей предметной деятельности, ни утверждать или отрицать нечто без формально-логических законов и независимо от того, сознательно или стихийно применяют их. Сказанного достаточно, чтобы не было никакой недооценки формальной логики¹. Вообще всякая недооценка любой науки есть антинаучный акт.

¹ В современных условиях формальная логика превратилась в математическую логику, которая по содержанию продолжает оставаться формальной, так как решает по существу те же самые проблемы, которые имели место в традиционной формальной логике, но новыми математическими средствами и методами.

Однако и переоценка возможностей той или иной (любой) науки также есть антинаучный акт. Прежде всего следует подчеркнуть совершенно определенно, что формальная логика не есть единственная наука о мышлении, более того: в настоящее время она вовсе не есть наука о мышлении. «Современная формальная логика, — как правильно отмечает П. В. Копнин, — в качестве своего объекта имеет не мышление как форму постижения действительности, совпадения в мысли субъективного с объективным, а язык (естественный или искусственный — А. М.) со своей определенной структурой, правилами употребления знаков и образования формул»¹.

Мышление может быть предметом многих частных наук: психологии, формальной логики², лингвистики, физиологии, кибернетики и т. д., каждая из которых в рамках своего предмета, со своей «стороны» может изучать и изучает ту или иную соответствующую его сторону, но ни одна из них не есть наука о мышлении как диалектическом целом процессе активной, обусловленной практикой, деятельности общественно-исторического человека. Только диалектический материализм является такой наукой.

Далее, формальная логика не есть марксистско-ленинская философия, не есть теория познания марксизма, следовательно, ее притязания на такую роль неправомерны. Вместе с тем она не есть всеобщее мировоззре-

¹ П. В. Копнин. В. И. Ленин, логика, наука. «Вопросы философии», № 4, 1970, стр. 48.

² Нередко предметом формальной логики объявляется устойчивость явлений или покой; а предметом диалектической логики — изменчивость. С этим невозможно согласиться. Во-первых, потому, что в таком случае формальная логика выдается за содержательную науку, а между тем она «формальна», поскольку изучает не устойчивость, покой объективных явлений, а устойчивые внешние языковые формы мышления; во-вторых, если одна логика изучает одну сторону единства (устойчивость), а другая — другую (изменчивость), то они ничем в принципе друг от друга не отличаются, поскольку обе односторонни, обе имеют дело с «одной стороной». Между тем если формальная логика действительно односторонняя, имеет дело с одной стороной — с «готовыми» устойчивыми, сознательно фиксируемыми в языке формами мышления безотносительно к их конкретному содержанию, то диалектическая логика всесторонняя, изучает мышление как целое, как тождество противоположностей устойчивости и изменчивости, формы и содержания, покоя и движения и т. д., т. е. диалектическая логика «есть учение не о внешних формах мышления, а о законах развития... всего конкретного содержания мира и познания его» (В. И. Ленин, т. 29, стр. 84).

ние пролетариата, трудящихся классов. Таковым является диалектический материализм, который не отвергает формальной логики, а снимает ее односторонность, преодолевает ее недостаточность, узость. Она истинна, полезна в рамках своего предмета. Она неистинна, ложна, источник софистики вне этих рамок.

Признание формальной логики единственной наукой о мышлении льет воду на мельницу неопозитивизма, который, сводя философскую проблематику к формальной логике, пытается представить последнюю своей философией, а свое учение — логикой современной науки. Абсолютизация аппарата формальной логики приводит неопозитивистов к отрицанию значения философских категорий в развитии научного познания, к ликвидации философии вообще. Следует подчеркнуть, что порок неопозитивизма состоит не в формальной логике (в разработке которой они имеют определенные достижения), а именно в непомерном раздувании ее роли и значения.

На наш взгляд, нарушение рамок истинности формальной логики, ее неоправданные притязания на роль единственного научного метода является нарушением принципа объективности рассмотрения. Возьмем то же абстрактное тождество: $A=A$, растение есть растение, человек есть человек, предмет есть предмет. Подобная тавтология содержит в себе, конечно, какой-то момент или сторону истины, состоящую в том, что этот предмет равен самому себе, есть именно данный предмет, а не нечто другое. Против этого определения рассудка никто, разумеется, не станет возражать, поскольку для познающего мышления, как сказали, очень необходимо вычленять предмет познания, не подменяя его другим.

Но мышление, которое довольствуется этим абстрактным тождеством, выражает лишь внешний момент в познании. Ибо если все абсолютно тождественно с собою, то не различно, не содержит в себе различия, или если абсолютно разнится, то не тождественно с собою: если $A=A$, то A не есть не — A , или если $A=$ не — A , то A не может равняться A . Иными словами, «или-или». Или, если $A=A$, тогда A не может быть одновременно A и не — A ; или, если $A=$ не — A , то A не может быть A . Таким образом, или тождество, или различие. Это содержание можно выразить и в другой форме: тождество и различие существуют рядом, возле друг

друга. Как остроумно замечает Гегель: «Такое мышление... полагает, что разум есть не более, как ткацкий станок, на котором основа, — скажем, тождество — и уток — различие внешним образом соединяются и переплетаются между собой»¹.

Тождество, не содержащее в себе никакого различия, — такое тождество есть лишь сознательно фиксируемая формальной логикой односторонняя абстракция, в то время как ни в объективном мире, ни в мышлении как оно есть в себе такого тождества нет. Всякое истинное, диалектическое тождество заключает в себе различие, т. е. является конкретным тождеством.

Конкретное тождество. Поскольку формальная логика своим предметом имеет формы мышления со стороны их внешности и устойчивости, постольку она имеет дело не с конкретным, а с абстрактным тождеством. Разумеется, абстрактное тождество (да и вся формальная логика) исторически является порождением низкого состояния предметной деятельности людей и логически — продуктом абстрагирующей и разделяющей деятельности рассудка. Мелкое индивидуальное производство, основанное преимущественно на ручном труде и рассчитанное на единоличное употребление, карликовые средства труда, принадлежащие отдельным лицам, осуществлявшим трудовые операции разрозненно, изолированно друг от друга в разное время и в разном месте, — все это составляло экономический базис формально-логического освоения общественной жизни.

Однако с развитием капитализма коренным образом изменяется экономический базис логического освоения предметной деятельности людей. Вместо карликовых средств труда, применяемых отдельным человеком, — обобществление труда, общественные средства производства, применяемые массой людей; вместо мелких мастерских — крупные фабрики, заводы; вместо господствовавшего ручного труда — машина; вместо производства продукта отдельным лицом, в разное время и в разном месте — действие большого числа рабочих в одно и то же время, в одном и том же месте для производства одного и того же сорта товаров, под командой одного и того же капиталиста, — все это доказатель-

¹ Гегель. Соч., т. V, стр. 482.

ство того, что человек теперь имеет дело с *единым потоком, с процессом*, что и составляет материальную основу диалектического освоения общественной жизни, а потому все это не могло не подвергаться испытанию безусловность формально-логических принципов, которые вовсе не касаются *выражения* изменений, *процесса* в логике. «Принцип тождества в старо-метафизическом смысле, — писал Ф. Энгельс, — есть основной принцип старого мировоззрения: $a=a$. Каждая вещь равна самой себе... Естествознание в последнее время доказало в подробностях тот факт, что истинное, конкретное тождество содержит в себе различие, изменение. — Как и все метафизические категории, абстрактное тождество годится лишь для *домашнего* употребления, где мы имеем дело с небольшими масштабами или с короткими промежутками времени;... Но для обобщающего естествознания абстрактное тождество совершенно недостаточно»¹. Узость, недостаточность, односторонность формально-логического понимания тождества снимается диалектико-материалистическим его пониманием. Диалектика как логика исходит из того фундаментального принципа, что *всякое действительное материальное и идеальное тождество есть тождество противоположностей*. Последнее не есть «одинаковость», «равенство» предмета с самим собой и не есть сходство ряда предметов, их идентичность и т. д., хотя в познании, как сказали, такое формально-логическое тождество имеет место и играет определенную роль. Оно *в сущности есть совпадение, взаимопроникновение, равнодействие, взаимодействие противоположностей*. Это такое тождество, которое невозможно, а потому и нелепо без *различия* в себе, которое включает внутри себя различие и само в себе есть различие, ибо, говоря, что оно есть тождество противоположностей, мы тем самым признаем, что оно есть тождество различий или различных противоположностей, т. е. оно есть различие.

Ближайшее рассмотрение показывает, что абстрактное тождество $A=A$ задерживает мышление, образно говоря, у входа в предмет, на внешней его границе, не допускает самой возможности проникновения познающего мышления в сущность предмета, следовательно,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 20, стр. 530—531.

исключает возможность его познания как оно есть в себе. Но познание не может остановиться у входа в предмет, а должно проникать в его сущность, «просвечивать» его внутренние процессы, стороны, связи, отношения — его внутреннюю объективную диалектику.

При такой постановке вопроса выясняется, что пока мы имели дело с абстрактным тождеством, мы хотя и знали, что есть такой предмет, но ничего не узнали о внутренней его жизни: ни откуда взялся он, ни того, какие процессы, изменения происходят в нем и ни того, какова его тенденция и т. д. и т. п. Но разум, имея обусловленное общественно-исторической практикой и потребностями ее развития *неистребимое стремление знать все*, как в историческом, так и в логическом плане с необходимостью восходит от внешности, «внешней рефлексии», продуктом которой является $A=A$, к внутренним процессам, изучая тождество как оно есть в себе. *А тождество как оно есть в себе заключает в себе различие: $A=A$ и не — А. Именно эта формула выражает полноту истины.*

Следует подчеркнуть, что диалектико-материалистическое понимание тождества: $A=A$ и не — А отнюдь не отбрасывает формулу $A=A$, а содержит ее в себе как *внешний момент*, но вместе с тем и не сводится к ней. Формула $A=A$ абсолютно абстрагируется как от изменений предмета, так и от изменения знаний о нем и выражает лишь внешнюю, устойчивую непосредственность, результаты мышления, сознательно фиксированные в языке как форме бытия мышления. Формула $A=A$ и не — А охватывает предмет как он есть в себе, как тождество противоположностей, как единство устойчивости ($A=A$) и изменчивости ($A=\text{не} — A$).

Далее. Формула $A=A$, поскольку она абстрагируется от изменчивости, абсолютно не касается вопроса, как может этот предмет, изменяясь, стать иным. В то же время формула $A=A$ и не — А дает ответ на этот вопрос. Предмет становится иным, переходит в новое качество, в новое состояние, благодаря тому, что это *иное* заключено в нем с самого начала его возникновения и что он без этого *своего иного* невозможен. Следовательно, формула $A=A$, *не выражая никаких изменений, не касается вопроса ни о возникновении, ни о развитии, ни об исчезновении явлений, ни о развитии знаний о них.*

Напротив, формула $A=A$ и не — A , выражая единство устойчивости и изменчивости, дает ответ на вопрос о возникновении, развитии и превращении, исчезновении явлений, а также на вопрос о том, «каким образом из незнания является знание, каким образом неполное, неточное знание становится более полным и более точным»¹. Но такое тождество есть выражение жизненности, внутренней жизнедеятельности единства, есть взаимопереход, взаимопревращение противоположностей. Иными словами, само различие, заключенное в самом тождестве, есть взаимопереход противоположностей.

Следует отметить, что такое понимание тождества является «тайной за семью печатями» и для современной буржуазной философии. Так, неопозитивисты либо признают только абстрактное тождество², либо вообще «выбрасывают» эту категорию, считая ее бессмысленной. «Сказать о двух предметах, что они тождественны, — писал, в частности, Витгенштейн, — бессмысленно, а сказать об одном предмете, что он тождественен самому себе, значит ничего не сказать»³.

§ 3. РАЗЛИЧИЕ

Абстрактное различие. Различие, не заключающее в себе тождества, абстрактно. Подобно тому как абстрактное тождество не включает в себе различия, так и абстрактное различие не включает в себе тождества. Все его содержание состоит в «не»: *А не есть В и отличается от В чем угодно.* Два явления находятся друг вне друга или друг возле друга, каждое из них существует по своим законам самостоятельно и связано с другим внешним образом, т. е. таким образом, что каждое из них не содержит в себе своего другого и не является противоположностью своего другого внутри себя. Такое различие *абстрактно*, поскольку оно, как и абстрактное тождество, не затрагивает вопросов о внутренней объективной диалектике единства, находится вне ее и яв-

¹ В. И. Ленин, т. 18, стр. 102.

² См., например: Б. Рассел. Человеческое познание. М., 1957, стр. 491.

³ Л. Витгенштейн. Логико-философский трактат. М., 1958, стр. 76.

ляется тощим, бедным по своему содержанию знанием о внешних связях явлений. Рядоположенные тождество и различие есть такие внешние противоположности, признание даже «борьбы» между которыми не выводит познание за рамки метафизической поверхностной односторонности. Ибо ясно само по себе, если с одной стороны берем тождество без различия, а с другой — различие без тождества и вне тождества и ставим их в связь, и как бы после этого ни уверяли себя в том, что таким образом тождество и различие связали между собою, мы нисколько не проникли в сущность явления, а, напротив, остановились опять-таки у входа в его сущность.

Поэтому формула: «борьба противоположностей» оставляет вопрос об источнике развития открытым, поскольку на этом основании, говоря так, мы еще не узнали, о какой же «борьбе» и о каких противоположностях идет речь. Если «борьба» берется вне тождества в различии и вне различия в тождестве, то такая «борьба» есть определение рассудка. Это не диалектическое понимание борьбы, а метафизическое. Следовательно, дело не в том, что есть противоположности и есть борьба между ними, а в другом — что это за противоположности и какая это борьба. Такое абстрактное суждение не указывает на сущность, а следовательно, под ним охотно подпишется любой метафизик, а тем более современный, который охотно согласится с тем, что, да, конечно, есть «борьба противоположностей». Но в его представлении эта «борьба» выступит как внешняя связь разных вещей в разных отношениях.

Конкретное различие. Абстрактное различие как односторонность снимается конкретным различием как всесторонностью. Конкретность тождества, как было показано выше, заключается в том, что последнее содержит в себе различие. Как в самом объективном мире, так и в истинном познании нет тождества без различия. Когда мы говорим о тождестве без различия, то имеем дело с односторонностью рассудка, который действует как раз разделяющим образом. То же самое нужно сказать о различии без тождества. *Истинное, действительное различие есть конкретное различие.* Оно всегда включает в себе тождество и невозможно, немислимо без него. Это такое различие, как говорил Гегель, которое

есть другое сущности в себе и для себя, а не другое как другое некоторого находящегося вне его другого, но есть отрицательность самого себя, различие не от некоторого другого, а себя от самого себя, оно есть свое другое, оно есть тождество. Различие имеет оба момента: тождество и различие. В этом единстве каждый момент есть соотношение с самим собою¹.

Тождество в различии, различие в тождестве — таково диалектическое понимание тождества и различия. Это то же самое, что сказано об этом выше: *тождество противоположностей. Но и различие есть то же тождество противоположностей*, ибо одновременное взаимопроникновение и взаимоисключение противоположностей есть одновременно и тождество и различие. Противоположности в рамках единства, целого *совпадают, равнодействуют*. Это совпадение в определениях разума выражается в том, что каждая из противоположностей заключает в себе и для себя другую противоположность таким образом, что обе противоположности равны друг другу, поскольку каждая из них заключает в себе свою противоположность для себя, *именно для себя, для своего существования, своего бытия, своего развития*, и она абсолютно невозможна без этой своей другой противоположности.

Это содержание можно выразить и в такой форме: каждая противоположность своим бытием в данном единстве обуславливает бытие своей другой противоположности, так, что обе противоположности возможны и потому мыслимы лишь друг в друге, лишь содержа в себе и для себя свою другую противоположность, а следовательно, и данное единство возможно и мыслимо благодаря этому взаимопроникновению. Об этом Энгельс писал Шмидту: «например, яркий образец нераздельности тождества и различия Вы как жених найдете в себе самом и в Вашей невесте. Совершенно невозможно установить, является ли половая любовь радостью от того, что тождество в различии или различие в тождестве? Откиньте здесь различие (в данном случае полов) или тождество (принадлежности обоих к человеческому роду), и что же у Вас останется? Я припоминаю, как меня вначале мучила как раз эта нераздельность

¹ См. Гегель, Соч., т. V, стр. 490—491.

тождества и различия, хотя мы не можем и шагу ступить, чтобы не наткнуться на это»¹.

Игнорирование как тождества и различия, как и их единства не есть выход за рамки рассудка и восхождение к разуму, а есть одно из проявлений рассудка, между тем эти противоположности возможно выразить только в определениях разума, и то высшего порядка, в научной теории, а не на уровне рассудка, здравого смысла. На антинаучный характер метафизического отрыва тождества и различия друг от друга указывал К. Маркс, который писал: «Весь *грубиянский характер* «здравого человеческого смысла», который черпает из «гущи жизни» и не калечит своих *естественных* наклонностей никакими философскими или другими научными занятиями, сказывается в том, что там, где ему удастся заметить *различие*, он не видит *единства*, а там, где он видит *единство*, он не замечает *различия*. Когда он устанавливает *различающие определения*, они тотчас же окаменевают у него под руками, и он усматривает самую вредную софистику в стремлении высечь пламя из этих окостенелых понятий, сталкивая их друг с другом»². То что рассудок разделял и абстрагировал от целого, единого, разум сводит к его внутренней жизненности, к внутреннему тождеству, к сущности, синтезируя разрозненные, изолированные рассудком противоположности.

Совпадение противоположностей в то же время есть собственная отрицательность, есть несовпадение, поскольку есть совпадение противоположностей, каждая из которых в данном единстве, в данном целом в одном и том же отношении имеет свое качественно отличное бытие, качественную определенность, имеет свою специфику, занимает в нем особое место, положение, играет особую роль и т. д. Следовательно, тождество само внутри себя распадается на совпадение и несовпадение противоположностей, на тождество и различие, поскольку каждый из этих моментов единства имеет свое бытие, заключающее в себе собственную отрицательность.

Таким образом, тождество в различии и различие в тождестве вовсе не выдумка какой-то гегельянщины, а

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 38, стр. 176—177.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 4, стр. 299.

адекватное постижение в определениях разума объективно существующего вне мышления конкретного тождества. Тождество же вне различия и различие вне тождества, как абстрактные тождество и различие, соответствуют переходу от нерасчлененного целого к абстрактному разделению его, к абстрактной, разрозненной, внутренне не взаимосвязанной «многогранности» в истории познания и переходу от нерасчлененного чувственно конкретного к абстрагированию и разделению рассудком целого на отдельные изолированные моменты его в логическом познании. Это совпадение исторического и логического снимается разумом в высшем единстве, в высшем синтезе как в истории познания, так и в логическом познании.

Так, рассудок как в истории познания, так и в логическом познании членит единое на противоположности и находит, что последние тождественны *или* различны. Разум же открывает, что эти противоположности одновременно и тождественны и различны, что тождество есть различие, а различие — тождество, что эти противоположности суть моменты *целого*. Воспроизведение целого в мысли или воспроизведение конкретного тождества как тождества противоположностей возможно лишь в определениях разума, понятия. «Однако это ни в коем случае не продукт понятия, размышляющего и саморазвивающегося вне созерцания и представления, а переработка созерцания и представлений в понятия. Целое, как оно представляется в голове в качестве мыслимого целого, есть продукт мыслящей головы, которая осваивает мир исключительно ей присущим образом»¹.

Тождество противоположностей как целое, как единство своих различных моментов в мышлении есть адекватное отражение, постижение понятием объективного тождества противоположностей или объективного предмета. «Диалектика, — цитирует В. И. Ленин Гегеля, — есть имманентное рассмотрение предмета: он берется сам по себе, без предпосылки, идеи, долженствования, не по внешним отношениям, законам, основаниям. Всецело переносят себя в самую суть дела, рассматривают предмет в себе самом и берут его по тем определениям, которыми

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 12, стр. 727—728.

он обладает. В этом рассмотрении обнаруживает он... затем сам, что содержит в себе взаимно противоположные определения»¹.

§ 4. ПРОТИВОРЕЧИЕ

Тождество противоположностей, как видим, заключает в себе отношение противоположностей. Оно есть отношение тождества к своему различию в себе, различия — к своему тождеству также в себе. Это отношение есть противоречие². Последнее есть отношение внутри одной и той же сущности, а не между разными сущностями. Внутренние противоположности одной и той же сущности, одного и того же целого, одной и той же системы предполагают друг друга в себе и для себя, совпадают, тождественны и одновременно с этим не совпадают, различны, имеют разную специфику, разные тенденции и т. д. Различие есть *единство* таких, которые суть лишь

¹ В. И. Ленин, т. 29, стр. 228.

² Заметим в этой связи, что в литературе все еще продолжают делить противоречия на «логические» и «диалектические». Под «логическим» противоречием понимают следующее содержание: два отрицающих друг друга предложения не могут быть одновременно истинными. Или: одно и то же суждение не может быть одновременно истинным и ложным. Говоря несколько упрощенно, «логическое» противоречие есть путаница в мысли в результате недостаточного знания вопроса, неточного употребления терминов и т. д.

Под «диалектическим» противоречием понимают жизненные, действительные противоречия. Такое деление противоречий, возможно, оправдывалось тем, что традиционная, или формальная логика, запрещающая противоречие в формах мышления, выдавалась за единственную. Но теперь, когда установлены место и роль элементарной логики в познании и она признана частной наукой, а современная диалектическая логика есть марксистско-ленинская философия, то под логическим «противоречием» более невозможно понимать путаницу, ошибку. Но нельзя ратовать за диалектическую логику и в то же время понимать под «логическим» противоречием путаницу в мысли — ибо, ясно, если «логическое» противоречие — путаница, а в диалектической логике главным ее содержанием является как раз противоречивость, то выходит, что диалектическая логика есть путаница, ошибка. Между тем логическое противоречие такое же жизненное противоречие, как и диалектическое. *Это — в сущности одно и то же противоречие.* Поэтому такое деление — бессмыслица, ибо сказать: «диалектическое противоречие», значит сказать «противоречивое противоречие» (или водяная вода, огненный огонь и т. д.) и не более. Что касается, «путаницы» в мышлении, то ее надо назвать путаницей, а не «логическим» противоречием.

постольку они не суть одно, и *разъединение* таких, которые суть лишь как *разъединенные* в одном и том же отношении. Именно, *противоположности разъединены в одном и том же отношении*. Или одно и то же отношение имеет две противоположные стороны или противоположные тенденции.

Разумеется, формально-логическая мерка недостаточна для выражения противоположностей в *одном и том же отношении*, в особенности в научно-теоретическом мышлении. Но поскольку в литературе существует противоположное мнение, то следует несколько задержаться на этом вопросе. Безусловно, она в снятом виде необходима для теоретического выражения противоречия. Однако она со своим жестким «или-или» недостаточна и сама по себе не способна на это. Так, например, она никак не может согласиться с тем фактом, что прибавочная стоимость, капитал одновременно возникают и не возникают в сфере обращения. А ведь это так в самой жизни. «Наш владелец денег, который представляет собой пока еще только личинку капиталиста, должен купить товары по их стоимости, продать их по их стоимости и все-таки извлечь в конце этого процесса больше стоимости, чем он вложил в него. Его превращение в бабочку, в настоящего капиталиста, должно совершиться в сфере обращения и в то же время не в сфере обращения. Таковы условия проблемы»¹.

Этот важнейший принцип диалектики вслед за Гегелем, Марксом развил дальше и Энгельс. Он писал: «Движение само есть противоречие; уже простое механическое перемещение может осуществиться лишь в силу того, что тело в один и тот же момент времени находится в данном месте и одновременно — в другом, что оно находится в одном и том же месте и не находится в нем»². Именно находится и не находится и именно одновременно.

То же самое подчеркивал В. И. Ленин. Отвечая В. Чернову, рассуждавшему, что «движение есть нахождение тела в данный момент в данном месте, в другой, следующий, момент в другом месте», В. И. Ленин писал: «Это возражение неверно: (1) оно описывает *результат*

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 23, стр. 176—177.

² Там же, т. 20, стр. 123.

движения, а не *само* движение; (2) оно не показывает, не содержит в себе *возможности* движения; (3) оно изображает движение как сумму, связь состояний *покоя*, т. е. (диалектическое) противоречие им не устранено, а лишь прикрито, отодвинуто, заслонено, занавешено»¹.

Стремление выражать противоречие средствами формальной логики непротиворечиво или объективные противоречия разрешать с помощью «уточнений» и словесных ухищрений — занятие пустое. В свое время Маркс вскрыл научную несостоятельность такого приема у вульгарных экономистов: «Противоречие между общим законом и более развитыми конкретными отношениями здесь хотят разрешить не путем нахождения посредствующих звеньев, а путем прямого подведения конкретного под абстрактное и путем непосредственного приспособления конкретного к абстрактному. И этого хотят достигнуть с помощью *словесной фикции*, путем изменения правильных наименований вещей»².

Само собою ясно, если мышление подчиняется тем же диалектическим законам, что и объективный мир, то оно может быть истинным только при одном условии: если оно диалектично в своей сущности. Объективная диалектика может быть отражена истинно только диалектикой субъективной, т. е. диалектическим мышлением. Каждая из противоположностей возможна благодаря своей другой и в другой, и не иначе, что, следовательно, единство как конкретное целое возможно благодаря этому взаимопроникновению, совпадению, равнодействию своих противоположностей.

¹ В. И. Ленин, т. 29, стр. 232.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 26, ч. III, стр. 85. С помощью такого приема пытаются «отделаться от трудностей, заключающихся в противоречивых определениях самих вещей» и объявить эти трудности «продуктами рефлексии» или «спором о словесных определениях». Такой логический трюк был характерен, в частности, для Бастна, «в виде парадоксов формулирующего общие места, шлифующего их и *скрывающего формальной логикой крайнюю убогость мысли*» (К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 46, ч. 2, стр. 269, — подчеркнуто нами — А. М.), свое диалектическое бессилие. Однако как бы ни хотели вульгарные экономисты посредством теоретических манипуляций и казуистики устранить противоречия капитализма, это абсолютно невозможно, т. к. «эти противоречия лежат в самом предмете, а не в словесном выражении предмета (там же, стр. 139), а потому неустраняемы при помощи «схоластически-нелепых» определений, «риторической надменности» и «примиряющей диалектики».

Вместе с тем одна из противоположностей, одна из крайностей берет верх над другой. «Ибо, сколь бы обе крайности ни выступали в своем существовании как действительные и как крайности, — свойство быть крайностью кроется все же лишь в *сущности* одной из них, в другой же крайность не имеет значения *истинной действительности*. Одна из крайностей берет верх над другой. Положение обоих не одинаково»¹.

Выше было показано, что противоположности единства совпадают, равнодействуют. Однако это вовсе не означает дуализма сущности. *Никакого дуализма сущности в действительном мире не существует*. Совпадение, равнодействие противоположностей означает, что каждая из них есть по существу «просвечивание» себя в другом и даже полагание себя как другого. Значение истинной действительности заключается в *сущности* одной из них, другая — не имеет значения истинной действительности, поэтому объективная сущность хотя и противоречива, заключает в себе противоположные тенденции, тем не менее только одна из противоположностей представляет ее, в то время как другая противоположность подчиняется первой. Одна из них господствует над своей другой, подчиняет ее себе и для себя. Господствующая и подчиненная противоположности совпадают в том, что подчиненная должна быть подчиненной, чтобы могла господствовать господствующая, а последняя должна господствовать, чтобы могла быть подчиненной подчиненная. Таким образом, *господство есть в одном и том же отношении подчинение, а последнее — господство*. Следовательно, сущность одна, едина, *есть одно и то же отношение*, имеющее две стороны с противоположными тенденциями, в котором подчиненная сторона снимает себя в господствующей, является ее моментом, формой ее движения, способом ее господства.

Подлинно научную диалектико-материалистическую разработку категории противоречия дал Маркс в «Капитале». Каждая конкретная экономическая категория в «Капитале» является одной из форм взаимопревращения стоимости и потребительной стоимости. Однако анализ показывает, что *вся история развития товарно-денежных отношений есть история развития господства*

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 1, стр. 322.

стоимости над потребительной стоимостью. А при капитализме стоимость выступает как саморазвивающаяся, как самодвижущаяся субстанция, для которой товары и деньги суть только формы. Стоимость является верховным судьей, решающим, определяющим, господствующим началом, сущностью, которая снимает в себе все прочие экономические формы, модифицируется, развертывается, обогащается, подчиняя себе и для себя все другие категории.

Во всех трех томах «Капитала» — от начала до конца — красной нитью *прослеживается, как стоимость развертывается, прокладывая свой собственный путь*. Задача науки состоит именно в том, чтобы раскрыть, как закон стоимости прокладывает себе путь. Следовательно, если бы захотели сразу «объяснить» все явления, кажущиеся противоречащими закону, то пришлось бы дать науку *раньше* науки. В том-то и состоит как раз ошибка Рикардо, что он в своей первой главе о стоимости всевозможные категории, которые еще должны быть выведены, предполагает *данными*, чтобы доказать их адекватность закону стоимости»¹.

Однако, как саму стоимость, так и это господствующее положение следует рассматривать исторически, диалектически. С ликвидацией частной собственности на средства производства на более высоком уровне производительных сил исчезнет товарный характер продукта труда, исчезнет его стоимостное выражение. Следовательно, не только явления из себя представляют процесс, но и само противоречие.

Исследование противоречий в «Капитале» Маркса является не только образцом адекватного постижения объективных противоречий в теоретическом мышлении, но и доказательством того, что действительное, истинное постижение противоречия адекватно возможно лишь диалектическим мышлением, т. е. противоречиво, лишь тогда, когда «мыслящий разум (ум) заостряет притупившееся различие различного, простое разнообразие представлений, до *существенного* различия, до *противоположности*. Лишь поднятые на вершину противоречия, разнообразия становятся подвижными (regsam) и живыми по отношению одного к другому, — приобретают

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 32, стр. 461.

ту негативность, которая является *внутренней пульсацией самодвижения и жизненности*¹. Без логического принципа «заострения» невозможно воспроизводить целое, тождество в противоположностях как оно есть в себе и для себя. Только благодаря этому принципу возможно преодолевать «односторонность» в познании и постигать целое как оно есть в себе, как тождество противоположностей.

Как уже говорилось выше, сказанное вовсе не означает, что всестороннее познание будто возможно без членения целого на его противоположности и без изучения каждой из них в чистом виде. Напротив: постигающее мышление может углубляться лишь через односторонность, через анализ каждой противоположности целого в чистом виде. Но, во-первых, остановка мышления на той или иной стороне целого должна быть *временной*, — односторонность, ограниченность должна быть снята переходом мышления к анализу другой стороны по линии восхождения. В противном случае мысль станет «закостенелой», «мертвой», что ведет к догматизму; во-вторых, мышление должно от этого восходить к синтезу противоположностей в их внутреннем тождестве, к вычленению сущности в ее модификациях, должно «заостривать» притупившееся различие различного и поднять его на вершину противоречия. Именно так исследует Маркс экономические категории: товар, труд, деньги, капитал, прибавочную стоимость, заработную плату, накопление и т. д.

Раздвоение единого на противоположности, анализ каждой из них, как самостоятельного момента, затем переход к их синтезу, к вычленению и анализу противоречия, затем *разрешение* противоречия и переход к анализу новой категории, где повторяются те же логические принципы. Так, например, единый товар раздваивается на потребительную стоимость и меновую стоимость. Каждая противоположность исследуется односторонне, как особый момент, затем исследование восходит к их синтезу, к выявлению противоречия, которое разрешается переходом к анализу новой категории. «До сих пор, — пишет К. Маркс, — товар рассматривался с двоякой точки зрения, как потребительная стоимость и

¹ В. И. Ленин, т. 29, стр. 128.

как меновая стоимость, всякий раз односторонне. Однако товар как таковой представляет собой непосредственное *единство* потребительной стоимости и меновой стоимости»¹.

Таким образом, анализ каждой экономической категории есть конкретный анализ. Всесторонне и глубоко исследуя противоположности в явлениях товарно-капиталистического производства, Маркс идет дальше, анализируя сущность, внутреннее содержание, а также возможные формы существования и проявления этого содержания. Там же, где исследование посвящено форме, он не ограничивается этим, также идет дальше, вскрывает ее содержание, показывает, что скрывается за ней и т. д.

Научное познание явлений возможно лишь тогда, когда раскрывается их внутреннее содержание, когда за внешними формами проявления обнаруживается их основное содержание. Например, категории: «стоимость труда», «стоимость земли» и т. д. — мнимые выражения. Но Маркс показывает, что такие мнимые выражения возникают из капиталистических производственных отношений. Это — категории для форм проявления существенных отношений. Вещи в своем проявлении могут часто представляться в извращенном виде. Заработная плата, например, скрывает действительные отношения между рабочим и капиталистом. Но Маркс обнажает ее сущность, показывает, что оплачивается не труд, а стоимость рабочей силы, которая принимает превращенную форму заработной платы. «На этой форме проявления, скрывающей истинное отношение и создающей видимость отношения прямо противоположного, покоятся все правовые представления как рабочего, так и капиталиста, все мистификации капиталистического способа производства, все порождаемые им иллюзии свободы, все апологетические увертки вульгарной политической экономии»².

Итак, конкретность анализа есть не что иное, как анализ тождества противоположностей, или анализ противоположностей в их тождестве, анализ тождества в различии, различия в тождестве, что означает сов-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 13, стр. 28.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 23, стр. 550.

падение теоретического противоречия со своим материальным аналогом, с объективным противоречием.

Сказанное подтверждается и современной революцией в естествознании. Если в двух словах охарактеризовать суть этой революции, то нужно сказать, что эта суть состоит *в тождестве противоположностей, в синтезе, в интеграции научного знания*. Мы не строим никаких иллюзий относительно процесса проникновения диалектики в научное познание и сознательного ее применения в научном исследовании. Это процесс продолжительный, сложный, противоречивый, чреватый поиском, даже всякими отклонениями, отступлениями и т. д.

По этому поводу Энгельс писал: хотя абстрактное тождество для обобщающего и теоретического естествознания совершенно недостаточно и хотя в общем и целом оно практически теперь устранено, но теоретически оно все еще властвует над умами, и большинство естествоиспытателей все еще воображает, что тождество и различие являются непримиримыми противоположностями, а не односторонними полюсами, которые представляют собой нечто истинное только в своем взаимодействии, во включении различия в тождество.¹ С тех пор положение, безусловно, изменилось. Современные научные теории характеризуются идеей изменчивости и взаимопревращаемости. Теория относительности была бы невозможной без осознания идеи внутренней необходимой связи пространственных и временных характеристик. Понятия «абсолютной длины» и «абсолютной продолжительности» уступили место релятивистским понятиям длины и продолжительности; в неклассической физике, теоретической химии, молекулярной биологии, геохимии и т. д. понятия выражают новые глубокие синтезы и взаимопереходы. Диалектика все глубже проникает в науку, все решительнее выступает как всеобщий метод движения человеческой мысли и действия. Не случайно поэтому, что за последнее время всюду возрос интерес к диалектике. Но верно и то, что, хотя диалектика разработана и сознательно применена в трудах ее классиков давно, частным наукам только теперь приходится шаг за шагом (и то с колебаниями, подчас даже стихийно) убеждаться на собственном опыте в истинности ее великих принципов,

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 20, стр. 531.

доказывать в специальной области то, что было давно открыто.

Говоря о необходимости для развития физики перехода от метафизического материализма к диалектическому, В. И. Ленин писал: «Этот шаг делает и сделает современная физика, но она идет к единственно верному методу и единственно верной философии естествознания не прямо, а зигзагами, не сознательно, а стихийно, не видя ясно своей «конечной цели», а приближаясь к ней ощупью, шатаясь, иногда даже задом. Современная физика лежит в родах. Она рождает диалектический материализм. Роды болезненные».²

Эти роды и сегодня болезненны! Тем не менее *сегодня можно сказать, что представители частных наук, в особенности физики* (видимо, потому, что последняя ныне успешнее других наук развивается), *в своей области все глубже и сознательнее руководствуются диалектикой.*

Ныне физике приходится все чаще и чаще оперировать *тождеством противоположностей*, в то же время все чаще и чаще отказываться от прежних односторонних представлений. Она достигла такой глубины проникновения в объект, что пришла к необходимости синтеза в единое целое конечного и бесконечного, *пространства и времени*, прерывности и непрерывности, притяжения и отталкивания, отрицательного и положительного, симметрии и асимметрии, частицы и античастицы, корпускулы и волны и т. д.

Как известно, эти понятия, скажем, волны и частицы, были выработаны в физике вначале независимо друг от друга и отражали односторонние противоположности. Физики считали, что корпускулярными свойствами обладает только вещество, а волновыми — только поле. Характеристики волны: частота, длина, фазовая и групповая скорости, амплитуда, дифракция, распространение **в бесконечность, непрерывность** и т. д. и характеристики корпускулы: относительная устойчивость, дискретность, прерывность и т. д. — абсолютно взаимоисключающие противоположности.

Тем не менее дальнейшее исследование привело к пониманию одновременного наличия и волновых и корпускулярных свойств у одних и тех же объектов; части-

¹ В. И. Ленин, т. 18, стр. 331—332.

цы обладают теми характеристиками, которые считались присущими только полям, а поля обладают характеристиками частиц. Отмечая это обстоятельство, академик С. И. Вавилов писал, что жесткие антитезы старой физики — прерывное и непрерывное, корпускула и волны — вдруг предстали перед физиками в неоспоримом единстве. Вскрытое в итоге развития оптики «непреодолимое» противоречие волновых и корпускулярных свойств в световых явлениях есть новое выражение диалектики природы, реального единства противоположностей. Упрощенные механические представления классической физики о непрерывных волнах и прерывных частицах, якобы исключаящих друг друга, в действительных явлениях природы уживаются одновременно. Это непривычное для нас противоречивое единство свидетельствует только о недостаточности и примитивности нашей механической картины.¹

Однако это вовсе не означает, что в этом отношении все решено и физики полностью овладели диалектикой микрообъекта. Они под напором многочисленных фактов все более признают противоречивую природу физических объектов, все более приближаются к диалектике, но не без колебаний и отступлений от нее. Об этом писал С. И. Вавилов: «Физик постепенно подходит все ближе к постижению математических форм квантовой электродинамики, которые, наконец, соединят противоречивые да и нет в едином диалектическом законе»². Именно «постепенно подходит». Об этом же писал Л. де-Бройль: «Мне не кажется, что современная атомная физика в какой-либо степени дошла до понимания подлинной природы дуализма волны-частицы»³.

Подтверждением того, что «физик постепенно подходит», но еще не дошел до понимания противоречивости микрообъекта является *принцип дополнительности* Н. Бора. Вопрос заключается отнюдь не в том, что ныне физики не признают единства корпускулярно-волновой природы микрообъекта, а в том, чтобы уметь выразить этот «дуализм» в определениях понятия. Ста-

¹ См. С. И. Вавилов. Глаз и солнце. Изд-во АН СССР. 1950, стр. 41.

² См. С. И. Вавилов. Старая и новая физика. «История и методология естественных наук», вып. III. Изд. МГУ, 1965, стр. 12.

³ «Вопросы философии», 1957, № 4, стр. 209.

рые понятия классической механики, опиравшиеся на формальную логику, не способны выразить его (на эту их ограниченность указывал Н. Бор), но в то же время физики, в том числе и Н. Бор, не дали новых понятий для выражения названного противоречия. Как пишет акад. В. А. Фок: «...все усилия Бора направлены к разъяснению ограниченности старых классических понятий, а не к разъяснению новых понятий, вводимых квантовой механикой»¹. Возникшая апория в свою очередь породила разного рода колебания; появились авторы, одни из которых считали, что нужно отказаться от идеи корпускулы, а другие — от идеи волны.

Как бы ответом на эти отступления и явился *принцип дополнительности*, суть которого, говоря схематично, состоит в следующем: поскольку в отличие от классической физики в атомной физике при помощи одной экспериментальной установки оказывается *невозможным* одновременное воспроизведение и фиксация противоречивых свойств микрообъекта, а возможно при помощи двух взаимоисключающих классов экспериментальных установок: один для познания волновых свойств, другой — корпускулярных, то оба эти класса *дополняют друг друга*. «В квантовой физике, — пишет Н. Бор, — данные об атомных объектах, полученные при помощи разных экспериментальных установок, находятся в своеобразном дополнительном отношении друг к другу»². Чтобы выразить в определениях понятия информацию о противоречивых свойствах микрообъекта, полученную разными экспериментальными установками, Бор предлагал использовать два взаимодополняющих друг друга класса классических понятий: один для выражения волновых свойств, другой — корпускулярных.

Такой способ фиксации и выражения противоречия микрообъекта, безусловно, является важным шагом вперед по пути постижения этого противоречия в логике понятий. Вместе с тем поскольку согласно *принципу дополнительности* одновременно объективно существующие противоположности микрообъекта — волновые и корпускулярные свойства — в одной экспериментальной

¹ В. А. Фок. УФН. 1958, т. XVI, вып. 4, стр. 599.

² Н. Бор. Квантовая физика и философия. «Вопросы философии». 1964, № 8, стр. 56

установке *не проявляются одновременно*, то фиксируется и выражается *не тождество* противоположностей, а противоположности вне тождества как сосуществующие, как рядоположенные, безразличные друг к другу.

Принцип дополнительности сам по себе выявляет идею внутренней противоречивости элементарной частицы, в отличие от ее внешней, кажимой непротиворечивости. Сам Н. Бор считал, что дополнительный характер описания не является отрицанием объективного объяснения, наоборот, его целью является применение в атомной физике диалектического объяснения обстоятельств анализа и синтеза. Однако противоречивость отношения волны-корпускулы можно понять лишь на уровне высшего синтеза категориального отношения прерывного и непрерывного, возможного и действительного, сущности и существования. Когда противоречие рассматривается как отношение рядоположенных полюсов-противоположностей, без высшего синтеза, то неизбежно возникает необходимость в принципе дополнительности, который призван как панацея исцелить теорию от недомогания. Это затруднение порождает попытку примирения антиномий путем построения двух различных теорий одного и того же предмета — одна соответствует тезису, а другая — антитезису. Таковы теории «комплементаризма», «контекстуального анализа» (Крошей-Уильямс), «динамической логики противоречия» (Стефан Лупаско) и др.

Эти теории, отвергая синтез, вовсе не раскрывают противоречия, поскольку отношение полярности не может объяснить ни разрешения старого, ни возникновения нового противоречия в научных теориях. *Поэтому принцип дополнительности не есть выражение противоречия микрообъекта*; он не воспроизводит адекватно противоположностей в их тождестве, целого как оно есть в себе. Когда противоположности отражаются в разных отношениях, то отражается не действительное противоречие, а мнимое. «В разных отношениях» — означает нечто внешнее, безразличное, но отнюдь не внутреннее тождество.

Сложившаяся ситуация свидетельствует о том, что современная квантовая физика имеет громадные успехи, открыла противоречие микрообъекта, его корпускулярно-волновую природу, но не достигла еще теорети-

ческого воспроизведения этого противоречия в определениях понятия. Это объясняется самим объективным ходом развития самой физики. Законом развития науки является попытка выражать новые результаты с помощью старых, уже сложившихся понятий. Пока наука не выработала нового понятия, адекватно отражающего новый результат, она должна так или иначе пытаться выражать последний старыми понятиями. Иного пути развития науки нет. Выработать новое понятие до нового результата — это значит «давать науку до науки». Однако эта экстраполяция имеет тот недостаток, что новый результат фиксируется и выражается с помощью старых понятий односторонне, не полностью, не исчерпывающе, что приводит к значительным трудностям в понимании новых идей и даже к их отрицанию «Причина, по которой трудно охватить новую концепцию в любой области науки, — пишет американский физик А. Дайсон, — всегда одна и та же. Современные ученые пытаются представить себе эту новую концепцию в понятиях тех идей, которые существовали прежде. Сам открыватель страдает от этой трудности больше всех; он приходит к новой концепции в борьбе со старыми идеями, и старые идеи еще долго потом остаются языком, на котором он думает».¹

Перед нами типичный случай. Чтобы выразить противоречие микрообъекта в логике понятий, нужно выработать соответствующее понятие, адекватно выражающее это противоречие. Можно сказать, что квантовая физика сегодня находится на пути к этому или в стадии выработки этого понятия. А пока последнего нет, она вынуждена оперировать старыми понятиями, как-то объяснять ими новые результаты. Это признает и сам автор принципа дополнительности: «Как бы далеко ни выходили явления за рамки классического физического объяснения, все опытные данные должны описываться при помощи классического понятия».² Но, во-первых, описание опытных данных не есть, конечно, научная теория. Развитие любой науки обеспечивается тем, что исследование восходит от «описания», от эм-

¹ Ф. Дайсон. Новаторство в физике. В сб. «Над чем думают физики», вып. 2. «Элементарные частицы». М., 1963, стр. 91.

² Н. Бор. Атомная физика и человеческое познание. М., И. Л. 1961, стр. 60.

пирической стадии к теоретическому обобщению, синтетически выражающему сущность, тождество противоположностей. Во-вторых, «классические понятия», выработанные классической физикой на основе формальной логики, несмотря на их важность, ценность, актуальность и т. д. далеко недостаточны для адекватного выражения результатов квантовой физики. Их ограниченность рано или поздно будет снята и они будут резюмированы в новые понятия, адекватно выражающие новые результаты. В-третьих, неизбежно будет выработана новая терминология для выражения нового содержания, ибо «в науке каждая новая точка зрения влечет за собой революцию в ее технических терминах».¹

Вместе с тем следует подчеркнуть, что вновь открытое, выработанное понятие, адекватно выражающее противоречие микрообъекта, должно быть преодолением его «дуализма». Знание микрообъекта, исходящее из того, что последний обладает, с одной стороны, корпускулярными свойствами, а с другой — волновыми недостаточно само по себе, ибо не есть адекватное отражение его объективной природы, не выражает его сущности, не указывает на то, какая противоположность господствующая, определяющая, ведущая, а какая подчиненная, снимающая себя в первой, являющаяся ее моментом.

Как сказано выше, «с одной стороны» и «с другой стороны» еще не есть диалектика, положение противоположностей не одинаково. Истинностью, действительностью обладает лишь одна сторона, другая же снимает себя в ней и для нее, являясь ее моментом. В данном случае, если наукой установлено, что волна обладает такими объективными характеристиками, как изменчивость, непрерывность, непрерывное распространение в бесконечность, а корпускула обладает такими объективными характеристиками, как *дискретность*, *прерывность* и т. д., то истинной, действительной противоположностью является волна, в то время как корпускула снимает себя в ней и для нее, являясь ее моментом, подобно тому как в единстве движения и покоя истинной, действительной противоположностью является движение; в единстве бесконечного и конечного — бесконечное; в единстве изменчивости и устойчи-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 23, стр. 31.

вости — изменчивость; в единстве непрерывности и прерывности — непрерывность и т. д. Правда, истинность, действительность господствующей противоположности достигается путем взаимопревращения противоположностей единства — в данном случае волны и корпускулы. Но ведь само это взаимопревращение ближайшим образом есть действительность восхождения, обогащения господствующей противоположности.

Следовательно, сущность каждого явления противоречива, но дуализма сущности не бывает, сущность микрообъекта противоречива, но в действительности нет его дуализма. Дуализм же возникает тогда, когда постигающее микрообъект мышление задерживается на уровне рассудка, не восходит к разуму, не снимает узости, ограниченности рассудка.

Так или иначе современная научно-техническая революция свидетельствует о том, что наука, как никогда ранее, в широких масштабах, все более интенсивно, все более уверенно и глубоко проникает во внутреннюю противоречивую природу своего объекта, доказывая на каждом шагу объективный характер противоречий и тот великий принцип науки, что *«диалектика есть изучение противоречия в самой сущности предметов»*.¹

Тем не менее и сегодня существуют философские направления и направления, школы и школы, которые в той или иной форме отвергают действительные противоречия. В наше время, пожалуй, самым активным противником категории противоречия (а следовательно, диалектики) является *неопозитивизм*. Последний, выдвигая на первый план обыденное рассудочное мышление в качестве критерия научности, отвергает философские категории, в особенности категорию противоречия, лишь потому, что они «недоступны рассудку». Последний провозглашается верховным судьей всего познания, и только тем и занят, что принимает окончательное решение: что доступно рассудку — истинно, что недоступно — ложно. Существует много форм проявления этой крайней субъективизации противоречия. Их *Credo*: диалектика лишена смысла, диалектика-кунштюк, а противоречия — путаница, вздор. Проповедуя языковой фетишизм и крайний феноменализм, позити-

¹ В. И. Ленин, т. 29, стр. 227.

визм игнорирует теоретическое мышление и мешает таким образом развитию науки. Так, современный английский философ Филипп Спрэтт утверждает: «Если признать, что в определенных случаях одна и та же предпосылка и истинна, и ложна, то вслед за этим следует простой и строгий вывод о том, что все предпосылки и их отрицания истинны», т. е. если мы признаем истинными какие-либо два противоречивых суждения, мы вынуждены будем признать истинными все суждения, как бы они ни противоречили друг другу. А это есть не что иное, как языковая путаница». Спрэтт, как видим, не понимает того, что два противоречивых суждения будут «языковой путаницей» не всегда, а только тогда, когда не будут отражать реальных, «живых» противоречий.

Один из «столпов» современного прагматизма американский философ Сидней Хук считает, что «противоречивыми бывают предложения, суждения или утверждения, а не вещи или события», т. е. он отрицает объективный характер противоречий.

К этому по существу примыкает и онтологическая концепция противоречия, которая считает, что противоречия можно изучать также на уровне рассудка, не обращаясь к теоретическому, разумному мышлению. Однако противоречие как всеобщая форма действительности и источник ее развития может быть схвачено и выражено лишь теоретическим мышлением, диалектикой познания.

Категорию противоречия «штурмуют» и многочисленные разновидности пресловутой *теории равновесия*. Хотя эта ложная теория давным-давно опровергнута развитием науки и практики, тем не менее она проявляет себя и сегодня, к тому же в новом наряде. И это не случайно! «Живучесть» ее объясняется тем, что, отвергая противоречия, она выражает и проповедует всеобщую гармонию интересов антагонистических классов. Однако равновесие классовых сил лишь создает внешнюю видимость отсутствия противоречия, на деле оно не исключает противоречия. Концепция столкновения противоположностей как их балансирования и уравнивания, концепция равновесия есть проявление немоши рассудка.

Одни сторонники этой теории стремятся замазать внутренние противоречия капитализма, объявляя их

иллюзорными, а другие — признавая факт наличия противоречий капиталистического общества, но не видя выхода из классового антагонизма, носят с идейкой о вечности классового антагонизма, т. е. о том, что противоположности вечно должны находиться в состоянии балансирования, сосуществования, что антагонизм противоборствующих социальных сил является вечным и т. д. Концепция балансирования и равновесия сил так или иначе, но в конце концов неизбежно приводит к идее первотолчка, перводвигателя, т. е. она в сущности есть мистика. Все эти антидиалектики по существу повторяют давно избитую песню: «Противоречия присущи лишь сознанию, в вещах нет противоречий».

Однако *диалектика понятий, диалектика познания* имеет объективное значение, поскольку его материальный источник — общественно-историческая практика сам есть диалектический процесс, и пытаться очищать действительность и отражающее ее мышление от противоречий — значит ликвидировать противоречия при помощи собственной фантазии. А «стремление устранить противоречия при помощи фантазирования есть вместе с тем подтверждение того, что в действительности имеются налицо те противоречия, которые, согласно благочестивому желанию, *не должны существовать*»¹.

Само по себе признание фактов объективных противоречий еще не выводит мышления за рамки рассудка. Как говорилось раньше, и движные, и «борьбу» противоположностей, и противоречие может признать и метафизик, в особенности современный, ибо эти вещи до такой степени бесспорны, очевидны, что не все отважатся отвергать их. *Все дело в их интерпретации, в их понимании.* Противоречие можно отвергать в разной форме. Скажем, можно признать его, но *отвергать его исторический характер, отвергать его как процесс* (а современная метафизика главным образом именно в такой форме отвергает противоречие). Следовательно, чрезвычайно важное значение приобретает вопрос о понимании противоречия.

Прежде всего следует подчеркнуть, что противоречие в явлении существует *с самого его начала*. Нет такого момента в жизни явления, когда оно было бы

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 26, ч. II, стр. 577.

свободно от противоречия. Мнение, что противоречие в явлении существует не всегда, а возникает на том или ином его этапе, в научном отношении несостоятельно. Прав Гегель, когда утверждает, что наличное бытие страдает внутренним противоречием с самого начала, что нет *абсолютно ничего*, в чем мы не могли бы и не вынуждены были бы обнаружить противоречие, которое есть корень всякого движения и жизненности: лишь поскольку нечто имеет в себе противоречие, оно движется, обладает импульсом и деятельностью. Иными словами, противоречие имеет место на протяжении всей истории явления. Оно возникает вместе с явлением, развивается вместе с ним и исчезает вместе с ним.

Конечно, на начальных ступенях развития предмета, где его противоречия находятся в скрытом, «дремлющем» состоянии, довольно трудно и не всегда возможно уловить, зафиксировать эти противоречия. Рассматривая эволюцию форм стоимости, Маркс в связи с этим указывает, что «в той самой степени, в какой развивается форма стоимости вообще, развивается и противоположность между двумя ее полюсами — относительной формой стоимости и эквивалентной формой. Уже первая форма... — содержит эту противоположность, но не фиксирует ее»¹.

Как бы противоположности ни были неразрывно связаны между собой, их нельзя метафизически отождествлять, они различные стороны единого процесса². Именно потому, что они различны, они находятся в отношении друг к другу. «Уже самый факт, что это есть *отношение*, означает, что в нем есть две стороны, которые

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 23, стр. 77—78.

² Один из способов софистического устранения реальных противоречий и заключается как раз в том, что если обнаруживается единство противоположностей, то оно превращается в абсолютное их тождество. В «Капитале» Маркс, разоблачая апологетизм вульгарных экономистов, показал, что они говорят о единстве там, где существуют противоречия, а это означает не что иное как утверждать, что единство противоположных моментов исключает их противоположность. Так, Милль «разделяется» с противоречием тем, что «фиксирует лишь *единство*», «подчеркивает момент *единства* противоположностей и отрицает *противоположности*. Единство противоположностей он превращает в непосредственное тождество этих противоположностей» (К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 26, ч. III, стр. 86). При помощи такой «логики» противоположности растворяются в их единстве и тем самым противоречие благополучно удаляется как из теории, так и из действительности, что апологету и требуется.

относятся друг к другу. Каждую из этих сторон мы рассматриваем отдельно; из этого вытекает характер их отношения друг к другу, их взаимодействие. При этом обнаруживаются противоречия, которые требуют разрешения»¹.

Выше мы показали, что ни тождество, ни различие противоположностей не бывает абсолютным. А из этого непреложно следует, что противоречие между противоположностями существует *всегда*, хотя степень его зрелости, его характер неодинаковы в разных условиях, оно специфично в каждом отдельном явлении. Но безусловно одно: немыслимо явление без противоречия между противоположностями, независимо от того, в какой стадии развития находится это явление. Возьмем такое явление, как способ производства. Капиталистические производственные отношения на первых порах соответствовали характеру производительных сил. Иначе не было бы никакой необходимости в смене феодализма капитализмом, не было бы бурного по сравнению с феодализмом развития производительных сил. Но и тогда между противоположностями капиталистического способа производства существовало противоречие. «Борьба между капиталистом, — писал К. Маркс, — и наемным рабочим начинается с самого возникновения капиталистического отношения»².

В объективной действительности противоречие есть причина, глубокий внутренний источник изменения и развития. «Борьба» же противоположностей не возникает на том или ином этапе развития предмета. Она абсолютна так же, как абсолютно движение, изменение. Из этого следует, что между противоположностями не бывает никакого момента абсолютного тождества.

Далее, научное познание невозможно, если противоречие рассматривать раз и навсегда данным, мертвым, окостеневшим. Абсолютность противоречивости единства между противоположностями не исключает, а предполагает изменчивость, текучесть этой противоречивости. К метафизике ведет как отрицание абсолютности этой противоречивости, так и отрицание ее изменчивости.

Следовательно, не только явление нужно рассматривать как процесс, но и его противоречие. Не брать его

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 13, стр. 497—498.

² Там же, т. 23, стр. 438.

готовым, а изучать, как оно возникло вместе с явлением, какие различные этапы своего развития, обострения оно прошло, чем стало теперь, какова его природа, его тенденция, каковы внутренние и внешние условия его развития, какая его сторона, в каких условиях преобладает над своей другой и т. д. Поскольку противоречие в зависимости от природы и условий развития явлений бывает различного характера, разной степени зрелости и т. д., то его анализ должен быть конкретным. Его познание невозможно, если игнорировать требование конкретности рассмотрения.

Итак, каждое конкретное противоречие, как любое другое явление, есть *процесс* и в своей эволюции проходит ряд этапов. Так, Маркс не только вскрыл в товаре все противоречия капитализма, но и проследил «развитие (*и* рост *и* движение) этих противоречий и этого общества, в сумме его отдельных частей, от его начала и до его конца»¹. Он самым тщательным образом, вплоть до мельчайших подробностей, показал, как заложенное в товаре внутреннее противоречие потребительной стоимости и стоимости, бывшее вначале скрытым и незаметным, пройдя ряд последовательных качественно своеобразных этапов в своем развитии, вырастает в конечном итоге в резко выраженный антагонизм между основными классами капиталистического общества — буржуазией и пролетариатом.

Поскольку противоречие есть отношение между тождеством и различием в данном единстве, то в развитии любого противоречия можно выделить в самом общем виде следующие основные этапы.

На первом этапе противоречие характеризуется *господством тождества над различием* противоположностей. Здесь, во-первых, не все противоречия явления наличествуют: одни существуют в зародыше, а другие возникают позже: во-вторых, поскольку противоречие находится в скрытом, зародышевом состоянии, оно незаметно, поэтому его нельзя обнаружить и зафиксировать на эмпирическом уровне. Но в то же время господство тождества не исключает различия. Последнее наличествует всегда и своим бытием в тождестве обуславливает его господство. Господство тождества и подчинение различия свидетельствуют о том, что на этом этапе

¹ В. И. Ленин, т. 29, стр. 318.

истинной, действительной противоположностью является тождество. Именно оно характеризует явление на этом этапе.

Процесс обострения, углубления противоречий дополняется *возникновением новых противоречий*, которые непосредственно не содержались в «зародыше», но которые также возникают и, в свою очередь, получают «путевку в жизнь», также проходят процесс обострения, развития. Господство тождества на первом этапе содержит в себе свою собственную противоположность, собственное отрицание, т. е. различие. Последнее еще не совершенно, не развито, находится в подчиненном, зародышевом состоянии и не играет существенной роли в единстве. Господство тождества одновременно есть усиление различия, его имманентное развертывание. Чем совершеннее и продолжительнее господство тождества, тем успешнее и глубже усиление различия. *Развитие тождества есть, таким образом, дальнейшее расхождение противоположностей, т. е. развертывание своей отрицательности, различия, — причем в одном и том же отношении. Усиление расхождения, различия противоположностей мало-помалу, шаг за шагом, последовательно и неизбежно приводит к тому, что различие начинает господствовать над тождеством.*

Второй этап противоречия характеризуется господством различия над тождеством. Последнее из господствующего положения теперь превратилось в подчиненное, а различие из подчиненного — в господствующее. Теперь истинной, действительной противоположностью единства является различие, которое заключает в себе и для себя тождество как свой момент. Противоположности меняются местами, ролями, функциями и т. д., взаимно превращаются друг в друга, в то же время сохраняя единую сущность, на основе которой происходят эти метаморфозы. Дальнейшая эволюция противоречия означает его дальнейшее обострение, обогащение. Оно приобретает новые черты, новые стороны, становится богаче, конкретнее, достигает высшего напряжения и зрелости¹. Возникает объективная необходи-

¹ В этой связи отметим, что один из «фокусов», с помощью которого вульгарные экономисты стремились очистить капитализм от противоречий, состоял в следующем. Рассматривая высшие, более зрелые ступени развития буржуазного общества, где его противоре-

мость саморазрешения противоречия и перехода явления в новое качественное состояние.

Третий этап в эволюции противоречия характеризуется его практическим разрешением и переходом явления в свою противоположность, в новое явление, где совершаются те же процессы.

Необходимо подчеркнуть, что противоречия не ликвидируются, не исчезают сами по себе, не примиряются и не стираются. Ликвидация, устранение противоречия в диалектико-материалистическом понимании есть не что иное, как его разрешение, причем не словесным, а практическим путем. «Разрешение *теоретических* противоположностей, — указывает Маркс, — оказывается возможным только практическим путем, только посредством практической энергии людей»¹.

Разрешение противоречия — это вовсе не примирение составляющих его противоположностей и не «переход их в нуль», а «снятие» и развитие их. Разрешение какого-либо противоречия означает, что борьба противоположных сил получила новую форму своего движения. Поэтому, указав на то, что процесс обмена товаров включает в себе противоречащие и исключаящие друг друга отношения, Маркс отмечает, что «развитие товара не снимает этих противоречий, но создает форму для их движения. Таков и вообще тот метод, при помощи которого разрешаются действительные противоречия»². Разрешение какого-либо противоречия есть исчезновение именно данного конкретного противо-

чия наиболее обострены, они старались «отодвинуться назад» к более низким ступеням его развития, где те же противоречия находятся в скрытом виде и затушеваны, и объявить таким образом эти противоречия несуществующими. Такой антиисторический подход был характерен, в частности, для Сисмонди, который, как говорит Маркс, ищет спасения в возврате к устаревшим формам антагонизма, чтобы избавиться от него в его острой форме.

«Благонамеренная софистика» получается также и в том случае, если только одна сторона противоречия рассматривается в развитии, а другая изучается как неизменная, постоянная. Такая ошибка была свойственна тем буржуазным экономистам, которые «изображают производство в виде вечной истины, изгоняя историю в область распределения» (К. Маркс. К критике политической экономии. М., 1951, стр. 209, а потому не могут понять ни того, ни другого и тем более ни их единства.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 594.

³ Там же, т. 23, стр. 113—114.

речия (а не исчезновение противоречий вообще) и одновременно возникновение другого противоречия, другой его конкретной формы развития.

Если в явлениях противоречие существует всегда, то человеческое познание не сразу и не всегда обнаруживает его. Последнее достигается лишь в процессе сложной и трудной деятельности мышления, посредством которой объективное противоречие «переводится» в субъективное, теоретическое. При этом неперенным условием обнаружения противоречия и правильного его отражения является развитость, зрелость этого противоречия. Так, например, когда капитализм своим движением развил до определенной степени зрелости «содержащиеся в самой действительности реальные противоречия... эти противоречия получили *теоретически* меткое, хотя и неосознанное выражение в теории Рикардо и других политико-экономов»¹. Само познание противоречий проходит несколько этапов, принимая на каждом этапе все более точные формы отражения этих противоречий, что означает все более глубокое и всестороннее разрешение проблем.

Из сказанного непреложно вытекает несколько выводов: 1) новое явление возникает в результате развития и обострения противоречий предшествующего ему старого явления; 2) возникновение, становление нового явления и гибель старого явления есть одновременно и процесс разрешения старых противоречий и возникновения новых противоречий, новое явление возникает (вообще движение, развитие имеет место) благодаря тому, что «борьба» противоположностей *абсолютна*, а их единство относительно².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 26, ч. III, стр. 268.

² Под абсолютностью «борьбы» и относительностью единства противоположностей мы понимаем следующее. Во-первых, новое явление возникает как результат «борьбы» противоположностей и иначе возникнуть не может; во-вторых, «борьба» между противоположностями выступает как внутренний источник развития явления, которое немыслимо без нее; в-третьих, «борьба» противоположностей рано или поздно, но *непреложно в определенных условиях ломает, преодолевает их единство — их взаимоисключение берет верх над взаимопроникновением*, — что ведет к коренному качественному изменению данного явления и возникновению нового; в-четвертых, разрешение противоречия означает, что обе противоположности одновременно погибают, изменяются коренным образом, поскольку про-

Внутри данного единства противоположности взаимно превращаются друг в друга, обуславливая развитие самого единства. Так, взаимопревращение пролетария и буржуа в рамках капиталистического единства состоит в том, что пролетарий, производя и воспроизводя прибавочную стоимость, обуславливает не только свое эксплуатируемое бытие, но и эксплуататорское бытие буржуа, а буржуа, присваивая неоплаченный труд пролетария, обуславливает не только свое эксплуататорское бытие, но и эксплуатируемое бытие пролетария. Буржуазия как класс невозможна без пролетариата, без его труда, точнее, без эксплуатации его труда, но и пролетариат невозможен без буржуазии, без той мизерной доли буржуазной частной собственности, которая служит средством поддержания жизни пролетариата. Так, капиталист производит рабочего, а рабочий — капиталиста. Каждый воспроизводит самого себя тем, что он воспроизводит другого, воспроизводит свое отрицание. Таким образом, это взаимопроникновение противоположностей есть их взаимопревращение. *Перед нами одно и то же отношение: эксплуатация*, где на одном полюсе эксплуатируемый, а на другом — эксплуататор. Это отношение непрерывно воспроизводится до тех пор, пока оно не упразднено.

Что же касается второго аспекта взаимопревращения, то суть его состоит в следующем: *скачок, переход в новое единство означает ликвидацию господства господствующей в старом единстве противоположности* и вместе с этим — подчинение подчиненной противоположности, т. е. ликвидацию обеих противоположностей.¹

цесс его разрешения и есть скачок, переход в новое; и, наконец, в-пятых, противоположности взаимопревращаются, причем их взаимопревращение следует рассматривать в двух аспектах: *внутри данного единства и во время скачка, при переходе к новому единству*.

¹ Нередко утверждается, что при разрешении противоречия будто одна противоположность, победив другую, сохраняется, а другая — погибает. При этом ссылаются на социалистическую революцию, в ходе которой буржуазия погибает, а пролетариат, дескать, сохраняется. Но это внешнее суждение. В сущности *погибают обе противоположности старого единства*, так как победивший пролетариат — не тот пролетариат, который был угнетенным, эксплуатируемым, придавленным и т. д. Эти качества погибают вместе с буржуазией. *Победивший пролетариат есть качественно новое явление*, есть господствующий класс и т. д. Это значит, что обе противоположности погибают одновременно, если понимать под гибелью коренное, качественное изменение, превращение, переход.

Так, в процессе социалистической революции кладется конец господству буржуазии и угнетенному, подчиненному положению пролетариата. Решающим условием этого процесса является *диктатура пролетариата*, без чего невозможен этот переход. Эпоха диктатуры пролетариата есть эпоха *превращения* капитализма в социализм.

Следовательно, *главное* не в том, что есть противоположности, есть «борьба» между ними и т. д., а *главное во взаимопревращении* противоположностей. Истина состоит в том, что «тождество противоположностей... есть признание (открытие) противоречивых, *взаимоисключающих*, противоположных тенденций во всех явлениях», что «*диалектика* есть учение о том, как могут быть и как бывают (как становятся) тождественными *противоположности*, — при каких условиях они бывают тождественны, превращаясь друг в друга, — почему ум человека не должен брать эти противоположности за мертвые, застывшие, а за живые, условные, подвижные, превращающиеся одна в другую»¹. Главное не в том, что есть классовая борьба между пролетариатом и буржуазией, это признает и последняя, а в «устройстве государственной власти» пролетариата, *в завоевании диктатуры пролетариата*, чего не признает буржуазия и ее апологеты.

Вот почему главное в учении Маркса не классовая борьба, а учение о диктатуре пролетариата. «Марксист лишь тот, — подчеркивал Ленин, — кто *распространяет* признание борьбы классов до признания *диктатуры пролетариата*. В этом самое глубокое отличие марксиста от дюжинного мелкого (да и крупного) буржуа. На этом оселке надо испытывать *действительное* понимание и признание марксизма»².

Следует особо подчеркнуть, что взаимопревращение противоположностей нельзя понимать софистически, как механическое «перевертывание» ситуации. Оно не пустое взаимное повторение одного и того же по замкнутому кругу, а развитие, превращение, переход, коренное качественное изменение, восхождение. Так, господство пролетариата означает переход общества в новое, высшее состояние и принципиально отличается от господ-

¹ В. И. Ленин, т. 29, стр. 98.

² Там же, т. 33, стр. 34.

ства буржуазии со всех точек зрения и во всех отношениях. В частности, пролетариат в отличие от буржуазии свое господство не увековечивает, а рассматривает как условие ликвидации эксплуатации человека человеком, всяких социальных классов и всякого социального господства. «Всесторонняя, универсальная гибкость понятий, гибкость, доходящая до тождества противоположностей, — вот в чем суть. Эта гибкость, примененная субъективно, = эклектике и софистике. Гибкость, примененная объективно, т. е. отражающая всесторонность материального процесса и единство его, есть диалектика, есть правильное отражение вечного развития мира»¹.

К фактическому отрицанию противоречия приходят и путем игнорирования принципа объективности и конкретности рассмотрения, когда эклектически смешивают *основное противоречие* с неосновными, второстепенными, или не умеют четко отделить основное противоречие предмета от неосновных. Поскольку в предмете имеется бесчисленное множество противоречий, то, разумеется, познание, учитывая всесторонне это множество, не должно ограничиваться этим, а должно идти дальше, восходить к основному противоречию, дабы вычленять его из всей массы противоречий и рассматривать его особо. Так, изучая множество противоречий капитализма, классики марксизма вместе с тем всегда вычленяли, подчеркивали основное противоречие капитализма — *противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения* и рассматривали его в чистом виде, как особый момент. Без этого познание капитализма не было бы объективным и конкретным.

Основное противоречие является главным условием существования явления и главным источником его самодвижения, развития; оно определяет тенденцию развития и характер множества других внутренних и внешних противоречий явления; оно определяет предпосылки, стимулы, факторы, темпы, степень и т. д. развития явления: и, наконец, его разрешение есть переход явления из одного качественного состояния в другое. Разрешение любого другого противоречия не ведет к коренному каче-

¹ В. И. Ленин, т. 29, стр. 99.

ственному изменению явления, в то время как к такому изменению ведет только разрешение основного противоречия, в результате чего погибает старое и возникает новое.

Так, основным противоречием любой общественной формации, в том числе и коммунистической, является противоречие между производительными силами и производственными отношениями. Совершенно очевидно, что отрицать основное противоречие в способе производства — это значит отрицать решающую, основную роль последнего в жизни общества — безразлично, о каком обществе идет речь. Марксизм давно доказал, что взаимодействие производительных сил и производственных отношений, их *диалектика* является главным источником развития материального производства, что это взаимодействие определяют собою все стороны экономической, а в конечном итоге — и духовной жизни общества, что оно порождает, обуславливает все другие противоречия, определяет тенденцию развития общества и т. д. и т. п.

Разумеется, в каждой общественно-экономической формации основное противоречие бывает особого характера, проявляется в различных, специфических формах, проходит различные этапы развития, порождает соответствующие своему образу и подобию другие противоречия. Например, основное противоречие капитализма, выступающее наружу как антагонизм между пролетариатом и буржуазией, как противоположность между организацией производства на отдельных предприятиях и анархией производства во всем обществе, обуславливает все другие противоречия капитализма, определяет собою тенденцию его развития. Его разрешение есть гибель капитализма и возникновение и становление социализма и т. д.

В социалистическом обществе противоречие между производительными силами и производственными отношениями *неантагонистического* характера, выражается в иных специфических формах и сообразно с этим разрешается иными средствами. Поэтому, разумеется, не должно быть механического сравнения или аналогии с противоречиями буржуазного общества. Так, в частности, партия вскрывала, анализировала, такие неантагонистические противоречия в нашем способе производства, как противоречие между двумя формами социалистиче-

ской собственности, между общественным производством колхоза и личным подсобным хозяйством колхозников, между уровнем обобществления средств производства и формами распределения, противоречия, заключенные в самом принципе распределения по труду, противоречие между общественной собственностью и характером труда, а также другие противоречия в сферах производства, обмена, распределения, потребления и т. д. Чтобы найти в массе противоречий социалистической экономики основное, необходимо ее всестороннее исследование на научном уровне.

Важнейшие особенности диалектики социалистического способа производства состоят в следующем. *Соответствие* производственных отношений производительным силам, в отличие от соответствия в докоммунистических формациях, является *непрерывно совершенствующимся*. В антагонистических формациях соответствие производственных отношений состоянию производительных сил носило кратковременный характер; оно в рамках одной и той же общественно-экономической формации сменялось несоответствием и соответствие восстанавливалось в следующей формации, возникавшей в ходе и в результате социальной революции. *Соответствие производственных отношений производительным силам проявляло себя через периодические свои нарушения — через смену соответствия несоответствием*. Характерная особенность развития антагонистического способа производства состоит в том, что по мере роста производительных сил производственные отношения сначала одними своими сторонами, а затем *в целом* перестают соответствовать производительным силам и из форм их развития превращаются в их оковы.

У антагонистического общества нет никаких объективных условий, факторов, сил для того, чтобы вовремя устранить отстающие стороны производственных отношений и заменить их передовыми, нет никаких условий не доводить дело до конфликта, не допускать нарушения соответствия, так как эти отношения как в целом, так и отдельными сторонами выражают интересы господствующего класса, принимающего все меры для защиты и сохранения этих отношений. Поэтому несоответствие производственных отношений производи-

тельными силам, заключенное в первоначальном соответствии в виде момента, зародыша или возможности, из зародышевого, подчиненного положения впоследствии, по мере роста производительных сил, становится господствующим. *Соответствие нарушается и сменяется несоответствием.*

Таким образом, нарушение соответствия в антагонистических формациях является неотвратимым, *неизбежным*. Следовательно, природа антагонистических производственных отношений такова, что их невозможно в рамках данного эксплуататорского строя подтягивать к уровню производительных сил и обеспечивать их непрерывное соответствие производительным силам. Они с исторической неизбежностью и необходимостью на определенном этапе перестают соответствовать производительным силам в целом, тормозят их развитие, но столь же неизбежно ликвидируются в ходе социальной революции и заменяются новыми, соответствующими отношениями.

Совершенно другую картину представляет собой соответствие социалистических производственных отношений производительным силам.

Раз при социализме ликвидированы частная собственность на средства производства, эксплуатация человека человеком, эксплуататорские классы, то производственные отношения наилучшим образом выражают в единстве личные и общественные интересы всех членов общества. Социализм означает, по выражению Энгельса, такую организацию производства, где, с одной стороны, никто не может сваливать на другого свою долю участия в производительном труде, этом естественном условии человеческого существования, и где, с другой стороны, производительный труд не является средством порабощения людей, а является средством их освобождения, представляя каждому возможность развивать во всех направлениях и действительно проявлять все свои способности как физические, так и духовные¹.

Раз «носителем» производственных отношений при социализме выступают не та или иная группа лиц, противопоставляющая себя всему остальному обществу и сопротивляющаяся росту производительных сил, исходя из своих узкоклассовых интересов, — не тот или иной

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 20, стр. 304.

класс, угнетающий и эксплуатирующий подавляющее большинство населения, как это имело место в антагонистических обществах, а все трудящиеся, все труженики города и деревни, то они заинтересованы в непрерывном развитии производительных сил, в разрешении возникающих противоречий. Если в буржуазном обществе разрешение социальных противоречий невозможно в рамках этого общества и возможно в ходе пролетарской революции, поскольку «в пределах всего антагонизма частный собственник представляет собой *консервативную* сторону, пролетарий — *разрушительную*. От первого исходит действие, направленное на сохранение антагонизма, от второго — действие, направленное на его уничтожение»¹, то при социализме *все члены общества заинтересованы в разрешении возникающих противоречий, следовательно, в улучшении, облегчении своих жизненных условий, следовательно, в развитии, совершенствовании производственных отношений*. Иными словами: раз все члены общества имеют одинаковое отношение к средствам производства, то они одинаково заинтересованы в умножении этих средств, в непрерывном росте производительных сил, так как этот рост есть единственный источник всестороннего и непрерывного подъема их благосостояния. Это и означает, что их производственные отношения должны соответствовать производительным силам *непрерывно*.

Далее. Раз при социализме нет таких социальных классов, которые цеплялись бы за старое и отстаивали бы отжившие отношения, то это означает, что все общество заинтересовано *в своевременной смене отживающих моментов производственных отношений новыми, соответствующими, в своевременном их подтягивании к состоянию производительных сил, в постоянном и непрерывном совершенствовании, развитии их соответствия состоянию, потребностям развития производительных сил*. В социалистическом обществе нет таких противоречий, которых нельзя было бы разрешить и которые могли бы сделать соответствие кратковременным.

Из этого отнюдь не следует, что раз соответствие при социализме является *постоянным, непрерывно прогрессирующим*, то оно есть мертвая, безжизненная, раз навсегда данная абстракция. Напротив, непрерывное

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 2, стр. 39.

соответствие при социализме есть диалектический процесс. Следует указать, что *и при социализме производственные отношения отстают от уровня производительных сил, но, во-первых, это отставание при социализме имеет иной характер, иную специфику, иную, совершенно новую, своеобразную социальную природу; во-вторых, в силу этой своей природы, это отставание всегда преодолевается без социальных революций, потрясений и т. д. и для этого общество всегда имеет все необходимые объективные и субъективные условия, факторы.*

С ликвидацией капиталистических — последних антагонистических производственных отношений общество совершает глубочайший и величайший в истории скачок в новое, качественно отличное состояние, где социальные эволюции, по выражению Маркса, перестают быть политическими революциями, где отставание производственных отношений от уровня производительных сил не обостряется, не усиливается, не становится резким и не вступает в конфликт с производительными силами, *а своевременно, сознательно и планомерно преодолевается всем обществом.*

Отставание социалистических производственных отношений от уровня производительных сил выражается в том, что те или иные моменты производственных отношений, по мере роста производительных сил, устаревают, отживают свой век, вступая в противоречие с последними. *Но так как все общество заинтересовано в устранении этих отживших моментов и так как это противоречие носит неантагонистический характер, общество через свои соответствующие организации своевременно, планомерно изучает, познает эти устаревшие моменты и заменяет их соответствующими, разрешая, таким образом, возникающие противоречия в способе производства.* При чем как старение, отживание отдельных моментов производственных отношений, так и их ликвидация не есть какая-то кампания, не единовременный акт, а постоянный жизненный процесс, выражающийся в том, что на основе непрерывного роста производительных сил в производственных отношениях постоянно происходит процесс отживания, старения то одних, то других моментов, которые, перестав соответствовать производительным силам, решительно устраняются и заменяются новыми, соответствующими.

Следовательно, непрерывность совершенствующегося соответствия производственных отношений уровню и потребностям развития производительных сил обеспечивается самой внутренней диалектикой развития социалистического способа производства. Эта диалектика является *глубоким источником всестороннего и бурного развития социалистического способа производства, глубоким источником непрерывного роста материального и духовного благосостояния членов общества; глубоким источником развития общественной жизни социализма; она воплощает, выражает все преимущества социалистического способа производства, и определяет «физиономию» социалистического общества; она определяет направление поступательного движения социализма к коммунизму, пути, средства, формы перерастания первого во второй.*

КПСС в своей практической деятельности уделяет большое внимание развитию и совершенствованию социалистических производственных отношений. Она видит в этом основной путь перехода к коммунистическим общественным отношениям.

Итак, анализ показывает, что развитие социализма в коммунизм есть сложный диалектический процесс в самом прямом и глубоком смысле слова, что специфика социализма не освобождает его от внутренней, имманентной именно ему диалектики, принципиально отличной от диалектики капитализма. Но вместе с тем эта специфика не дает никакого основания утверждать, что при капитализме имеют место противоречия «расходящихся тенденций», а при социализме противоречия «сходящихся тенденций», что при капитализме абсолютна «борьба», а при социализме — единство, что при капитализме источник развития — противоречие, а при социализме — единство, что, следовательно, диалектика социализма вовсе не диалектика.

Противоречия социалистического общества, как и любые другие противоречия, в своей эволюции также проходят рассмотренные выше три этапа. Развитие предмета есть развитие различия, есть «расхождение», развитие противоположностей, развитие их относительной самостоятельности, их зрелости. Сходное должно расходиться, чтобы вновь сходиться на высшей основе. Если бы противоположности не «расходились», то они не

смогли бы и «сходиться», т. е. не было бы никакого развития.

Для познания противоречий социализма очень важно строго и последовательно применять *принцип марксистского историзма*, чтобы не смешивать различные этапы в развитии противоречий. Например, говорят так: противоположные стороны противоречия между городом и деревней по мере развития социализма в коммунизм «сходятся», «сближаются», и отсюда делается вывод, что при социализме противоречия «сходящихся тенденций». Но что это значит? Чтобы ответить на этот вопрос, надо посмотреть, как возникло это противоречие, какие фазы своей эволюции оно прошло и чем стало теперь. Поступив таким образом, мы придем к заключению, что противоречие между городом и деревней возникло тысячелетия назад, когда появились такие вещи, как частная собственность на средства производства, социальные классы и все прочие атрибуты классового общества, что оно по мере развития этого общества обострилось, достигло своей кульминационной точки в эпоху империализма, что социалистическая революция есть начало разрешения этого противоречия, т. е. начало третьего этапа в развитии этого противоречия.

Следовательно, неправомерна постановка вопроса ни о «расходящихся тенденциях», ни о «сходящихся тенденциях» этого противоречия при социализме, но правомерна постановка вопроса о скачке, т. е. процессе разрешения этого противоречия, процессе его ликвидации и переходе общества в новое, высшее состояние. То же самое нужно сказать и о таких противоречиях, как противоречия между умственным и физическим трудом, между социальными классами и т. д.

Почему познание должно четко и определенно в данном случае проводить принцип историзма? Для того, чтобы отделить, оттенить все те противоречия, которые к нам перешли из прошлых общественных формаций и получают свое разрешение у нас — социализм есть процесс их разрешения, — от тех противоречий, которые рождаются самим ходом развития социализма, проходят три названных этапа своей эволюции, т. е. возникают, развиваются, разрешаются. Первая группа противоречий находится только на третьем этапе, т. е. в про-

цессе разрешения. Следовательно, к ней неприменимы характеристики I и II этапов противоречия. Вторая группа, напротив, в рамках социализма проходит все три этапа — возникает, развивается и разрешается. Подменив вторую группу противоречий первой, наши авторы приходят к тому, что, во-первых, начинают доказывать, что противоречия социализма «сходящихся тенденций», или «не борьба абсолютна, а единство», т. е. приходят к фактическому отрицанию противоречий социализма; во-вторых, они вовсе не исследуют действительных противоречий социализма, а ограничиваются всякий раз чисто умозрительными рассуждениями о первой группе противоречий как противоречий «сходящихся тенденций». В результате действительная диалектика социализма не исследуется, заслоняется рассуждениями о первой группе противоречий, давно исследованных подробно еще в прошлом классиками марксизма. Разумеется, процесс разрешения первой группы противоречий обусловлен второй группой противоречий, т. е. диалектикой социализма, но так или иначе их смешивать нельзя.

Дело не в том, что нет и не может быть явлений без противоречий. Дело в том, что противоречие в разных явлениях, в разных условиях бывает разного характера, разной степени зрелости и напряжения и что для разрешения различных противоречий существуют различные средства. Преимущества социализма перед капитализмом не в том, что социализм будто свободен от противоречий, или при социализме противоречие «однобокос», или не является источником развития, или есть единство без противоречия. Утверждать так — значит на деле отрицать диалектику, а вместе с ней и преимущества социализма, превращать его в мертвую абстракцию.

Преимущества диалектики социализма перед диалектикой капитализма состоят, по крайней мере, в следующем: при социализме противоречия *неантагонистического* характера в то время, как при капитализме противоречия антагонистического характера; неантагонистические противоречия социализма не есть резкое, грубое, «физическое» столкновение людей, классов, в то время как антагонистические противоречия капитализма есть острое, грубое, физическое столкновение враждую-

щих классов, которое неизбежно выражается в таких формах, как классовые битвы, вооруженные восстания, войны и т. д.; в обнаружении и ликвидации противоречий при социализме заинтересованы все социальные группы, слои населения, поэтому общество в целом выявляет и сознательно, планомерно разрешает их, поскольку разрешение противоречий при социализме совпадает с процессом подъема благосостояния всего общества, с развитием социализма, в то время как при капитализме не все классы заинтересованы в разрешении противоречий — буржуазия борется за сохранение противоречия, пролетариат — за его разрешение; ко всему этому при социализме объективная его природа дает возможность разрешения противоречия *своевременно*¹, не превращая их в конфликт, в то время как этого нельзя сказать о капитализме, который исключает возможность своевременного разрешения противоречий, ибо за их сохранение борется господствующий класс, что, разумеется, тормозит развитие общества.

Наше продвижение вперед происходит диалектически, т. е. в порядке непрерывного процесса раскрытия и ликвидации столь же непрерывно возникающих противоречий. С обнаружением и ликвидацией тех или иных противоречий возникают новые. *Ликвидация одних противоречий есть порождение других, подготовка условий возникновения третьих и т. д.* Весь этот процесс возникновения и разрешения противоречий социализма и есть не что иное, как процесс перерастания социализма в коммунизм.

Из рассмотрения единства противоположностей напрашиваются следующие краткие выводы:

1. Единство раздваивается на тождество и различие противоположностей. Ни то, ни другое не бывает абсолютным.

2. Противоречие есть отношение тождества и различия противоположностей в любом явлении².

3. «Борьба» противоположностей абсолютна, а един-

¹ Под *своевременностью* разрешения противоречия мы понимаем такое его состояние, когда различие начинает существенно тормозить развитие.

² Неразработанность общей теории противоречия, недооценка его дефиниции, а также отсутствие строгости в словоупотреблении, когда слова употребляют, не обращая внимания на их содержание, — все это приводит к тому, что под противоречием понимают все, что

ство их относительно. В противном случае не было бы никакого развития, никакого взаимопревращения противоположностей, что является сутью диалектики.

4. Источником развития предмета является противоречие, которое есть процесс: на первом этапе тождество противоположностей преобладает над их различием, что обеспечивает интенсивный рост, развитие противоположностей, т. е. их различия; на втором этапе преобладает различие над тождеством, что означает обострение противоречия и возникновение необходимости его разрешения; третий этап характеризуется практическим разрешением противоречия, преобразованием единства, его превращением в свое другое, новое единство. Смена «тождества» и «различия» местами и ролями выражает собой движение, развитие самого противоречия, которое, достигнув соответствующей зрелости, необходимо разрешается. При этом следует подчеркнуть, что источником развития является не та или другая сторона единства, т. е. не или тождество, или различие, а их *отношение, противоречие в целом*.

5. Цель познания состоит в том, чтобы познать явление так, как оно есть в самой действительности, как целое. Познание, которое выхватывает то одну сторону явления, то другую, к тому же отрывая их друг от друга и абсолютизируя, не может претендовать на истинность своих выводов, так как не является познанием противоречий в самой сущности явлений.

угодно: одни авторы под противоречием все еще продолжают понимать путаницу в мысли в результате неосведомленности, неточного употребления терминов и т. д.; другие — порок, недостатки; третьи — трудности; четвертые — тормоз; пятые — двигатель, толкач, шестые — зло; седьмые — аномалию; восьмые — борьбу противоположностей и т. д. и т. п. (и как не вспомнить изречение Р. Декарта: «Уточните значение слов и вы избавите человечество от половины заблуждений» и споров — добавим мы). Такая пестрая картина определений категории противоречия всегда заключает в себе возможность для всякого рода кривотолков, произвольного толкования, что фактически исключает возможность ее научного познания. На наш взгляд, основным гносеологическим источником неправильного понимания противоречия является отрыв сторон единства — тождества и различия противоположностей — друг от друга. У единства берется одна сторона и отбрасывается другая. У единства берется либо различие, но отбрасывается тождество, либо берется тождество и отбрасывается различие, игнорируется тот факт, что эти стороны одновременно неразрывны.

СУЩНОСТЬ И ЯВЛЕНИЕ

§ 1. СУЩНОСТЬ

Познание противоречий в самой сущности предметов есть познание сущности. Практическое углубление в тайны природы является объективным процессом восхождения, в ходе которого постигающее мышление должно было в интересах практики ставить проблему сущности и выражать свое отношение к ней.

Античная философия эту проблему ставит прежде всего в связи со сложностью познания для отличия истинного знания от ложного, знания от мнения. Само же это отличие обусловлено самой действительностью, где имеется то, что истинно, и то что есть его внешняя кажимость, видимость, являющаяся источником разных мнений. Возникновение категории сущности, следовательно, было вызвано интересами постижения истины, а также интересами определения той объективной реальности, отражением которой является истина. Сущность выступает как такое *коренное, основное* знание, которое и объясняет то, отражением чего она является.

В понимании *Аристотеля сущность есть то, что не высказывается о подлежащем, субстанция и основание специфичности вещи*. Она вместе с тем устойчивое, но активное начало, актуальная, действенная форма, превращающая пассивную материю в вещь. Аристотель высказал ряд ценных мыслей о неразрывности сущности и явления, об отличии сущности от общего, что не всякое общее представляет собой сущность, а последняя — это такое всеобщее, которое определяет единичное и т. д.

Материалисты нового времени в борьбе со схоластикой отстаивали объективную реальность сущности и ее познаваемость. Так *Ф Бэкон*, разработав свой индуктивный метод, полагал, что он и есть новый «орган», надежное орудие познания сущности. Важный вклад в решение проблемы сущности внес *Спиноза* своим учением о субстанции и модусах. Французские материалисты XVIII в., а затем и *Фейербах* развивают дальше материалистическое решение этой проблемы. В особен-

ности Фейербах подвергает основательной критике Канта за принципиальную непознаваемость сущности, за отрыв ее от явления, за отступления от материализма вообще. Тем не менее эта верная критика оказалась недостаточной, поскольку она не выходила за рамки чисто гносеологического аспекта, не опираясь на общественно-историческую предметную деятельность человека, на основе которой только и возможно научное решение проблемы. Кроме того, поскольку домарксистский материализм был метафизическим, созерцательным, то он исходил из абстрактной, раз навсегда данной, неизменной сущности человека.

Современная буржуазная философия, в особенности феноменализм и неопозитивизм, продолжает линию агностицизма Юма-Канта в новых формах. Так, феноменалист Гуссерль считает, что единственной реальностью обладает сознание. Как и Кант, он сущность понимает как идеальную сущность, к тому же воспринимаемую с помощью «интеллектуальной интуиции», также непосредственно как все то, что можно слышать, видеть и т. д. Познание действительности он понимает как переход от одного феномена к другому. Сами же эти феномены не только не связаны с какой-либо объективной сущностью, но последняя является продуктом идеальной интуиции и вне ее не существует.

В таком же духе выступает и неопозитивизм, который проблему сущности и явления считает псевдопроблемой. В понимании, например, Р. Карнапа познание не может выйти за рамки эмпирико-научных вопросов и поставить вопросы о сущности предметов. Такого же взгляда на сущность придерживается и Б. Рассел, который о ней говорит как о «безнадежно сбивающем с толку понятии».

Отрыв явления от сущности — характерная особенность кантианства. Более того, современные неокантианцы «очищают» кантианство от элементов материализма, придают ему более последовательный субъективно-идеалистический характер. Они отрицают закономерности развития, объявляют сущность «логической конструкцией», обманчивой видимостью или «словесной конструкцией» и т. д. и т. п. и приходят к отрицанию самой объективной реальности и ее познаваемости. Отрыв субъективными идеалистами явления от сущности вы-

ражается и в том, что они категорию «основы» («основания») понимают либо как явление без сущности, либо как сущность без явления, и если учесть то обстоятельство, что это делается современными субъективистами после того, как эта проблема нашла свое диалектическое решение в философии Гегеля, хотя и на мистической основе, а затем в марксистской философии на диалектико-материалистической основе, то антинаучный характер кантианского агностицизма становится очевидным.

Между тем категории «сущности» и «основы» — однопорядковые понятия. Основа есть та же «сущность», выражающая связь сущности и непосредственно данного в чувственном созерцании явления, т. е. переход сущности в свое опосредствование, в свои формы существования и развития. «Философы более мелкие, — писал В. И. Ленин, — спорят о том, сущность *или* непосредственно данное взять за основу (Кант, Юм, все махисты). Гегель вместо *или* ставит *и*, объясняя конкретное содержание этого «и»¹.

Гегель доказывал, в частности, что исходить нужно не из одной сущности или из одного явления, а из их неразрывного единства. Сущность — не плод субъективного суждения, а объективный процесс. Вместе с тем Гегель разрабатывает диалектический метод восхождения от явления к сущности и от сущности к явлению как закон познания. Он решительно подчеркивает, что логические категории — не пустые оболочки, а содержательные формы самого бытия, поскольку они имеют содержание уже потому, что они *определены*. Доказывая содержательность категорий, Гегель обосновывает познаваемость мира, критикует агностицизм Канта, называя его «несуразным» за то, что он не допускает познания предмета как он есть в себе, не понимая того, что «вещи себе» есть «не что иное, как не имеющие истинности, пустые абстракции». Кантовская философия исходит из ложной позиции, будто разум не способен познать никакого истинного содержания и в отношении абсолютной истины следует отсылать к вере. Это рассуждение служит «подушкой для лениости мысли», успокаивающейся на том, что все уже доказано и решено.

¹ В. И. Ленин, т. 29, стр. 120.

Поскольку в домарксистской философии материализм и диалектика были оторваны друг от друга, то и решение этой, как, впрочем, и других философских проблем, было либо материалистическим, но метафизическим, либо диалектическим, но идеалистическим. Этот коренной недостаток всей прежней философии был преодолен основоположниками марксистской философии.

Познание *сущности*, разумеется, начинается с ее *кажимости* (видимости), с несущественного, внешнего, которое есть бытие без сущности, есть «ничтожность». У Гегеля учение о *сущности* имеет следующие отделы: сущность как рефлексия в себе самой, *явление* и *действительность*. Первый отдел начинается с анализа видимости. Кажущееся есть несущественное, поверхностное, ничтожное, отрицательная природа сущности. «Кажущееся есть сущность, — комментирует В. И. Ленин Гегеля, — в *одном* ее определении, в одной из ее сторон, в *одном* из ее моментов»¹. Как внешнее, чувственно созерцаемое проявление момента сущности кажимость есть тоже знание, но знание поверхностное, абстрактное, бедное. В «Капитале» Маркса сначала анализируется также простое, обычное, непосредственно данное отношение буржуазного общества — обмен товаров. Каждый без какой-либо теоретической подготовки знает, что товар есть прежде всего внешний предмет, вещь, удовлетворяющая человеческие потребности. Но такое знание, будучи бедным по своему содержанию, в то же время является необходимым моментом, точнее — условием восхождения мысли к сущности. Устремление мысли в сущность снимает этот момент, вскрывая в зародыше все противоречия буржуазного общества. Дальнейший анализ фиксирует развитие этих противоречий, развертывание сущности, прокладываящей себе путь.

Как исторически, так и логически познание невозможно без *кажимости* — последняя является необходимым этапом восхождения мысли к сущности. Кажимость непосредственно не есть сущность, и как внешнее проявление ее момента может выражать сам этот момент *извращенно*² (например, видимое движение Солнца во-

¹ В. И. Ленин, т. 29, стр. 119.

² «...Вещи в своем проявлении, — отмечает Маркс, — часто представляются в извращенном виде...» (К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 23, стр. 547).

круг Земли или видимость того, что заработная плата рабочего является полной оплатой всего труда рабочего, а не его части).

Поскольку сущность есть снятие кажимости и содержит ее в себе как свой момент и поскольку сама кажимость может быть понята только на основе знания сущности, сказанного о кажимости достаточно и целесообразно остановиться более подробно на анализе сущности.

Сущность у Гегеля в «Науке логики» имеет ряд аспектов. Сущность есть, *во-первых*, простое соотношение с собой самой, чистое тождество. Это есть то ее определение, со стороны которого она скорее есть отсутствие определений. *Во-вторых*, подлинным определением служит различие, и притом отчасти как внешнее или безразличное различие, *разность* вообще, отчасти же как противоположная разность или как *противоположность*. *В-третьих*, как *противоречие*, противоположность рефлектируется в самое себя и переходит обратно в свое основание¹.

В первом отделе первого тома «Капитала» «Товар и деньги» Маркс исследует исторические предпосылки возникновения капитала — сущности. Этими предпосылками является товарное производство и развитое товарное обращение, торговля. «Товар — деньги» — это бытие предмета, которое переходит затем в сущность. Во втором отделе первого тома «Капитала»: «Превращение денег в капитал» Маркс исследует процесс превращения денег в капитал, процесс становления *капитала — сущность*. Последний пункт этого превращения — деньги, первая форма проявления капитала. Конечный пункт движения бытия и начальный пункт сущности совпадают.

Анализ процесса производства капитала дает нам основание сделать следующие выводы о категории сущности. Сущность является *внутренним тождеством явлений, общей их основой*. Это — тот аспект сущности, о котором Гегель говорит как о «простом соотношении с собой самой, чистом тождестве». В этой связи Маркс развивает мысль Аристотеля и Гегеля о том, что хотя сущность есть общая основа вещей, но не совпадает с об-

¹ См. Гегель, Соч., т. V, стр. 479.

шим. Верно, что общее может выступать как сущность, но в то же время может и не выступать. Всякая сущность есть общее, *но не всякое общее есть сущность*. Так, различные товары могут иметь общий признак, скажем, им как материальным вещам обще то, что они имеют химический состав. Но такое общее отнюдь не есть сущность товара как экономической категории и искать ее нужно не в химическом, физическом и т. д. составе товара, а в экономических отношениях, овеществленных в товарах. Чтобы отыскать, определять и выделять сущность товара, познание должно, разумеется, изучать всю совокупность связей и отношений, поскольку сущность выступает, как было сказано, *единой основой* не одного данного товара, а множества. На этом уровне непосредственности, данной рассудком, можно находить их общее сходство, общий признак. Однако это лишь подтверждает то, что рассудок всегда есть необходимое, но недостаточное состояние постигающего мышления, и он должен снять себя в разуме, дабы постичь сущность.

Рассмотрение многообразности, всесторонности, индивидуальности свойств, качеств, связей самой данной вещи в себе, несмотря на всю его необходимость и важность, оказывается недостаточным, потому что эти многообразные индивидуальные связи вещи в себе с другими составляют некую *систему* и обусловлены *всеобщей основой, сущностью*, которая является вместе с тем объективным источником научного познания самих этих индивидуальных связей. Для постижения научной истины необходимо за этим многообразием связей и отношений открыть их единую основу, возводить *единичное во всеобщее, бытие в сущность*. «Задача науки, — подчеркивает Маркс, — заключается в том, чтобы видимое, лишь выступающее в явлении движение свести к действительному внутреннему движению...»¹, т. е. к сущности.

Сущность, поскольку непосредственно не совпадает с явлением, не лежит на поверхности предмета, не дана в чувственном созерцании, скрыта от него и постижима только наукой, мышлением, ибо «если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 25, ч. I, стр. 343.

то всякая наука была бы излишня»¹. Так, прибавочная стоимость, принимая различные формы, распадаясь на разные части, как бы скрывается за этими своими формами проявления, становится все более и более неузнаваемой. Она не выступает непосредственно в явлениях, а только путем научного анализа должна быть открыта как «скрытая мистерия». Буржуазная политэкономия в прибыли видела только прибыль и не смогла вследствие «недостаточной силы абстракции» открыть в ней прибавочную стоимость. Маркс же, развивая дальше научную абстракцию, «вылупил» прибавочную стоимость из прибыли, показав, что последняя является лишь формой проявления своей сущности — прибавочной стоимости. *Создание теории прибавочной стоимости Марксом было поистине величайшим переворотом в науке.*

Поэтому, опираясь на данные практики и живого созерцания, познание должно восходить к сущности и за многообразием внешней кажимости явлений открывать их внутреннюю основу, их сущность.

Часто говорят так: сущность познается только абстрактным мышлением. Верно, конечно, что для познания сущности нужно восходить от чувственного созерцания к абстрактному мышлению, к теории. Так, в «Капитале» теоретическое воспроизведение предмета опирается на «монблан» фактов, на обработку колоссального количества эмпирического материала. Это значит, что как в индивидуальном познании, так и в истории познания эмпирическая стадия выступает как необходимая ступень, этап познания. Вместе с тем эта ступень — основа движения мысли от кажимости, явления, единичного ко всеобщему, сущности и выражает собою первую половину пути воспроизведения конкретного: от эмпирического накопления отдельных, разрозненных фактов, к их теоретическому обобщению и открытию их внутренне необходимых связей, законов, сущности — таково содержание этого отрезка пути познания, что является, в свою очередь, основой дальнейшего восхождения.

Сущность есть *процесс*. В «Капитале» Маркс показывает, что капитал есть не что иное, как самовозрастающая, самодвижущаяся стоимость. Она хотя и сохраняет себя как сущность, свою общую природу как капи-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 25, ч. II, стр. 384.

тал, но в то же время развивается, модифицируется, обогащается. Стоимость как всеобщая сущность всякого товарного и товарно-капиталистического производства есть процесс восхождения, обогащения. Само это восхождение в определенных исторических условиях обеспечило превращение денег в капитал, т. е. превращение стоимости в самовозрастающую стоимость. Мы имеем перед собой ту антиномию, которую не решить никакими формальными средствами: стоимости могут отличаться по величине только, но сущность их одна — стоимость: одна денежная сумма может отличаться от другой только по величине, но сущность одна — деньги; абсолютная и относительная прибавочная стоимость отличаются друг от друга, но сущность одна — прибавочная стоимость. И не «с одной стороны и с другой стороны», а со всех сторон *сущность одна*.

Сущность есть наиболее *устойчивая* сторона единства. Иначе и не может быть, поскольку *сущность есть внутреннее тождество, основа множества явлений*. Сущность есть *спокойное* в явлениях. Она охватывает не все явление, а лишь то, что в нем *прочно* сидит, выражает устойчивое в них. «Несущественное, кажущееся, поверхностное чаще исчезает, не так «плотно» держится, не так «крепко сидит», как «сущность»¹.

Сущность есть главная, решающая, определяющая, ведущая, направляющая и т. д. сторона единства, а явление, определяемое сущностью, — подчиненная ей сторона. Одним из главных недостатков домарксистской политэкономии было то, что она не смогла постичь той истины, что капитал является решающим, определяющим отношением из всех отношений капитализма. Маркс, преодолев и этот недостаток, показал, что для научного познания предмета очень важно вычленив его *решающее отношение* и, рассмотрев его в *чистом* виде, оттенить, подчеркнуть его, дабы не отождествлять его с другими, второстепенными отношениями. Это отношение — самовозрастающая стоимость — капитал, который подчиняет себе все и вся, прокладывает сам себе путь, модифицируется, обогащается ценой жесточайшей эксплуатации пролетариата и других трудящихся.

¹ В. И. Ленин, т. 29, стр. 116.

Однако в этом единстве явление, хотя и определяется сущностью, обусловлено ею как своей основой, но в свою очередь, как сказали, обогащает сущность богатством своего индивидуального, особенного, отдельного: сущность сберегает, содержит в себе богатство каждой отдельной формы своего проявления в снятом виде. Следовательно, сущность повторяется во множестве явлений, бытует в них, передается, переносится ими не без собственного изменения, а в преобразованном виде, в специфическом преломлении в каждой отдельной форме своего проявления.

§ 2. ЯВЛЕНИЕ

Сущность является. Явление¹ есть проявление сущности, есть сущность в своем существовании. Не являющейся сущности или сущности вне существования нет. Сказанное, разумеется, не означает, что познание в явлениях также всегда постигает сущность. Когда говорим: сущность всегда является, мы под этим подразумеваем то, что сущность не может существовать иначе, как в своих объективных явлениях, в своих объективных формах проявления. Не являющаяся сущность не есть сущность, а абсолютно пустая абстракция, подобно кантовской непознаваемой «вещи в себе». Что же касается познания сущности, то, хотя непознаваемой сущности нет, но поскольку познание есть *временной и неисчерпаемый процесс, то и познание сущности есть временной процесс: одни сущности познаются на данном этапе, а другие, хотя и проявляют себя в своих объективных формах, но пока скрыты, не познаны и ждут своего познания.* «Мысль человека бесконечно углубляется от явления к сущности, от сущности первого,

¹ В литературе явление часто отождествляется с кажимостью. Однако несмотря на то, что имеются тождественные черты, но есть и различия. Во-первых, кажимость есть всегда момент отражения, а явление в одном аспекте есть отражение, а в другом — существует объективно, вне отражения и отражается сначала в форме кажимости; во-вторых, кажимость есть «ничтожность» сущности в то время, как явление богаче кажимости во всех отношениях; в-третьих, кажимость не включает в себе сущности, а явление включает; в-четвертых, сущность может и не проявлять себя в кажимости, а в явлении — неминуемо. Так, капитал может и не проявлять себя в кажимости, но не проявлять себя в своих явлениях не может.

так сказать, порядка, к сущности второго порядка и т. д. *без конца*¹. Постигающее мышление не должно смешивать эти разные вопросы. Их смешение было как раз одним из гносеологических источников различных разновидностей и идеализма, и агностицизма.

Являющаяся сущность есть непосредственность, есть *существование*. Все, что есть, существует. Если налицо все условия некоторой мыслимой вещи, то она вступает в существование. Сущность, достигшая непосредственности, есть *ближайшим образом существование*, а как неразличенное единство сущности с ее непосредственностью, она есть существующее или *вещь*².

Так, у Маркса процесс обращения капитала есть *явление*, а его кругооборот есть непосредственность капитала, есть его существование. Поэтому Маркс анализ процесса *обращения* капитала начинает с «метаморфоз капитала и их кругооборота», т. е. с существования капитала. Хотя исследование процесса производства сущности — капитала теперь и пройденный этап восхождения (Маркс во II томе специально не возвращается к нему), но оно составляет основу дальнейшего изучения движения капитала, без которого нельзя понять ни существования, ни явления капитала. Иными словами, опираясь на исследование процесса сущности, рассмотренного в чистом виде, теперь, на достигнутом этапе исследования, Маркс, также в чистом виде, исследует процесс явления, — конкретные формы проявления капитала в сфере обращения. Теперь предмет исследования есть явление — *обращение* капитала.

Кругооборот капитала есть непосредственность, принимающая денежную, производительную и товарную формы, содержанием которых, так или иначе, является опять-таки капитал и в которых последний не просто пребывает, а функционирует, обогащается, сохраняя свою природу. Капитал в своем функционировании проходит ряд последовательных стадий. Так, денежный капитал проходит следующие стадии: Д—Т... П...Т'—Д'. Рассмотрев в чистом виде существование — кругооборот *денежного, производительного и товарного* капиталов, как три самостоятельные функциональные формы,

¹ В. И. Ленин, т. 29, стр. 227.

² См. Гегель, Соч., т. V, стр. 572.

Маркс затем переходит к анализу явления-оборота капитала. Анализ же показывает, что в действительности имеет место не отдельный акт кругооборота, а процесс прерывно-непрерывного возобновления кругооборота. Кругооборот капитала, определяемый не как отдельный акт, а как *периодический процесс*, снова и снова повторяющийся через определенные промежутки времени, есть оборот капитала. Непосредственность кругооборота капитала снимает себя в опосредствовании, поскольку речь идет уже не об отдельном акте кругооборота, а о периодическом процессе — обороте, который, в свою очередь, снимает себя в анализе *воспроизводства и обращения всего общественного капитала*.

Таким образом, капитал существует в обращении и возможен в нем как сущность в явлении и не иначе. Обращение капитала есть капитал в его существовании, есть существенное отношение, есть явление капитала. Явление есть, таким образом, сущность в ее существовании: сущность наличествует в нем непосредственно. Существование, как *существенное* существование, есть явление.

Сущность и явление взаимопроникают, взаимно обуславливают друг друга. Сущность является. Явление существенно. Ни сущность без явления, ни явление без сущности невозможны. Сущность существует (является) не иначе как в отдельном — в единичных, отдельных, реально существующих вещах, процессах, явлениях. Вне отдельного нет сущности. Отдельное явление есть проявление сущности, содержит ее в себе как основу своего существования и развития.

Все единичные явления отличаются друг от друга множеством специфических признаков. черт, свойств. Но вместе с тем они имеют одну общую основу, *взаимосвязаны* внутренним единством, обоснованы *сущностью*.

Взаимосвязь и взаимодействие явлений есть их всеобщая характеристика, выражающая тот факт, что явления не изолированы друг от друга, а находятся в бесконечных связях друг с другом. Все связано со всем благодаря тому, что каждое явление, кроме общей основы, имеет свою специфику, свою индивидуальность, свое особое свойство, которое есть *отношение* или связь. Именно благодаря свойствам явлений имеет место их взаимосвязь или взаимоотношение. Явление вне взаимо-

связи — *ничто*. Однако научное познание не задерживается на этой абстракции, не ограничивает себя констатацией этого самоочевидного факта. Вместе с тем оно, во-первых, устанавливает, что взаимосвязь явлений и есть их *взаимодействие* через их свойства; во-вторых, поскольку знание общей картины взаимосвязи и взаимодействия явлений далеко недостаточно, оно стремится к раскрытию конкретного содержания, конкретного взаимодействия, конкретного единства: в-третьих, при раскрытии содержания конкретного взаимодействия обнаруживается, что последнее есть не что иное, как взаимопревращение противоположностей, изменение, развитие. Взаимодействующие явления всегда составляют некую систему — в конечном итоге безграничную и бесконечную действительность, внутри которой противоположности, взаимно превращаясь друг в друга, обеспечивают ее развитие, обогащение.

§ 3. ВЗАИМОПРЕВРАЩЕНИЕ СУЩНОСТИ И ЯВЛЕНИЯ

Сущность в своем существовании есть *действительность*, или, как говорит Гегель, действительность есть единство сущности и существования. Познание предмета как целого возможно, как уже отмечалось, при одном условии, если оно не останавливается на самостоятельном анализе каждой из противоположностей единства, а идет дальше, восходит к их синтезу.

Раздвоение единства и самостоятельный анализ *сущности*, а затем и *явления* есть движение мысли в отрицательном по отношению к исходному направлении, а их *синтез* есть движение мысли в противоположном, положительном направлении, есть *процесс восстановления их единства на высшей основе*. Вместе с тем анализ показывает, что ни сущность, ни явление сами по себе не есть *целое*, а есть его стороны или части. Только их диалектический синтез (но не сумма) дает целое в его полноте. Это значит, что, во-первых, действительность выше, чем бытие и чем существование; во-вторых, она есть цельность, совокупность, точнее сказать, синтез своих моментов, потому и богаче, выше, конкретнее.

Чрезвычайно важно подчеркнуть, что сам этот синтез следует понимать диалектически, т. е. как развитие,

как *взаимопревращение противоположностей*, как переход противоположностей друг в друга и в новое, высшее состояние. Поскольку сущность и явление не только тождественны, но и различны в своем тождестве, постольку и они переходят друг в друга: явление — в сущность, а сущность — в явление. Иными словами. их различие есть внутренне необходимое условие их синтеза, их *взаимоперехода*.

Взаимопревращаемость сущности и явления выступает как основное *содержание* всего пути познания и в особенности его второй половины, поскольку речь идет о синтезе, единении раздвоенных противоположностей. Мышление отходит от внешности, кажимости и углубляется во внутреннюю природу предмета, просвечивая ее. «Мышление, восходя от конкретного к абстрактному, не отходит — если оно *правильное...* — от истины, а подходит к ней. Абстракция *материи, закона* природы, абстракция *стоимости* и т. д., одним словом, все научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, *полнее*»¹. Сведение явлений к их единой основе, к сущности, открытие закона их существования и развития есть в познании *превращение* явления в сущность. На этом отрезке пути познания, характеризующемся главным образом анализом и индукцией, единичное возводится во всеобщность, явление переходит в сущность.

Однако познание не ограничивается вычленением сущности. Оно пускается как бы в «обратный» путь и начинается из сущности, из *единой основы объяснять одно явление за другим*. Так, например, «научный анализ конкуренции становится возможным лишь после того, как познана внутренняя природа капитала, — совершенно так же, как видимое движение небесных тел делается понятным лишь для того, кто знает их действительное, но чувственно не воспринимаемое движение»². На этом отрезке пути познания, характеризующемся главным образом синтезом и дедукцией, *сущность переходит в явление. От чувственно-конкретных явлений к сущности и от последней к мысленно-конкретным явлениям на высшей основе, т. е. на основе синтеза сущности*

¹ В. И. Ленин, т. 29, стр. 152.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 23, стр. 326—327.

*и явления — таков путь научного познания*¹. В высшей степени важно подчеркнуть, что движение познания от сущности к явлениям не есть механическое перенесение сущности, а есть ее *обогащение, ее обрастание «плотью и кровью», богатством единичных явлений, поскольку сами явления переносят на нее нечто специфическое, свое богатство*. Это значит, что конкретное содержание явления обусловлено не только сущностью, но и множеством внешних связей и обстоятельств, в которых проявляет себя сущность.

В этой связи заметим, что требование диалектики объективности рассмотрения вещи в самой себе, исследование ее относительной самостоятельности и устойчивости, сущности и т. д. вовсе не означает игнорирование анализа *внешних* условий предмета. Разумеется, всестороннее рассмотрение не может быть всесторонним, если игнорировать внешние связи и отношения, внешние условия, обстоятельства существования, развития предмета. Когда мы подвергли критике тех, кто игнорирует сущность, внутреннее и все дело сводит к внешности, то этим мы вовсе не хотели сказать, что познание должно игнорировать внешние условия. Нельзя ни отрицать внешнее, ни недооценивать его роль в жизни предмета, ибо само внутреннее объективно невозможно без внешнего и для его познания нужно познание внешнего. Истинное познание сущности возможно, если рассматривать ее всесторонне — в единстве внутреннего и внешнего. Сущность, «очищенная» от своего богатства внутренних и внешних связей и условий, есть пустая абстракция.

Истинное познание должно исходить из единства тождества и различия внутреннего и внешнего. Тождество их состоит в том, что они друг друга обуславливают, взаимопроникают и взаимопревращаются — внутреннее превращается во внешнее, внешнее — во внутреннее. Вместе с тем эти стороны различны, отличаются друг от друга своим местом, ролью, характером, положением, спецификой и т. д. в этом их единстве. Позна-

¹ Следует подчеркнуть, что эта закономерность движения познания проявляется (разумеется, специфически) в истории развития *всех* без исключения частных наук.

ние должно сосредоточить свое внимание на *внутреннем*, поскольку оно характерно предмету, оно составляет его внутреннюю жизнь. *сущность*, которая для своего проявления использует и подчиняет себе внешние условия. С другой стороны, сущность может проявлять себя лишь в определенных внешних условиях, отношениях (как, например, капитал в своем обращении). Ведь ясно само по себе, что не было бы никакого капитала без его обращения. Более того, только их взаимопревращение есть восхождение, развитие капитала, который является конкретным, целым благодаря своему единству со всеми своими многообразными внутренними и внешними связями. Поэтому для имманентного рассмотрения предмета нужен анализ, кроме всего прочего, и внешних условий, сведение последних к внутреннему, поскольку сама внутренняя имманентная жизнь предмета есть превращение внешних условий в его внутренние процессы, в его содержание.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ И ФОРМА

§ 1. СОДЕРЖАНИЕ

Сущность в своем существовании есть целое, есть единство содержания и формы. Переход сущности в содержание и форму есть обогащение самой сущности, есть ее конкретизация. *Все то, что организовано формой, выражается, проявляется и отражается в ней, есть содержание.*

Первые представления об этих категориях у философов рабовладельческого общества были результатом непосредственного созерцания и основывались на отличении явлений по их форме. Так, *Демокрит* считал, что мир состоит из вечно движущихся, существующих объективно атомов, которые отличаются друг от друга по *форме*, порядку и положению, а по качеству одинаковы. Под «формой» он понимал количественную характеристику атомов. Это, разумеется, наивное представление о

форме, выражающее лишь момент, элемент стихийного представления, тем не менее, как Демокрит, так и другие древние материалисты (в противоположность объективному идеализму Платона) не допускали существования форм изолировано от содержания, духовного от материальных чувственных вещей. Чувственные вещи Платон считал бледными отпечатками, «теньями» вечных и неизменных сверхчувственных духовных сущностей-идей. Материя — пассивный «восприимчивый» идей; она неистинна, есть небытие, а мир идей есть ее истинное содержание. «Идеи» Платона — это не что иное, как оторванные от реального, объективного содержания мертвые, раз навсегда данные, неподвижные мыслительные формы, которые превращаются им в самостоятельные «отдельные существа».

Заслуга Аристотеля состоит прежде всего в том, что он впервые подробно разработал законы и категории мышления как отражение реальных, объективных отношений вещей. Правда, у Аристотеля тоже еще нет *прямой постановки* проблемы содержания и формы, поскольку в числе названных им категорий нет таких, как содержание и форма. Но это не значит, что он последние вовсе не исследовал. Считая, что сущность есть главное в предмете, его основа, Аристотель тем самым (правда, лишь одной стороной) ставил вопрос и о категории *формы*, так как в его понимании форма и есть сущность вещей. Исследуя соотношение категорий *материи и формы* — один из центральных вопросов своей философии, — он охватывает в известной степени также проблему содержания и формы¹.

Вскрыв несостоятельность мистического учения Платона о мире «идей», он доказывает объективное существование материального мира. Идеи не существуют отдельно, изолированно от действительности, а имеют «плоть и кровь». Вещи не есть «тени» идей. Понятие ни в коем случае не является причиной существования вещи.

Однако, признав в конечном итоге самостоятельное существование общего независимо от отдельного, Арис-

¹ «В известной степени» потому, что у Аристотеля понятие материи не идентично с современным понятием содержания, а понятие формы также не идентично с современным понятием формы.

тоталь отходит от материализма и доказывает, что материя не есть действительность, а лишь возможность, что она пассивна, не способна к изменению и т. д. Чтобы материя стала вещью, возможность — действительностью, нужно присоединение формы к материи. Только под воздействием формы материя становится действительностью. Только форма создает конкретные вещи. Она активна, действенна, является сущностью вещей и их движущим началом. Однако противоположение формы материи, материи форме не вечно, а преходяще, условно, ибо материя и форма находятся во взаимопереходах. Не только материя превращается в форму, но и форма становится материей. То, что в данном отношении выступает как форма, в другом выступает как материя. Этим Аристотель подчеркивает мысль, что бытие при помощи формы переходит из одного состояния в другое. Движение же он понимает как деятельность формы, как процесс превращения материи в форму, возможности — в действительность.

В высшей степени интересным является понимание Аристотелем формы как *организации и устойчивой* стороны вещи. Однако он отходит от этого, утверждая, что форма стоит впереди материи и есть нечто в большей мере существующее, что она на том же основании будет стоять и впереди того, что слагается из них двоих. «Поставив» форму впереди материи, лишив материю активности и жизнедеятельности, он неизбежно пришел к утверждению о существовании первоначальной, нематериальной, «чистой», свободной от всякой материи формы. Эта форма вечна, неподвижна, господствует над всей Вселенной. Она есть «форма форм», т. е. бог.

После античной философии в истории категорий содержания и формы, а также всей философской мысли в целом, наступает период безраздельного господства схоластики. Последняя очищает учение античных философов, в особенности учение Аристотеля о форме и материи, от всего разумного, положительного и абсолютизирует слабые, ненаучные моменты, используя их в богословских целях. Во всех схоластических спекуляциях главную роль играл *отрыв формы от объективного содержания*, от реального мира, понимание формы как мертвой, раз и навсегда данной, абсолютно чистой, свободной от материи сверхъестественной силы.

Материалисты XVII и XVIII вв. развили лучшие традиции античных мыслителей по вопросу о материи и форме. В частности, *Ф. Бэкон* считал, что предметом науки может быть только материя (природа) и ее свойства. Ответы на вопросы, выдвигаемые наукой, нужно искать «не в кельях человеческого ума», а в самой природе. В отличие от Аристотеля он не лишает материю внутренней активности, а рассматривает ее как активное, деятельное начало, порождающее многообразие своих объективных форм. Какова бы ни была первоначальная материя — она необходимо должна быть облечена в известную форму, одарена известными определенными свойствами и устроена так, чтобы всякий вид силы, качества, содержания, действия и естественного движения мог быть ее последствием и ее произведением. Материи изначально объективно свойственны неотъемлемые от материи первичные формы, которые являются источником «природ» или «натур», т. е. физических свойств тел. Эти первичные формы суть живые, индивидуализирующие, внутренне присущие материи, создающие специфические различия *сущностные* силы.

Форма, по Бэкону, — неотъемлемое свойство материи, постоянно пребывающее в природе и присущее только ей, иначе форма не была бы формой. Формы есть силы, *законы* действия, которые создают какую-либо простую природу, как, например, теплоту, свет, вес во всевозможных материях и воспринимающих их предметах. Одно и то же есть форма тепла или форма света и закон тепла или закон света.

Таким образом, Бэкон форму ищет в самой материи, а не вне ее, доказывая их неразрывное единство. Его утверждение, что многообразие форм является результатом постоянного изменения материи, приближает его к научному пониманию материи. Вместе с тем, верный перенесенному им же самим из естествознания в философию метафизическому методу, Бэкон считал, что существует ограниченное количество форм, которые вечны, неизменны, и что только это их свойство является главным *условием* их познания.

Отрицая диалектический характер мышления и решающую роль практики в познании, домарксистские материалисты, в том числе и Бэкон, не видели преобразующей роли мышления, которое активно воздействует

через практику на мир. Поэтому и случилось так, что вопрос об активной роли мышления, о его формах — логических категориях и понятиях — более подробно разрабатывали идеалисты, но, разумеется, в мистифицированном виде. Такова, в частности, философия Канта.

Исходным тезисом в гносеологии *Канта* является отрыв формы от содержания. По его мнению, категории не связаны с «вещами в себе», не отражают их, вообще лишены всякого реального эмпирического содержания, являясь лишь априорными формами рассудка, пособием субъекта. Их значение состоит в том, что они вносят порядок в природу, а priori предписывая закономерность явлениям. Вместе с тем Кант пытается дать субординацию категорий, создать их систему и путем их деления по принципу триады подчинить диалектике, отличить трансцендентальную — содержательную логику от общей, или формальной и т. д.

До Гегеля философы изучали лишь те или иные стороны, моменты категорий содержания и формы, выделяли их всеобщие абстрактные определения без синтеза, без воспроизведения целого. *Гегель* же впервые дает анализ этих категорий синтетически, всесторонне, представляя их как диалектически расчлененное единое целое. Материалистически переосмысленное классиками марксизма это достижение и является *диалектико-материалистическим решением проблемы*.

Категории содержания и формы всесторонне разрабатывает *Маркс* в «Капитале», опираясь на который можно вывести следующие определения содержания.

Содержание прежде всего есть все то, что *организовано формой и выражается, проявляется, отражается в ней*. Однако это определение Маркс конкретизирует, поскольку категория содержания по мере *восхождения от абстрактного к конкретному* обогащается различными своими определениями и модификациями, выражающими его переходы в другие категории. Так, содержание есть *общее, выражаемое в отдельном (богатство товаров, выражаемое в отдельном товаре); данное явление, выражаемое в другом явлении (стоимость одного товара выражается в другом товаре); материя, существующая в своих формах — пространстве, времени и движении; материальное, являющееся источником духов-*

ного и отражаемое в нем (общественное бытие — источник общественного сознания) и идеальное, выражаемое в материальном (мысли и чувства, опредмеченные, овеществленные в предметах труда) и т. д. Между всеми этими модификациями содержания имеются общие черты: содержание во всех своих аспектах по отношению к форме является ведущей стороной, подчиняет себе форму, существует через нее и выражается в ней и т. д., но имеются и отличительные черты. Познание должно строго учитывать и общие и отличительные черты содержания.

Содержание включает в себе свою форму и в этом единстве играет *ведущую* роль: оно *более подвижная*, *непрестанно изменяющаяся* сторона единства, а форма — *более устойчивая* и *менее подвижная* его сторона; оно *своими изменениями обуславливает отставание и старение формы*, порождает все условия для замены отжившей, несоответствующей формы новой, соответствующей; отношение между *непрестанно изменяющимся содержанием и устойчивой формой есть глубокое противоречие*, которое по мере роста содержания обостряется, развивается и наконец разрешается путем сбрасывания старой формы и переделки содержания; *в непрерывных изменениях содержания находит свое проявление изменчивая сторона единства*, а в форме — его устойчивая сторона. Поэтому в их взаимоотношениях не бывает непротиворечивого этапа — этапа абсолютного соответствия. *Противоречие между ними есть не особая стадия в развитии, а оно само проходит различные стадии развития, обострения и наконец разрешается путем сбрасывания отжившей формы и переделки содержания; последнее порождает себе соответствующую форму, определяет тенденцию развития формы, а также подчиняет себе, использует в интересах своего развития разные — и новые и старые формы.*

Анализ содержания должен конкретизироваться в анализе формы, поскольку последняя, так или иначе, есть его проявление. Ее самостоятельное исследование является следующим этапом восхождения в познании этих категорий.

§ 2. ФОРМА

Форма есть содержание в его существовании. В «Капитале» Маркса форма выступает как *внутренняя организация содержания, способ его существования, способ его проявления и отражения, а также его внешность*. Вместе с тем в исследовании у Маркса эта категория также претерпевает свои модификации, переходя в такие категории, как *единичное, отдельное, выражающее всеобщее* (отдельный товар, выражающий скопление товаров, форма стоимости, выражающая стоимость, и т. д.); *данное явление, выражающее другое* (меновая стоимость форма выражения стоимости); *формы бытия материи — пространство, время и движение; материальное, выражающее духовное* (предметы труда, выражающие мысли и чувства); *духовное, отражающее материальное* (общественное сознание как отражение бытия) и т. д. Между всеми этими модификациями формы имеются не только общие, тождественные, но и отличительные черты. Познание должно исходить из их единства.

Ведущая роль содержания не только не исключает, а предполагает влияние¹ формы на содержание, ибо

¹ Мы в своих, ранее вышедших работах придерживались широко распространенного мнения, что форма есть активное начало. Дальнейшее исследование этих категорий привело нас к убеждению в том, что такое понимание роли формы в научном отношении не состоятельно. Как мы увидели выше, мнение об активности формы и пассивности содержания (материи) берет свое начало у Аристотеля, которое получает свое дальнейшее развитие у идеалистов, в особенности у Гегеля, который писал совершенно определенно: «Материя, как то, что определено быть безразличным есть *пассивное, в противоположность* форме как *деятельному*» (Гегель, соч. т. V, стр. 535). Однако невозможно согласиться с этим идеалистическим взглядом на материю. В связи с этим некоторыми нашими философами внесена известная поправка в это положение, которое ныне приняло следующий вид: содержание играет *ведущую* роль, а форма — *активную*. Но эта поправка в сущности не меняет положения, выдвинутого Аристотелем, а лишь видоизменяет его. В самом деле. Если форма активна, то, сколько бы мы ни уверяли себя и других в ведущей роли содержания, последнее пассивно. Это подразумевается! Ибо в конкретном единстве нет активности без пассивности, нет активности формы без пассивности содержания. Активность всегда есть пассивность, а пассивность — активность. Если одна противоположность единства активна, то другая — пассивна. Вместе с тем понятия активности и пассивности есть процесс, они взаимопереходят, взаимно превращаются друг в друга. Все это является достаточным снованием, чтобы отказаться от термина «активная роль» формы.

речь идет о взаимодействии содержания и формы. Это выражается в том, что форма организует и выражает содержание. Поскольку ей внутренне присуща устойчивость, она является условием дифференциации, а следовательно, эволюции действительности, организует и выражает общее в отдельном, сущность — в явлении¹, формирует определенное, устойчиво существующее содержание и выражает его; она воплощает непрерывные изменения содержания в определенных «границах», т. е. воплощает не абсолютно, а *относительно*. В противном случае она не могла бы выполнять свою функцию организации содержания, «придавать» ему определенную устойчивость и выражать его. Это означает, что форма должна одновременно воплощать содержание и противостоять его изменениям.

С одной стороны, если бы форма не воплощала, не удерживала в себе содержание и его изменения, то она не была бы формой, не было бы никакой дифференциации, никакого содержания и никакой формы. Вместо расчлененного, бесконечно многообразного богатства мы имели бы нечто неопределенное, аморфное.

С другой стороны, если бы форма воплощала содержание и его изменения абсолютно, исчерпывающе, то не было бы никакого развития, никакого перехода от одной формы к другой, т. е. не было бы никакого усложнения, никакого многообразия форм. Но означает ли устойчивость формы отсутствие ее изменений? Непрерывно изменяется все единство — и содержание, и форма. Но в том-то и заключается роль формы, что благодаря ее устойчивости единство, несмотря на свою непрерывную изменяемость до определенного момента остается тождественным себе, форма как бы удерживает единство и его изменения в определенном качественном состоянии до тех пор, пока сама не изменяется коренным

¹ Прав Гегель, когда пишет, что форма есть та самая абсолютная отрицательность, в силу которой сущность есть не бытие, а сущность. Форма имеет в своем **собственном** тождестве сущность, равно как сущность имеет в своей отрицательной природе абсолютную форму. Нельзя, стало быть, задавать вопрос, каким образом форма приводит в сущность, ибо она есть лишь свечение последней в себя самое, ее собственная, имманентная ей рефлексия. Комментируя эти положения Гегеля о взаимосвязи формы и сущности, В. И. Ленин пишет: «Форма существенна. Сущность формирована. Так или иначе в зависимости и от сущности...» (В. И. Ленин, т. 29, стр. 129).

образом, в результате опережающих изменений содержания. А коренное изменение формы есть коренное изменение всего единства, следовательно, и содержания.

Перед нами противоречие: с одной стороны, непрерывно изменяются как содержание, так и форма, а с другой — эти стороны единого изменяются *неравномерно*: изменения содержания объективно опережают изменения формы, имеют другой характер.

С вопросом об устойчивости формы связан и вопрос об ее относительной самостоятельности. Форма относительно самостоятельна по отношению к своему содержанию. Это выражается в ее относительной устойчивости, преемственности в развитии, а также в том, что, определяясь содержанием, она влияет на его развитие и в определенных условиях изменяется одновременно как в результате изменений содержания, так и в результате непосредственного воздействия на нее внешних условий. Причем в различных аспектах формы степень ее относительной самостоятельности различна. Когда форма не является внутренней организацией содержания, относительная самостоятельность ее усиливается, она становится более устойчивой, более самостоятельной по отношению к своему содержанию-источнику. Например, внешняя форма понятия более самостоятельна, чем его внутренняя форма. Когда форма является непосредственной организацией своего содержания, ее *относительная самостоятельность* ослабляется; ее характер, продолжительность, степень или характер влияния на содержание и т. д. зависят непосредственно от природы содержания, от характера противоречий единства, условий его развития, от характера взаимодействия содержания и формы.

Относительная самостоятельность формы, впрочем, понимается по-разному, допускаются крайности, игнорирующие принципы объективности рассмотрения, ведущей роли содержания, роли формы, их взаимодействия. Нарушение этих требований диалектического материализма также вносит путаницу в научное познание. Но, к сожалению, такое «нарушение» имеет место: одни отрицают роль формы в развитии содержания, т. е. абсолютизируют ведущую роль содержания и проповедуют фатализм. Другие же абсолютизируют форму, ее роль понимают как главную, и проповедуют формализм.

В современной буржуазной философии и социологии, например, в одном случае роль формы в развитии содержания отрицается либо путем выхолащивания самой сути категории формы, либо путем абсолютизации категории содержания.

Однако более широко распространенным является формализм. Последний означает искусственный отрыв формы от содержания, гиперболизацию, чрезмерное преувеличение значения формы или ее отдельных элементов в ущерб содержанию. Будучи проявлением субъективизма, формализм имеет свои многочисленные разновидности, оттенки в различных областях познания — в искусстве, литературе, науке, философии, политике и т. д. В искусстве он проявляется либо в ложном произвольном формотворчестве, либо в абсолютизации формы и отрыве ее от жизни, общества. В литературе он означает нарочито заумную запутанность, двусмысленность, неопределенность изложения, нарушение логической связи между словами, ломку литературного языка; в живописи — деформацию зрительных форм, разрушающую, уродующую художественный образ, в частности образ человека; в архитектуре — отрыв формы от функционального назначения сооружения, от идейного содержания. В музыке формализм выражается в том, что мелодия утрачивает целостность и заменяется алогичным чередованием интервалов, гармонические аккорды заменяются какофоническими образованиями и т. д. В театре, кино он уничтожает в актерской игре все живое, человеческое, все психологическое содержание; человек изображается абстрактно, вне связи с жизнью. Во всех своих проявлениях в искусстве и литературе формализм подрывает как форму, так и содержание произведения искусства, которое в этом случае по существу ликвидируется.

Формализм в современной буржуазной философии и в частных науках выражается в отрыве формы от содержания, в абсолютизации ее роли, в приписывании ей сверхъестественных свойств, в ее обожествлении и т. д. Различные философские школы и школы — холизм, формальная онтология, феноменология, логический анализ, семантический идеализм, логический атомизм, различные разновидности неопозитивизма и т. д. — как бы ни отличались друг от друга в частностях, сходятся

в главном, в том, что они абсолютизируют роль формы и игнорируют *ведущую роль содержания*. Все они по-разному приходят к тому, что считают форму, «структуру», «организацию структуры» самой главной, самой существенной характеристикой всего сущего, что структура важнее содержания, что всякая структура имеет абсолютную, независимую от содержания самостоятельность и т. д. Так, например, один из выдающихся физиков Э. Шредингер утверждает, что элементарные частицы не имеют содержания, а представляют собой чистые формы. Когда мы слышим слово форма, пишет он, то привычной языковой иллюзией является требование, что должна быть форма чего-то, что материальный субстрат необходим для формы... Но когда мы подходим к первичным частицам, составляющим материю, то оказывается, что нет такой точки зрения о них, как о составляющих саму материю. Они являются, как это и было всегда, чистой формой, ничего, кроме формы, что обращает нас снова и снова к усиленному исследованию этой формы, а не отдельных частиц материи.

Аналогичной точки зрения придерживаются Гривнер, утверждающий, что электрон в действительности есть не более как структура, образованная из результатов измерения, и Марх, который, искажая достижения науки, пишет: «Невещественность элементарных частиц — исключительно важная черта современной физики. И физика идет к тому, что мертвая материя изгоняется из картины мира и заменяется полной жизни игрой форм».

Однако форма без содержания — такая же бессмыслица, как и содержание без формы. И допустить форму без содержания, форму без того, что она организует и выражает, или игнорировать ведущую роль содержания — значит проташить идеализм, «боженьку», и безразлично, назовем ли мы такую «чистую» форму формой, идеей, или богом.

Очевидно, из протеста против этих двух крайностей возникло и такое мнение, согласно которому истина будто состоит в том, что в одном отношении ведущую роль играет содержание, в другом — форма. Но и такая дуалистическая точка зрения не выдерживает научной критики. Если признать, что ведущая роль содержания состоит в том, что его «изменение ведет к изменению формы», то нужно признать, что содержание всегда

играет ведущую роль, ибо оно всегда изменяется. Если же признать, что форма играет ведущую роль, когда она новая, то надо признать, что в это время содержание не изменяется. Но содержание не может оставаться неизменным.

С какой бы стороны мы ни рассматривали взаимоотношение содержания и формы, ведущим всегда является содержание. Ни гибкость, подвижность категорий содержания и формы, ни их взаимопереход и взаимодействие не уничтожают их специфики и не дают никакого основания утверждать, что форма играет ведущую роль по отношению к своему содержанию. Тезис о ведущей роли и содержания, и формы наносит вред научному познанию.

Нужно особо подчеркнуть следующее: какую роль играет форма в развитии содержания, в каком направлении, в какой степени она влияет на свое содержание — все это определяется взаимодействием содержания и формы, *основой* которого является содержание и потребности его развития. В этом взаимодействии содержание не только определяет форму, но и ту или иную ее роль, тот или иной характер ее влияния на свое развитие.

Вместе с тем взаимодействие содержания и формы выступает как глубокий источник необходимой *внешней* формы и определенной стороной проявляет себя в этой внешности. Внешность не есть основа самой себя. Она обоснована указанным взаимодействием, является его продолжением, проявлением. Общее между формой — внутренней организацией и формой-внешностью состоит в том, что они являются способами организации, существования, проявления, выражения содержания. Внутренняя форма определена, организует содержание и выражает его; внешняя форма также определена, есть проявление, выражение внутреннего содержания.

Однако их отличие состоит в том, что внутренняя форма является моментом сущности, в то время как внешность не есть сущность; внутренняя форма более активна, влияет непосредственно на свое содержание, в то время как внешность не оказывает такого непосредственного влияния на содержание; хотя на внутреннюю форму влияют внешние факторы, но непосред-

венно коренным образом она изменяется по законам взаимодействия внутренних аспектов содержания и формы, внешность же может непосредственно изменяться как в результате этого взаимодействия, так и в результате влияния внешних факторов, внешних явлений; внутренняя форма по отношению к внешности выступает уже не как форма, а как содержание, точнее, как момент содержания, поскольку она проявляет себя во внешности в единстве с соотнесенным с собой содержанием. По этому поводу Гегель писал: «Мы здесь имеем удвоение формы: во-первых, она, как рефлексированная внутрь себя, есть содержание; во-вторых, она, как нерефлексированная внутрь себя, есть внешнее, безразличное для содержания существование»¹. Мысль Гегеля об удвоении формы в основе свсей верна. Что же касается роли внешней формы в развитии содержания, то не все ее аспекты, видимо, есть «безразличное для содержания существование»².

Внешность явления есть продолжение его внутренне-го содержания и внутренней формы. Она как бы довершает индивидуальное оформление явления, рассматриваемого нами в чистом виде, вне многочисленных своих внешних связей. С другой стороны, рассматривая его в естественной связи, выясняем относительный характер его индивидуальной завершенности, поскольку оно не изолировано, а связано со многими другими явлениями.

Из сказанного о категориях содержания и формы следует, что в познании необходимо четко определить аспекты этих категорий и установить специфику их связей. Стремление все аспекты сводить к одному, а затем, исходя из него, объяснять все сложные связи и отношения — означает абстрактный подход к делу, говорит об одностороннем представлении о предмете, о нарушении принципов объективности и конкретности рассмотрения.

Познание этих категорий не может ограничиваться их рассмотрением в чистом виде, поскольку на этом

¹ Гегель. Соч., т. I, стр. 224.

² Например, политика есть внешняя форма проявления экономических отношений. Однако она не есть «безразличное для этого содержания существование».

этапе восхождения мы еще не имеем целого. Поэтому оно должно восходить к их синтезу, понимаемому как их взаимопревращение.

§ 3. ВЗАИМОПРЕВРАЩЕНИЕ СОДЕРЖАНИЯ И ФОРМЫ

Форма по своей природе не может или воплощать, или не воплощать содержание и его изменения, она одновременно и воплощает, и не воплощает. Единая в своей определенности форма как бы раздваивается на две тенденции. Но последние нельзя рассматривать неподвижными, раз навсегда данными. Именно в подвижности, условности, относительности и взаимопревращении двух тенденций формы заключен ответ на вопрос об относительном характере соответствия и несоответствия формы содержанию.

Предмет успешно развивается только тогда, когда форма наилучшим образом воплощает изменения его содержания и отвечает потребностям его развития. Требование содержания более полного, более совершенного соответствия формы своему характеру, состоянию является объективным законом развития познания. Но соответствие или несоответствие формы содержанию не бывает абсолютным. В самом этом единстве в течение всего существования борются две тенденции формы: с одной стороны, форма, воплощая в себе изменения содержания, соответствует своему содержанию, способствует его развитию; с другой — воплощая содержание не абсолютно, а относительно, она отстает от состояния, уровня, характера содержания и с этой точки зрения в известной степени не соответствует ему.

Одна тенденция формы постоянно и одновременно заключает в себе свою противоположность. Соответствие формы содержанию всегда мыслится в соотношении с его необходимым результатом, заключающимся в нем постоянно в зародыше, — несоответствием, и, наоборот, несоответствие мыслится в соотношении с соответствием, также наличествующим в нем постоянно в зародыше. Обе эти тенденции формы немислимы друг без друга и находятся в определенном соотношении.

Так как содержание находится в непрерывном изменении, то и это соотношение постоянно изменяется.

Диалектика изменения этого соотношения такова, что по мере изменения содержания и в зависимости от его природы и условий его развития преобладает, господствует то одна тенденция формы над своей противоположностью, то другая. Когда преобладает соответствие, форма способствует развитию содержания; при этом несоответствие находится в подчиненном, зародышевом состоянии, оно почти незаметно и не мешает развитию содержания. Когда же преобладает несоответствие, то форма «тормозит» развитие содержания, а соответствие находится в подчиненном состоянии. Форма одновременно одними своими сторонами в количественном отношении соответствует содержанию, способствует его развитию, другими — нет. Но в целом, *в сущности*, в своей качественной определенности она или соответствует содержанию или нет, если понимать, разумеется, не абсолютно, а относительно. Соответствие переходит в несоответствие благодаря тому, что развитие содержания приводит мало-помалу к преобладанию несоответствия. Количество переходит в качество. Соответствие сменяется несоответствием благодаря тому, что соответствие означает рост содержания, а рост, непрерывные изменения содержания в свою очередь означают усиление отставания формы от состояния содержания, т. е. усиление несоответствия. *Соответствие в одном и том же отношении есть несоответствие.* Этот процесс неукоснительно и неотвратно продолжается до тех пор, пока отставание формы от содержания не становится значительным и пока не возникает объективной необходимости в качественном изменении формы.

Следовательно, единство содержания и формы в своем развитии как бы проходит три этапа.

На первом этапе форма наилучшим образом соответствует содержанию, способствует его развитию. Содержание развивается бурно. Правда, в это время форма и не соответствует содержанию, но это не имеет существенного значения и не мешает развитию содержания, так как оно является лишь моментом, находится в зародышевом, подчиненном состоянии. Но взаимодействие содержания и формы есть процесс. По мере непрерывного роста содержания постепенно, шаг за шагом, накапливаются, усиливаются несоответствующие или устаревшие черты, моменты формы.

Второй этап характеризуется тем, что эти устаревшие моменты начинают преобладать над соответствующими моментами, начинают мешать развитию содержания, и чем дальше, тем сильнее. На этом этапе количество переходит в качество — соответствие формы содержанию сменяется несоответствием. В это время хотя некоторые моменты формы воплощают содержание, благодаря чему развитие содержания не прекращается, но былого развития нет, форма в целом «тормозит» его. Возникает объективная необходимость изменения формы для восстановления соответствия.

Третий этап характеризуется качественным изменением отжившей формы и переделкой содержания, т. е. восстановлением соответствия формы содержанию. При этом третий этап, как и два предыдущих, есть противоречивый процесс и зависит от условий. Поэтому нельзя думать, что форма, как только она устарела, немедленно, автоматически сменяется новой. Продолжительность, характер, глубина всех этапов, в особенности третьего, зависят от совокупности всех внутренних и внешних условий. От соответствия формы содержанию познания к несоответствию и от последнего к соответствию на высшей основе — таков путь движения познания.

Из диалектики содержания и формы напрашивается прежде всего тот вывод, что сбрасывание старой формы новым содержанием является *решающим поворотом, скачком* и закономерно вызывается потребностями развития содержания, необходимостью восстановления нарушенного соответствия формы содержанию.

Но вместе с тем в действительном развитии соотношение содержания и формы значительно разнообразнее, шире, чем оно представлено формулой: «старая форма сбрасывается новым содержанием». Конечно, если ограничиться формально-логическим подходом, то можно даже прийти к догматическому выводу: раз старая форма сбрасывается новым содержанием, то последнее не может и не должно использовать старую форму.

Между тем при ближайшем рассмотрении выясняется, что в отдельных явлениях, на определенном этапе их развития, в соответствующих условиях старая форма до поры до времени не сбрасывается новым содержанием, а используется им для своего развития. Более того, в отдельных случаях использование старой формы

новым содержанием становится *обязательным, единственно возможным условием восстановления соответствия формы содержанию, сохранения, поддержания и развития нового содержания.*

Новое содержание в зависимости от характера явления и условий его развития использует в одном случае старую форму — внутреннюю структуру, в другом — старую форму — внешность, в третьем — старую форму — единичное и т. д., но чаще всего использует старую форму во всех нужных для себя ее модификациях одновременно, использует не для примирения с ней, а для победы над ней.

Ввиду того, что вопрос об использовании старой формы новым содержанием является в высшей степени актуальным, к тому же недостаточно в литературе разработанным, целесообразно несколько задержаться на нем, и раскрыть его решение на опыте деятельности нашей партии.

История КПСС является непревзойденным образцом отыскания и создания новых форм организации и борьбы, искусного сочетания новых и старых форм, гибкой смены одних форм другими для развития действительно революционного содержания рабочего движения нашей страны.

Создавая партию, В. И. Ленин учил, что революционное содержание партии немыслимо без определенных организационных форм и методов борьбы. Так, после II съезда партии, когда меньшевики подрывали партийную дисциплину, В. И. Ленин писал: «Неразвитость и непрочность формы не дает возможности сделать дальнейшие серьезные шаги в развитии содержания, вызывает постыдный застой, ведет к расхищению сил, к несоответствию между словом и делом»¹.

С другой стороны, эти определенные формы воплощают содержание революционной работы партии не исчерпывающе, не абсолютно, а относительно, ибо непрерывно изменяются обстановка, условия, в которых работает партия, и на этой основе — содержание партийной работы. Поэтому «партия революционного марксизма в корне отрицает поиски абсолютно правильной, годной для всех ступеней революционного процесса, формы пар-

¹ В. И. Ленин, т. 8, стр. 378.

тийной организации, а равно и методов ее работы. Наоборот, форма организации и методы работы всецело определяются особенностями данной конкретной исторической обстановки и теми задачами, которые из этой обстановки непосредственно вытекают»¹.

Наша партия боролась не только против тех, кто отрицал революционное содержание партии и формы ее работы, но и против тех, кто цеплялся за старые формы, рассматривая их раз навсегда данными, кто искал абсолютную форму партийной работы, пригодную для всех случаев, при всех условиях.

Когда организационные формы не соответствовали потребностям развития содержания революционной работы, партия боролась за их смену такими, которые соответствовали содержанию революционной деятельности. В противном случае отжившая форма тормозила бы развитие революционного содержания.

Борясь за соответствие формы содержанию, КПСС в то же время учитывала, что «противоречия между потребностями нового складывающегося положения, с одной стороны, и установившейся формой организации и методами ее работы — с другой, намечаются в общем раньше, чем окончательно скажется необходимость изменения курса»². Но партия не останавливалась только на признании того, что соответствие формы содержанию включает в себе противоречие. Она рассматривала это противоречие как процесс, изучала его состояние, природу, степень зрелости. Осознание и изучение этого противоречия, как бы оно первоначально ни было незаметно, придавало ее тактике гибкость, готовность к своевременной смене старой, отжившей формы, новой, соответствующей.

Вместе с тем КПСС исходила из того, что в зависимости от этапа и условий развития восстановление нарушенного соответствия формы содержанию вполне возможно не путем сбрасывания определенной старой формы и замены ее новой, а путем использования старых форм новым содержанием. Причем в этом вопросе она руководствовалась не предвзятой схемой, а потребностями развития революционного содержания. Ни возникно-

¹ КПСС в резолюциях..., Госполитиздат, 1953, ч. I, стр. 516.

² Там же.

вление новой формы, ни использование старой не является субъективным произволом. Более того, «новая», но преждевременная, искусственно навязанная содержанию форма может нарушить соответствие так же, как и отжившая форма. Поэтому единственно научная постановка вопроса состоит в следующем: *соответствует или нет в данных условиях, в данном явлении, на данном этапе форма новому содержанию?* Только такая постановка вопроса позволяет определить целесообразность и возможность использования новых и старых форм.

Глубокие знания диалектики на основе всестороннего научного анализа объективных процессов общественной жизни давали возможность В. И. Ленину выбирать на разных этапах развития революционного движения рабочего класса те новые и старые формы, которые наиболее соответствовали потребностям развития революционного содержания.

Соответствие формы содержанию нарушается не только тогда, когда форма изжила себя, и не только тогда, когда содержанию навязывается преждевременная форма, но и тогда, когда новое содержание не использует определенных старых форм или использует их непоследовательно, нерешительно, с колебаниями. Поэтому нигилистическое отрицание прогрессивной роли определенных старых форм в развитии нового содержания не имеет ничего общего с **марксистской** диалектикой. Новое содержание может и должно использовать определенную старую форму, проникая в нее, изменяя ее природу, побеждая ее, подчиняя потребностям своего развития.

Стало быть, старую форму нельзя рассматривать как раз навсегда отвергнутую, неспособную в соответствующих условиях воплощать в себе новое содержание. Наша партия в своей деятельности исходила из того, что «всякая организационная форма и соответствующие методы работы могут с изменением объективных условий развития превратиться из форм развития партийной организации в оковы этого развития: и обратно, сделавшаяся негодной организационная форма может стать необходимой и единственно целесообразной при возрождении соответствующих объективных условий»¹.

¹ КПСС в резолюциях..., Госполитиздат, 1953, ч. I, стр. 516.

В объективной действительности старая форма сбрасывается новым содержанием не как самоцель, не ради «сбрасывания», а ради развития содержания. В зависимости от природы явлений и исторических условий их развития старая форма может быть сброшена, но использована в других условиях, могут быть сброшены отдельные стороны, моменты формы, но другие сохранены и т. д. Все дело зависит от того — соответствует ли та или иная форма содержанию. При этом прогрессивность формы нельзя сводить к ее новизне. Прогрессивной может быть и старая форма, если есть для этого соответствующие условия.

При рассмотрении вопроса об использовании многообразия форм, в том числе и старых, новым содержанием нужно исходить из того, что новое содержание использует определенные старые формы не для их увековечивания, а для того, чтобы, используя все и всякие формы, проложить себе путь к окончательной победе над старым. «У нас, — писал В. И. Ленин, — есть теперь, с точки зрения развития международного коммунизма, такое прочное, такое сильное, такое могучее содержание работы (за Советскую власть, за диктатуру пролетариата), что оно может и должно проявить себя в любой форме, и новой и старой, может и должно переродить, победить, подчинить себе все формы, не только новые, но и старые, — не для того, чтобы со старым помириться, а для того, чтобы уметь все и всяческие, новые и старые формы сделать орудием полной и окончательной, решительной и бесповоротной победы коммунизма»¹.

Ленинское учение об использовании старой формы новым содержанием придает тактике коммунистических и рабочих партий гибкость, действенность, творческий характер, облегчает их борьбу против правооппортунистических и левосектантских доктринеров за слияние всех социалистических сил в один мощный поток против империализма, помогает им использовать все и всяческие формы, средства, возможности для достижения полной и окончательной победы коммунизма.

Из анализа опыта использования нашей партией старых форм напрашивается прежде всего два вывода: во-первых, старая форма используется новым содержанием,

¹ В. И. Ленин, т. 41, стр. 88—89.

как правило, в сочетании, взаимодействии с новой формой; во-вторых, использование старой формы новым содержанием нельзя понимать как примирение с ней.

Следует особо подчеркнуть, что марксистское понимание вопроса об использовании старой формы новым содержанием принципиально отличается от его абстрактного догматического право- и леворевизионистского понимания. В самом деле. Если наша партия шла и идет на практическое использование определенных старых форм для укрепления и развития дела коммунизма, то правые оппортунисты шли и идут на использование старых форм для сохранения капитализма, а «левые» — отвергают использование старых форм в принципе. КПСС сумела с успехом обеспечить победу социализма над капитализмом благодаря принципиальной, непримиримой борьбе против различных фальсификаторов марксизма. Большевизм, писал В. И. Ленин, вырос, окреп и закалился в борьбе против правого оппортунизма, с одной стороны, против смахивающей на анархизм мелкобуржуазной революционности — с другой.

Проводя соглашательскую политику с буржуазией и подчиняя рабочее движение капитализму, правые оппортунисты признают только старые формы борьбы, в то же время они отвергают новые. «Левые» же в рабочем движении, столь же метафизически отрицая использование определенных старых форм новым содержанием, авантюристически выдвигают несоответствующие, преждевременные формы, тем самым подрывая победу нового содержания. «Правое доктринерство, — писал В. И. Ленин, — уперлось на признании одних только старых форм и обанкротилось до конца, не заметив нового содержания. Левое доктринерство упирается на безусловном отрицании определенных старых форм, не видя, что новое содержание пробивает себе дорогу через все и всяческие формы, что наша обязанность, как коммунистов, всеми формами овладеть, научиться с максимальной быстротой дополнять одну форму другой, заменять одну другой, приспосабливать свою тактику ко всякой такой смене...»¹.

Использование старой формы новым содержанием не есть некий произвол, ничем не обусловленное субъективное мнение, а есть проявление объективной диалектики,

¹ В. И. Ленин, т. 41, стр. 89.

проявление закономерностей развития. Чем обуславливается, чем вызывается использование старой формы новым содержанием?

Использование старой формы новым содержанием обусловлено прежде всего ведущей, решающей ролью самого содержания, потребностями его развития. Основой возникновения новых и использования старых форм являются потребности развития самого содержания. Объективно новая форма возникает не из старой формы, а из диалектики формы и содержания, где последнее играет ведущую роль. Новая форма не возникает, а старая не сбрасывается, пока содержание не подготовило соответствующих объективных условий для этого. Следовательно, если новое содержание еще не породило новой, высшей формы, то оно в силу объективной необходимости воплощается в старой форме, подчиняет ее себе, использует ее для своего развития¹.

Вместе с тем, мы уже знаем, что новая форма, хотя и соответствует состоянию нового содержания, но соответствует не абсолютно, а относительно. Следовательно, новое содержание в известной степени воплощается и в определенной старой форме, используя и подчиняя своим потребностям как новую, так и старую формы в их взаимодействии. Новое содержание может выражаться не в одной единственной форме, а в нескольких — в зависимости от характера и условий развития самого содержания. Причем в определенных условиях та или иная форма нового содержания может быть господствующей. Господство той или иной формы не исключает использования остальных форм, а предполагает.

Одной из причин, объясняющих, почему новое содержание может и должно использовать определенные старые формы, является то, что одна и та же форма в определенных явлениях может воплощать в себе как одновременно, так и в разное время различные по содержанию явления. Это объясняется как потребностями развития содержания, его изменчивостью, подвижностью, так и относительной устойчивостью и самостоятельностью формы. При этом разные явления, выражающиеся в одной и той же форме, отличаются друг от друга не по фор-

¹ Как мы уже показали выше, новый результат в науке выражается старыми понятиями до тех пор, пока не выработано самим ходом науки нового соответствующего понятия.

ме, а по содержанию. Поэтому видимость единства формального не должна заслонять качественного отличия по содержанию.

Использование старой формы новым содержанием объясняется, далее, тем, что переход от низшего к высшему подготавливается процессом развития самого низшего, в высшем воспроизводятся, сохраняются на более высоком уровне положительные черты в развитии низшего — объективно соблюдается преемственность, без которой невозможно ни возникновение, ни развитие нового; процесс развития происходит не прямолинейно, а как бы по спирали, где высшая, третья ступень якобы возвращается к исходной, первой ступени. Развитие есть переход в новое, третье явление, сходное по форме с первым, но качественно отличное по содержанию, поскольку оно обогато последующими приобретениями.

Вместе с тем не только новое содержание может использовать старую форму, но и старое содержание — новую форму. Старое, реакционное содержание в одном случае может само породить «по своему образу и подобию» новую по времени, но реакционную по содержанию форму, отвечающую его задачам, а в другом — может проникнуть в новую, прогрессивную форму, переродить ее, изменить ее природу, подчинить себе, использовать ее в тех же реакционных целях. Причем, в обоих случаях речь идет о регрессе, о методах, средствах, приемах и т. д. борьбы старого, реакционного против нового, прогрессивного.

В первом случае борьба носит открытый характер. Во втором — завуалированный, когда то же реакционное содержание борется против прогресса, проникая в новую, прогрессивную форму, используя ее в своих целях.

Однако, эти взаимоотношения содержания и формы принципиально отличаются друг от друга. Если новое содержание использует старую форму для победы над старым и в конце концов добивается этой победы, то этого нельзя сказать об использовании старым содержанием новой формы. В единоборстве с новым содержанием старое, реакционное содержание рано или поздно терпит поражение, и новая, революционная форма наполняется новым революционным содержанием. Поэтому важной особенностью использования новой, высшей формы реакционным содержанием является то, что само это ис-

пользование носит *кратковременный, преходящий* характер, поскольку новое, прогрессивное содержание неодолимо одерживает верх над реакционным. Так, например, хотя эсеры и меньшевики в 1917 г. превратили Советы в придаток реакционного Временного правительства, влив в эту революционную форму контрреволюционное содержание, большевики вскоре, изгнав их из Советов, в корне изменили содержание. Советы стали революционной формой революционного содержания диктатуры пролетариата. Это — красноречивое подтверждение жизненности, неодолимости нового революционного содержания, прокладывающего себе путь через все и всякие преграды, зигзаги, отступления и отклонения.

Итак, *содержание и форма взаимно превращаются, взаимно переходят друг в друга*. Их взаимопереход, взаимопревращение есть их внутренняя диалектика, их взаимодействие. Содержание переходит в форму, во-первых, поскольку переносит себя на форму, вследствие чего оно всегда оформлено; во-вторых, оно своим развитием порождает новую, высшую форму и в определенной точке воплощается в нее, переходит в нее. Форма переходит в содержание в том, что она переносит себя на содержание, вследствие чего она содержательна; во-вторых, утвердившаяся новая форма обуславливает коренную переделку содержания, обеспечивает более развитое, обогащенное приобретениями всей предшествующей истории развития, соответствие своему содержанию.

Взаимопревращение содержания и формы есть развитие, восхождение, обуславливающее переход содержания в существенное содержание — в необходимость.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

НЕОБХОДИМОСТЬ И СЛУЧАЙНОСТЬ

§ 1. НЕОБХОДИМОСТЬ

Необходимость есть содержание в его сущности, в его действительности и представляет из себя следующий этап восхождения постигающего мышления к глубинным

процессам, в конечном итоге, обусловленный потребностями развития *предметной деятельности* человека.

Обсуждение проблемы необходимости и случайности шло по двум линиям: по линии философии — в логико-гносеологическом плане и по линии частных наук — в онтологическом или натурфилософском плане, поскольку речь шла об исследовании законов науки.

В философии рабовладельческого общества категории необходимости, сущности, закона, причинности еще четко не расчленены, а слиты воедино. На этом уровне познания, разумеется, могли иметь место отдельные абстрактные моменты, или догадки по проблеме. Так, в древнекитайской философии необходимость представлялась как всеобщее (дао), которое вносит порядок в хаос вещей; в древнеиндийской философии было распространено представление о карме (вечном нравственном миропорядке); в древнегреческой философии представления о необходимости выражают собою всеобщий миропорядок. У *Гераклита* Логос выступает как мировой порядок, которому подчиняются и вещи и люди; у *Анаксагора* упорядочивающим началом хаоса гомеомерий является мировой разум; у *Демокрита* необходимость объективна, является свойством самих вещей и все существует и происходит в силу необходимости или естественной причины. Случайности нет, ибо случайность есть беспричинное; у *Платона* упорядочивающим и организующим началом, а также причиной возникновения вещей выступает мистическая идея. *Эпикур*, развивая дальше атомизм Демокрита, вносит идею случайности как составной момент движения атомов.

Хотя уже Демокрит рассматривает необходимость в связи со случайностью, впервые четко поставил вопрос об этих категориях *Аристотель*. Его заслуга в том, что он доказывал прежде всего объективность как необходимости, так и случайности. Особенно интересна мысль Аристотеля о единстве этих категорий, о том, что нельзя отрицать или необходимость, или случайность, что обе существуют объективно и связаны друг с другом. Так, подвергая критике мистицизм Платона, великий мыслитель доказывал объективность необходимости в самих вещах; подвергая критике отрицание Демокритом случайности, он доказывал объективность случайности, утверждая, что «уничтожение случая влечет за собой нелепые по-

следствия». Есть многое, что совершается не по необходимости, а случайно.

Однако, выдвинув кроме материальной необходимости (материальной причины) и целевую причину в качестве источника движения, Аристотель делает шаг в сторону телеологии, поскольку целевая причина в сущности есть не что иное, как мистифицированная необходимость. Но и случайность у него носит также телеологический характер, ибо случай есть причина по совпадению для событий, происходящих по предварительному выбору цели.

Итак, в античной философии определялись две линии в понимании необходимости и случайности: демокритовская-материалистическая и платоновско-аристотелевская-телеологическая. Дальнейшая разработка проблемы означала развитие этих двух линий — соответственно материалистами и идеалистами.

В естествознании и философии нового времени в связи с утверждением количественных методов познания природы и в особенности в связи с развитием механики вырабатывается механический взгляд на необходимость. По *Ф. Бэкону*, необходимость — это форма или закон. *Декарт* под необходимостью также понимает закон природы, который выступает как правило, которое есть частичная или вторичная причина различных движений.

Спиноза и французские материалисты XVIII в. отрицают, по примеру Демокрита, случайность. В их понимании, ничто в природе не происходит случайно, все определено к существованию и действию из необходимости. Вместе с тем, поскольку этот материализм был механическим, то всякую необходимость и закон он сводил к законам механики. Эту ограниченность хотя и заметил *Фейербах*, который сделал попытку преодолеть ее, выделив такие существенные признаки закона, как объективность, необходимость, всеобщность и познаваемость, тем не менее он не смог до конца ее преодолеть, поскольку он «восстановил в своих правах» собственно метафизический материализм.

Одновременно с материалистической линией развивается и линия идеализма. *Юм* отрицает объективность необходимости и ее познаваемость. Он считает, что в явлениях мы не можем открывать необходимую связь, что мы устанавливаем как эмпирический факт только то, что одно явление действительно следует за другим. А это об-

стоятельство порождает привычку считать повторно следующие друг за другом явления необходимо связанными, что, в свою очередь, порождает представление (иллюзию) о закономерности.

Субъективистскую концепцию проблемы необходимости развивает дальше *Кант*. Он считает, что необходимость, закон существует лишь в рассудке, который не отражает законы природы, а предписывает их ей. Отрицая объективную природу необходимости, Кант приходит к абсолютизации случайности, утверждая, что все вещи чувственно воспринимаемого мира совершенно случайны и имеют всегда лишь эмпирически обусловленное существование. Сам же чувственно воспринимаемый мир не содержит в себе ничего, кроме явлений, а явления суть только представления, которые в свою очередь всегда чувственно обусловлены. Правда, Кант допускает наряду со случайностью вещей и некую необходимую сущность, однако последняя не связана с ними, оторвана от них, не есть их основа, неуловима и произвольна, она — пустое порождение мысли. Таким образом, Кант хотя и говорит о всеобщей обусловленности случайностей, об их внутренней необходимой связи, но это скорее намек, чем теоретическое решение проблемы.

Следует подчеркнуть, что субъективистскую линию Юма-Канта в понимании необходимости и случайности в разной форме продолжали и продолжают ныне многочисленные представители современной буржуазной философии: необходимость есть установленные волей связи представлений (*Шопенгауэр*); необходимость в природе порождается нашей психологией (*Мах*); в мире существуют только случайности, а необходимость есть априорное умозрение (*Витгенштейн*); законы есть предписания, правила поведения (*Шлик*). Случайность, утверждает, например, буржуазный философ *А. Берр*, является чем-то субъективным, относящимся к нам, к состоянию наших познаний. С точки зрения американского философа *Сантаяны* материальная действительность представляет собой «поток случайностей», и то, что люди обычно принимают за необходимость, есть «заговор случайностей». Западногерманский социолог *В. Таймер* считает, что в историческом процессе действует множество случайностей, которые полностью исключают какую-либо необходимость.

Против кантианского понимания необходимости и случайности выступил Гегель. Его заслуга заключается в разработке диалектического взгляда как на эти категории, так и на весь процесс мышления. Классики марксизма, преодолев историческую ограниченность идеалистических и механико-материалистических учений об этих категориях, материалистически переосмыслив гегелевское их понимание, разработали последовательно диалектико-материалистическую целостную концепцию необходимости, случайности, а также закона.

Категория *необходимости* имеет следующие аспекты.

Она, во-первых, есть *содержание* в его сущности или, что то же самое, сущность в ее модификации, а также сущность теоретического познания. Познание начинается со случайности. Но знание случайности есть содержание эмпирического познания, которое как момент необходимости должно снять себя в последней теоретическим мышлением, задача которого состоит в том, чтобы в его противоречивых отношениях, в его противоречивом движении открывать более глубокие, существенные связи и отношения, а также синтезировать знания, выводить и объяснять единство всех сторон из самой необходимости. При этом выясняется, что самое случайность возможно понять лишь на основе необходимости, из самой необходимости. Последняя, таким образом, подчиняет себе свое другое — случайность как свой собственный момент, определяя основное направление развития.

Она, во-вторых, есть *всеобщее*. Сам факт вычленения всеобщего — сущности в единичных, случайных явлениях есть *познание необходимости*. Последняя есть всеобщее в бытии, абсолютное опосредствование и *неотделима* от всеобщего, которое понимается не в формально-логическом смысле, а в диалектическом — как такое, которое удержало в себе богатство отдельного, особенно, т. е. отраженное всеобщее в процессе познания наполняется богатством содержания самого предмета.

Она, в-третьих, есть *закон*. Одно из определений необходимости — это ее устойчивость, поскольку она есть внутренняя, существенная связь. Необходимость — такая закономерная связь, которая остается равной себе в смене явлений. Всеобщность и устойчивость есть определения также и закона, который в познании выступает как необходимая ступень восхождения, характеризующаяся

вычленением всеобщей познаваемости и цельности процесса.

Комментируя «Науку логики» Гегеля, В. И. Ленин выделяет следующие аспекты закона: 1) закон есть прочная, сохраняющаяся в явлениях *устойчивость*; 2) закон есть *идентичное* в явлениях, *спокойное* отражение явлений, их *тождество, основа*, внутренняя необходимая связь. Закон не потусторонен явлению, но непосредственно присущ последнему, является его собственным моментом. Царство законов есть спокойное отображение являющегося мира. Закон берет спокойное — и потому закон, всякий закон, узок, неполон, приблизителен; 3) закон есть *существенное явление. Закон и сущность* — понятия однородные (однопорядковые), одностепенные, выражающие углубление познания человеком явлений мира; 4) закон есть отражение существенного в движении универсума. Поэтому явление есть нечто цельное, тотальное, а закон — часть. Явление богаче закона, потому что оно содержит в себе закон и еще более — момент самодвижущейся формы¹.

Законы объективного мира — основа целесообразной деятельности человека, который зависит от них и ими определяет свою деятельность и ее направление. Поскольку закон выражает генезис и синтетическое развитие явлений, постольку он содержит в себе тенденцию, направление развития, что лежит в основе направления практической деятельности и научного предвидения.

Движение постигающего мышления в глубь явлений, в их закономерные связи вскрывает подвижность, изменчивость, обогащение самого закона, а также познания — будь это закон природы, общества или мышления. Так что устойчивость закона, как и сущности, необходимости *относительна* и включает в себе свое другое — *изменчивость*. Поэтому на каждой отдельной ступени истории материи и ее познания господствуют другие законы, т. е. другие формы проявления одного того же универсального движения.

Так, в связи с углублением современного научного познания в микромир и исследованием массовых явлений открыто единство тождества и различия *динамических и статистических законов*. Тождество их состоит в

¹ См. В. И. Ленин, т. 29, стр. 136—137.

том, что эти два вида законов взаимопроникают, взаимообуславливают, друг без друга невозможны и взаимопревращаются. Их различие состоит в том, что динамический закон проявляет, обнаруживает себя в каждом отдельном *случае*, в то время как статистический закон не проявляется в каждом отдельном случае, а проявляется лишь в *массе* явлений, в ансамбле случаев. Таким образом, хотя оба закона *проявлять себя могут лишь в случайной форме, но сама эта форма заключает в себе различие*: в одном случае форма проявления закона есть каждое единичное, отдельное; в другом — масса. Эти законы являются универсальной формой отражения действительности, обусловленной всеобщими формами общественно-исторической деятельности людей. Общественная жизнь в своей сущности функционирует во всеобщих формах деятельности, что прежде всего выражается в характере *орудий труда*, являющихся решающим показателем уровня развития материальной и духовной культуры. Орудия труда каждой конкретной исторической эпохи в снятом, переплавленном виде содержат в себе все завоевания прошлых поколений, всей цивилизации.

Вместе с тем, производством орудий труда не исчерпываются всеобщие формы деятельности людей. Этими формами характеризуются экономические, политические, культурные, идеологические и т. д. отношения. Сами же всеобщие формы обусловлены законами, которые своим объективным бытием определяют направление, тенденцию, стороны, аспекты деятельности людей. Действуя сообразно с объективными законами, люди выражают свое отношение к ним во всеобщих формах, поскольку закон, как сказали, есть всеобщее. Следовательно, сами законы предопределяют способ их использования: всеобщие формы деятельности людей зависят от характера используемых законов.

Вместе с тем, использование обществом объективных законов природы, овладение ими означает господство общества над силами и законами природы. Не законы природы господствуют над законами общества, а наоборот. Общество развивается не по законам природы, а по своим, общественным законам. Законы же природы служат обществу через призму общественных отношений. Следовательно, всеобщие формы деятельности людей реализуются по законам общественной жизни.

Необходимость, в-четвертых, есть *действительность*, цельность, совокупность моментов которой в своем развертывании оказывается необходимостью. «Абсолютная необходимость есть истина, в которую возвращаются действительность и возможность вообще, равно как и формальная и реальная необходимость»¹. Поскольку необходимость есть этап углубления познания, этап продуцирования абстракций и восхождения от абстрактного к мысленно-конкретному, постольку движение дальше, по линии восхождения ко все более точному пониманию внутренней гармонии и закономерности мира, т. е. развертывание всей совокупности моментов действительности есть сущность диалектического познания.

§ 2. СЛУЧАЙНОСТЬ

Необходимость есть случайность в своей действительности. Необходимость включает в себе и для себя свой собственный момент — случайность, которая выступает как *необходимость* в форме своего бытия. Необходимость возможна и мыслима только в случайности, в случайной форме. Поэтому случайность есть *абсолютная необходимость*.

Случайность, во-первых, есть способ бытия необходимости. Подобно тому, как содержание возможно только в форме, так и необходимость возможна только в случайности и не может существовать без нее. «Случайное, необходимо, — пишет Гегель, — потому, что действительное определено как возможное и тем самым его непосредственность снята, растолкнута так, что она раскалывается на *основание* или в себе — бытие и на *обоснованное*, а также потому, что эта его *возможность*, *соотношение* основания, безоговорочно снята и положена как бытие»². Поэтому научной критики не выдерживает кочующая по учебникам фраза, что случайность — это то, что «может быть, но может и не быть». Эта фраза не выражает действительного взаимоотношения необходимости и случайности, ибо допускает возможность бытия необходимости без случайности. Между тем, случайность необходима, так как без нее не может быть никакой необходимости.

¹ Гегель. Соч., т. V, стр. 667.

² Там же, стр. 658.

Следовательно, случайность *обязательно* должна быть для бытия необходимости. Но *какой именно момент необходимости в данных условиях выступит способом ее бытия, т. е. случайным*, — это зависит от самой необходимости и ее условий и обстоятельств. Поэтому, чтобы не было недоразумения в этом отношении, нужно эту фразу изменить, подчеркнув прежде всего *обязательность и необходимость случайности*. Или же утверждается, что случайность не имеет в себе основания. Это верно, но наполовину. И прав Гегель, когда пишет: «Случайное... не имеет основания потому, что оно случайно; и оно точно так же имеет некоторое основание, потому, что оно случайно»¹.

Случайность, во-вторых, есть форма проявления необходимости и дополнение к ней. Подобно тому, как сущность проявляется в своих явлениях, так и необходимость может проявляться только в случайности. Необходимость — это содержание, проявляющее себя в своей форме — случайности.

Случайность, в-третьих, есть результат пересечения необходимостей; она, в-четвертых, есть явление в его изолированности и непознанности; она, в-пятых, есть внешняя, несущественная, нехарактерная связь или момент; она, в-шестых, есть исключение из закономерных связей, из законосообразного порядка вещей; она, в-седьмых, есть момент возникновения нового явления, неустойчивое, не ставшее еще прочным, отношение; она, в-восьмых, исходный пункт познания. Поскольку последний аспект менее всего исследован в литературе, то целесообразно несколько задержаться на нем.

Случайность — исходный пункт познания, само возникновение явлений носит характер случайности. Объективным источником как исходного пункта познания и случайного знания о предмете является случайный характер возникновения самого предмета. Гегель, характеризуя форму возникновения явлений как начало явлений, писал, что случайность есть сфера возникновения и прехождения. Маркс и Энгельс подчеркивали, что возникновение первоначально существует в случайном факте. Так, наемный труд, в котором уже содержится в зародыше весь капиталистический способ производства, существует с давних времен в единичной,

¹ Гегель. Соч., т. V, стр. 657.

случайной форме. Случайный характер возникновения различных сторон капиталистического производства постоянно отмечается в «Капитале». Обмен товаров начинается там, где кончается община, в пунктах ее соприкосновения с чужими общинами или членами чужих общин. Но случаен не только сам обмен товаров как определенных потребительных стоимостей, но и их количественное меновое отношение первоначально совершенно случайно. Всеобщая форма эквивалента появляется и исчезает вместе с тем мимолетным общественным контактом, который вызвал ее к жизни. Попеременно и мимолетно выпадает она на долю то одного, то другого товара. Но с развитием товарного обмена она прочно закрепляется исключительно за определенными видами товаров, или кристаллизуется в форму денег. С каким именно видом товара она срастается — это сначала дело случая.

Случайному характеру возникновения объективного явления соответствует случайный характер знания о нем. Это значит, что случайность является формой выражения незнания, ибо до тех пор, пока мы не знаем закономерности, необходимости того или иного явления, знание о нем случайно. В этой связи под случайностью понимается незнание необходимости предмета, когда в нем еще не обнаружена необходимость, когда предмет выступает как чувственно-конкретное и еще не существует в сознании как необходимость, а пока является лишь совокупностью свойств.

Этот видимый момент случайности был подмечен рядом домарксистских философов, но в то же время ими абсолютизирован, поскольку под случайностью понимался только этот единственный аспект. Абсолютизация этого момента, видимо, породила другую крайность — его полное отрицание в нашей философской литературе. Стремление преодолеть историческую ограниченность в понимании необходимости и случайности привело отдельных наших авторов к полному игнорированию этого аспекта случайности. А это значит, что критика ими Демокрита, Спинозы бьет мимо цели. В самом деле, если одни абсолютизируют этот момент (аспект) случайности, а другие его полностью отвергают, то они сходятся в том, что искажают познание не только случайности, но и необходимости.

§ 3. ВЗАИМОПРЕВРАЩЕНИЕ НЕОБХОДИМОСТИ И СЛУЧАЙНОСТИ

Случайность, как уже говорилось, исходный пункт познания необходимости. Таким исходным пунктом может быть как результат предшествовавшего познания, так и предполагаемый результат исследования, как чувственное созерцание, так и момент этапа абстрактного мышления. В чувственном созерцании предмет исследования, вырванный из всеобщей связи, выступает в своей непосредственности и есть лишь *явление и случайность*, представляющая из себя выражение внешности, незнания закономерности, необходимости. «До тех пор, — писал Ф. Энгельс, — пока мы не можем показать, отчего зависит число горошин в стручке, оно остается случайным»¹. Или: «Назвать имя? — но имя — случайность, и *самую суть вещи* не выражает»².

Недостаточность в понимании категории случайности состоит не в том, что последняя имеет действительно такой момент, а в другом — в абсолютизации этого момента, что приводит к метафизическому отрицанию случайности и к гипостазированию необходимости. Это мы видим на примере положения «наука — враг случайности».

Как показано ранее, историческая ограниченность домарксистской философии в проблеме необходимости и случайности, кроме всего прочего, состояла и в том, что абсолютизировалась необходимость, либо случайность. Причем признание случайности рассматривалось как результат «собственной нерассудительности» (Демокрит), «несовершенства знания» (Спиноза), «незнания законов природы» (Гольбах) и т. д. Таким образом, положение «наука — враг случайности» фактически существует давно, можно сказать, со времени возникновения философии и является плодом абстрактных, односторонних представлений.

С возникновением диалектического материализма пришел конец и старому способу рассмотрения, и этому положению. Однако с некоторых пор в нашей литературе оно было возрождено на «высшей основе». Причем само оно претерпевало разные «модификации». Одно

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 20, стр. 534.

² В. И. Ленин, т. 29, стр. 250.

время это положение интерпретировалось так: по мере развития науки случайности будут неуклонно сокращаться и в конце концов при коммунизме исчезнут вовсе. Очевидно, чувствуя неистинность такой его интерпретации, некоторые авторы решили несколько перестроиться и стали это положение понимать не в том смысле, что наука отрицает существование случайности, а в том, что наука не должна останавливаться на этом, за случайностями должна раскрывать необходимость, закономерность. Но возникает вопрос: почему наука — враг только случайности, а не необходимости? Ведь она изучает как случайность, так и необходимость. Но коль скоро наука изучает и *случайность*, и необходимость, а в этом *изучении* суть ее «враждебности», то следовательно, она враг как случайности, так и необходимости, а не только одной случайности. Но в таком случае это положение превращается в бессмыслицу.

Сказанное, разумеется, не исключает того положения, что эмпирическое знание есть случайное знание. Такое знание, отражая внешние, случайные стороны и свойства предмета, является продуктом абстрактно-односторонних представлений рассудка, которое должно быть снято восхождением к необходимости. Переход от знания случайного к знанию необходимого является закономерным процессом восхождения и обусловлен потребностями как познания, так и общественно-исторической практики. То, что было случайным на низком уровне познания и практики, становится необходимым на их высшем уровне. Это взаимопревращение есть их собственная внутренняя необходимая естественная деятельность.

Поскольку случайное есть момент возникновения необходимости, оно закономерно снимает себя в последней, развивается, переходит в сферу необходимости, которая есть, по выражению Гегеля, «высочайшая вершина бытия и рефлексии». Маркс показал, что первоначальный случайный обмен товаров закономерно проходит путь исторического развития, превращаясь из случайного в необходимость. Потребность в чужих предметах потребления мало-помалу укрепляется. Постоянное повторение обмена делает его регулярным общественным процессом. Случайно обмениваемый предмет еще не получает никакой формы стоимости, не зависимой от его собственной потребительской стоимости, или от индивидуальных по-

требностей обменивающихся лиц. Но необходимость такой формы развивается по мере того, как возрастает число и многообразие товаров, вступающих в процесс обмена. Для познания этой необходимости нужно восходить к разуму, к теоретическому ее выражению в определениях понятия: «Если цена есть меновое отношение, — пишет В. И. Ленин, — то неизбежно понять разницу между единичным, меновым отношением и постоянным; между случайным и массовым, между моментальным и охватывающим длительные промежутки времени. Раз это так, — а это несомненно так, — мы столь же неизбежно поднимаемся от случайного и единичного к устойчивому и массовому, от цены к стоимости»¹. От эмпирически наблюдаемого и случайного к умопостигаемой необходимости — таков путь превращения случайного в необходимое.

Но это, как сказать, половина пути познания необходимости. Другая половина состоит в якобы возврате к случайности, в *переходе* необходимости в случайность на высшей основе. Этот переход характеризуется *синтезом* абстрактных определений, обрастанием необходимости своими модификациями, своими формами бытия и проявления. Анализ дополняется синтезом, точнее, переходит в него. «Синтетическое познание стремится *постигнуть* то, что *есть*, т. е. уразуметь многообразие определений в их единстве. Поэтому оно есть вторая посылка умозаключения, в которой оказывается соотнесенным *разное* как таковое. Его последняя цель заключается поэтому в *необходимости* вообще»². *Генетическое и синтетическое развитие необходимого в случайном, как единства в многообразном, как мысленно-конкретного — такова вторая половина пути познания необходимости. Несущественное, случайное, развиваясь, превращается в необходимое, и, наоборот, необходимое, развиваясь, превращается в случайное — таков путь взаимопревращения необходимости и случайности.*

Сказанное должно быть дополнено соображением, что поскольку познание есть неисчерпаемый процесс, есть бесконечное приближение к ряду кругов, к спирали, то познание самой необходимости есть также неисчерпаемый процесс. Поэтому в науке появившаяся новая «слу-

¹ В. И. Ленин, т. 25, стр. 47 (*подчеркнуто нами* — А. М.).

² Гегель, Соч., т. VI, стр. 260—261.

чайность опрокидывает существовавшее до сих пор понимание необходимости. Прежнее представление о необходимости отказывается служить. Сохранять его — значит навязывать природе в качестве закона противоречащее самому себе и действительности произвольное человеческое определение, значит тем самым отрицать всякую внутреннюю необходимость...»¹. Новое понимание необходимости есть новый, высший уровень познания, есть углубление познания. И каждое новое понимание необходимости, вбирая в себя старые, обогащается, становится конкретнее, содержательнее, выражая собою диалектику восхождения вообще и перехода в *причинность*, в частности.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ПРИЧИНА И СЛЕДСТВИЕ

§ 1. ПРИЧИНА

Причина есть сущность в ее действии. «Субстанция обладает... действительностью лишь как причина»².

В домарксистской философии вопрос о причинности был связан, главным образом, с вопросом о свободе воли. Борьба детерминизма и индетерминизма вокруг этого вопроса выражала собой противоположность двух основных направлений в философии. Детерминизм, как порождение материализма, доказывал, что все явления, в том числе, и воля, детерминированы, что нет абсолютно независимой, ничем не детерминированной, абсолютно свободной воли, что воля определяется от нее не зависящими объективными факторами. Индетерминизм, как порождение мистики и идеализма, напротив, утверждал, что воля есть самоопределение духа, ничем не детерминирована, абсолютно свободна, не зависит ни от чего, и если бы она не была таковой, человек был бы невменяемым, что свобода воли есть не что иное, как самосознание, что она есть первопричина всего и т. д. и т. п.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 20, стр. 536.

² В. И. Ленин, т. 29, стр. 142.

В античной философии детерминизм отстаивали Гераклит, Демокрит, Эпикур и другие материалисты. В новое время он получает свое дальнейшее развитие у Галилея, Бэкона, Спинозы, Гоббса, Декарта, Ломоносова, а также у французских материалистов XVIII в. Так, согласно *Ф. Бэкону*, в основе всякого истинного знания лежит нахождение причины. Главный предмет, который следует постоянно иметь в виду, это сама материя, а также и различное ее устройство и превращения. Нельзя познать материю и ее свойства без знания причин явлений. Поэтому задача науки состоит в том, чтобы рассекать природу и путем индуктивного метода отыскивать причины явлений. Но для этого нужно познать форму. Под познанием причин Бэкон понимает познание «простых форм». Лаплас считал, что если бы существовал ум, осведомленный в данный момент о всех силах природы в точках приложения этих сил, то не осталось бы ничего, что было бы для него недостоверно, и будущее, так же как и прошедшее, предстало бы перед его взором.

Материалистическому детерминизму противостоит индетерминизм, который имеет многочисленные разновидности — начиная от религиозного мифа о «сотворении мира богом» и кончая «теориями» современных неопозитивистов, отрицающих объективную причинность. В античной философии материалистическому детерминизму Демокрита противостояла платоновско-аристотелевская телеологическая разновидность индетерминизма, которая в дальнейшей своей эволюции принимает в особенности в схоластике законченную форму. *Аристотель* считал, что все вещи — живые и неживые — содержат в себе активное нематериальное целеполагающее начало — *энтелехию* и имеют свое предназначение. В мире господствует не объективная причинность, а мистическая цель. Следует заметить, что Аристотель, а позже Гегель на более высоком уровне, в такой мистической форме проводили верную мысль о подчинении элементов системе, части — целому. Но так или иначе, телеологический взгляд на мир служил основой мистического доказательства бытия бога и закрывал дорогу к познанию действительных причинно-следственных связей. *Ф. Энгельс*, высмеивая телеологов, отмечал, что, следуя им, можно прийти к таким нелепым выводам, что кошки были созданы, чтобы пожирать мышей, а мыши — что-

бы быть пожираемыми кошками, а вся природа — чтобы доказать мудрость творца¹.

Другой разновидностью индетерминизма является юмистская концепция, которая представлена многочисленными разновидностями современной буржуазной философии. Суть этой концепции в *субъективизме*, в отрицании объективного характера причинности. Так, Д. Юм считал, что опыт не содержит в себе необходимости причинной связи. В нем содержится лишь то, что одно явление следует за другим. Явления же сами совершенно отделены и изолированы друг от друга; одно явление следует за другим, но никогда нельзя заметить между ними связи; они, по-видимому, *соединены*, но никогда не бывают *связаны* друг с другом. Против такого понимания причины и следствия возражал Кант, но в сущности он отстаивал субъективистский взгляд на эти категории, ибо последние, в его понимании, хотя и являются необходимыми, представляют собой априорные формы рассудка, которые привносятся в мир явлений познающим субъектом. Поэтому различие между юмистским и кантианским пониманием причинности есть второстепенное различие между агностиками, которые сходятся в главном — в отрицании объективной причинности.

Субъективно-идеалистическую разновидность индетерминизма развивали дальше махисты, представители

¹ В этой связи не лишне напомнить, что в нашей литературе дается в целом правильная критика телеологии. Но после того как изрядно высмеивают телеологов подчас опрометчиво начинают доказывать истинность того, что опровергли. Например, говорят о «целесообразном строении растений и животных», даже о «целесообразности строения стебля растения, который служит образцом для архитектора». Эти авторы убеждают себя и читателя в том, что они эту целесообразность в отличие от телеологов понимают материалистически. Но это напрасный труд, ибо сколь бы «убедительно» не доказывал автор свой материализм, если он стеблю растения приписал цель, целесообразность, он, по меньшей мере подошел к телеологии. Очевидно для ясности нужно последовательно и четко отмежеваться от телеологии, заявив решительно: *в природе никакой целесообразности нет и быть не может*. Целесообразная деятельность, цель — это специфически человеческая деятельность, подчиняющаяся объективным закономерностям развития общества. В природе же действуют слепые бессознательные силы и нет места для сознательной цели. Что же касается «целесообразного» строения животных и растений, то это не целесообразность, а *приспособление*. Вещи надо называть своими именами.

баденской школы — Виндельбанд, Риккерт и др., которые считали, что принцип причинности неприменим к обществу, а современные неопозитивисты отвергают причинность тем, что ограничивают ее действие сферой логики. Такая точка зрения на причинность в сущности ничем не отличается от телеологической. Это признают и сами неопозитивисты. Так, Шлик писал, что каузальность и телеология не должны различаться вообще. По его мнению, представление о причинности несовместимо с современной наукой. Подобных же взглядов придерживался прагматист Д. Дьюи, который ограничивал действие причинности только сферой схоластической логики, утверждая, что категория причинности «скорее логическая, чем онтологическая», а закон причинности представляет из себя «упорядоченные выводы», связанные друг с другом логической последовательностью.

Современная буржуазная философия паразитирует на затруднениях роста науки. Она так и «липнет» к видным естествоиспытателям и немедленно заполняет своими «идейками» вакуум научного мировоззрения, образовавшийся у них в результате незнания основных принципов диалектического материализма. Так, в связи с интерпретацией причинно-следственных связей в квантовой физике под влиянием неопозитивистского индетерминизма видные зарубежные физики Н. Бор, Гейзенберг, М. Борн, Дирак и др. одно время основные законы квантовой теории стали истолковывать в духе неопозитивистского индетерминизма, доказывали несовместимость квантовой теории с *принципом причинности*. Например, Н. Бор считал, что принципы квантовой механики «несовместимы с самой идеей каузальности». По мнению американского физика В. Бриджмена, в области мельчайших частиц закон причины и следствия не действует. К тому же выводу приходил даже Гейзенберг, впервые установивший соотношение неопределенностей. Современная атомная физика, писал он, отменяет закон причины и следствия, или по крайней мере частично лишает его силы. Индетерминистической называет квантовую теорию П. Феврие, поскольку эта теория, с его точки зрения, не может указать измерения, по результатам которых можно было бы предсказать с достоверностью результаты какого-либо последующего измерения.

Как видим, рассуждения о неприменимости принципа причинности к микромиру исходят из того, что точное знание природы или ее определенного участка считается достаточным для того, чтобы заранее определить будущее. Иными словами, причинность, по их мнению, есть не что иное, как *предсказуемость*. Она имеет место тогда, когда принципиально возможно сделать однозначные предсказания будущего состояния явления на основе знания о состоянии явления в настоящем. Если мы не знаем настоящего и предсказать будущее не можем, то в этом случае нельзя говорить о существовании причинной связи. Следовательно, *незнание причины есть ее отсутствие*.

Секрет этого недоразумения состоит в том, что в классической физике под причинностью понимали предсказуемость. Механически распространив такое понимание причинности на микрочастицы, эти видные физики не могли не прийти к отрицанию причинности в микромире, поскольку, по их мнению, невозможно измерить с желаемой точностью в одно и то же время положение в пространстве и скорость движения атомных частиц. Если можно очень точно измерять положение частицы в пространстве, то в этом случае благодаря воздействию измерительных приборов становится в известной степени неопределенным знание скорости частицы и, наоборот, становится неопределенным знание положения частицы в пространстве, если точно измерена ее скорость. Но раз принципиально невозможно в настоящем точно определить состояние микрочастицы, то невозможно предсказать ее состояние и в будущем. Следовательно, причинности в микропроцессах нет. Между тем ни единое достижение квантовой теории не дает никакого основания для таких индетерминистических выводов.

На самом деле причинность в микропроцессах не исчезает, а проявляется в особой, качественно-своеобразной форме, а не в механической. Как доказывает современная физика, формой выражения причинности в области атомных объектов является *вероятность*. Поскольку микрообъект проявляет себя только во взаимодействии с прибором при данных внешних условиях, то результат этого взаимодействия не может быть предсказан с достоверностью на основании предшествовавших наблюдений, как бы ни были точны последние, «не является, во-

обще говоря, предопределенным однозначно, а обладает лишь некоторой вероятностью. Серия таких взаимодействий приводит к статистике, соответствующей определенному распределению вероятностей».¹

Иными словами, поведение микрообъектов подчиняется не механико-динамическим, а статистическим закономерностям.

Таким образом, развитие наук, дальнейшее проникновение познания в сущность процессов, происходящих в микромире, интенсивное развитие общественной практики, на каждом шагу подтверждают *детерминизм*. Не случайно поэтому, что заблуждение упомянутых выше физиков было кратковременным и вскоре наметился их переход на позиции детерминизма.

Современная революция в физике, которая разворачивается по трем основным направлениям — учение о строении материи, теория относительности и квантовая теория, — характеризуется невиданным в прошлом прогрессом в познании природы, коренной ломкой старых физических понятий, созданием принципиально новых идей и теорий. В частности, эти достижения потребовали от физиков пересмотра понимания классической механикой причинности как предсказуемости. Незнание основных принципов диалектического материализма привело к тому, что некоторые физики пришли к неверному выводу о несовместимости соотношения неопределенностей квантовой механики с принципом причинности. Если нам еще не удалось установить нахождение микрочастицы в состоянии, в котором имели бы определенное значение одновременно координаты и импульсы, то это еще не значит, что такое соотношение неопределенностей беспричинно. *Незнание причины не есть отсутствие объективной причины.*

По мнению советских физиков, соотношение неопределенностей выражает объективную, реально существующую корпускулярно-волновую природу микрочастиц. Так, Д. И. Блохинцев считает, что соотношение неопределенностей выражает объективное свойство ансамбля микрочастиц, обусловленное их корпускулярно-волновой природой. Если бы микрочастицы обладали только корпускулярными или только волновыми свойствами, то мы

¹ В. А. Фок. Квантовая физика и философские проблемы. «Вопросы философии», № 4, 1970, стр. 61.

не имели бы в квантовой механике соотношения неопределенностей. По мнению В. А. Фока, соотношение неопределенностей выражает границы применимости к микрочастицам механических понятий координаты и скорости. Ограничение применимости механических понятий координаты и скорости к микрочастицам обусловлено тем, что частицы вследствие своей корпускулярно-волновой природы объективно не имеют одновременно определенных координат и скоростей, а следовательно, их состояние не может быть характеризовано одновременным заданием этих параметров.

Мы раньше уже говорили, что ни одна наука не может остановиться на достигнутом уровне, довольствоваться тем, что уже завоевано ею. Наука есть непрерывный диалектический процесс проникновения в глубины действительности. И она каждым своим шагом будет все более убедительно доказывать причинные связи, существующие объективно, независимо от того, познаны они или нет; умеем ли мы на основе знания состояния того или иного объекта в настоящем предсказать его состояние в будущем; умеем ли отражать эту связь состояний математически или не умеем. Безусловно, что и физика не остановится на современной интерпретации соотношения неопределенностей. История развития науки и практики показывает, что в природе нет принципиально непознаваемых вещей, а существуют лишь вещи, которые не познаны или недостаточно глубоко познаны.

Если микрочастицы имеют одновременно определенные координаты и скорости, то невозможность их точного измерения в рамках существующей теории и на данном уровне вовсе не означает невозможности их более точного определения в рамках другой теории, на другом уровне. Именно к такому, на наш взгляд, верному выводу пришел Эйнштейн, интерпретируя указанную антиномию — проблему в квантовой теории. Он доказывал, что микрочастица действительно имеет определенные координаты и скорость, но вмешательство прибора не допускает одновременного их измерения. Отсюда он сделал вывод, что проблема не решена, она существует, что квантовая механика неполна, поскольку она не дает способа измерить то, что существует вне прибора, объективно. А раз есть проблема, она должна быть решена. Дальнейшее развитие физики неизбежно приведет к

созданию новой, более полной и более совершенной теории, которая позволит определить эти величины с точностью, превосходящей точности, определяемые ныне соотношением неопределенностей.

Все это показывает, что незнание материалистической диалектики или неумение применять ее принципы к научному исследованию мстит за себя тем естествоведкам, которые в трудный период ломки старых представлений и возникновения новых попадают на удочку неопозитивистской философии, мешающей развитию науки. Вместе с тем все это показывает, что современная наука не может успешно развиваться без диалектического материализма, и, в частности, без ясного понимания того, что «действительно важный теоретико-познавательный вопрос, разделяющий философские направления, состоит не в том, какой степени точности достигли наши описания причинных связей и могут ли эти описания быть выражены в точной математической формуле, — а в том, является ли источником нашего познания этих связей объективная закономерность природы, или свойства нашего ума, присущая ему способность познавать известные априорные истины».¹

Диалектический материализм есть преодоление ограниченности всех прошлых учений о причинности. Решительно отвергнув откровенный субъективизм и мистику и столь же решительно *удержав* разумные, диалектические моменты, классики марксизма вместе с тем вскрыли историческую ограниченность детерминизма метафизического материализма. Хотя борьба этого детерминизма против индетерминизма сыграла важную роль в возникновении диалектико-материалистического решения проблемы причинности, тем не менее этот детерминизм имел ту слабость, что он был механистическим, метафизическим, т. е. односторонним, абстрактным. Его основной недостаток в том, что он был созерцательным, пытался на эмпирическом уровне доказывать необходимость, причинность и т. д., не видя того, что только теоретически осмысленная практика, общественно-историческая деятельность человека «производит проверку насчет причинности» (Энгельс). Будучи механистическим, старый материализм под причиной понимал некую силу, заключенную в предмете, ее носителе, кото-

¹ В. И. Ленин, т. 18, стр. 164.

рая, действуя на другой предмет, вызывает следствие — механическое движение. На этом эмпирическом уровне рассудку представлялось, что одна сторона взаимодействия активна, а другая лишь пассивна. Такое одностороннее понимание взаимодействия, разумеется, обусловлено характером самого рассудка, который действует разделяющим и абстрагирующим образом и внимание в основном сосредоточивает на количественном результате действия причины, не видя того, что «все процессы природы двусторонни: они основываются на отношении между, по меньшей мере, двумя действующими частями, на действии и противодействии»¹.

Из сказанного выше можно сделать следующие выводы: 1) появление нечего не может быть результатом одностороннего действия одних явлений на другие, а порождается их *взаимодействием*. Поэтому прежде всего нужно подчеркнуть, что чем бы то ни была *причина*, она должна выражать собою *взаимодействие*; 2) поскольку последнее имеет место как между внутренними сторонами предмета, так и между предметами, а также между предметом и его внешними сторонами, связями, познание должно сосредоточить свое основное внимание на раскрытии *внутренних причин*, на обнаружении и фиксации внутреннего источника *самодвижения явлений*; 3) вследствие того, что в действительности нечего возникает в результате действия не одной единственной причины, а бесчисленного множества взаимодействующих и переплетающихся причин, признание взаимодействия причин еще не выводит познание за рамки механистического представления. После того как учтены все возможные причины, познание должно восходить к *главной, ведущей, решающей причине, вычленять*, оттенять, подчеркивать и фиксировать ее; 4) поскольку само представление об одностороннем характере причинной связи как раз и возникло прежде «из действия человеческого организма на внешний мир и, далее, из земной механики»², необходимо идти дальше, глубже и во взаимодействии человека с природой *выделять, подчеркивать активную предметную деятельность человека — сущность самого этого взаимодействия*, ибо, как показали раньше, противоположности единства неодинаковы. Именно в

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 20, стр. 404.

² Там же, стр. 404.

активном взаимодействии с природой человек выделяет себя из нее, проявляет свою сущность, становится самим собою.

Таким образом, причина есть сущность *в действии*, т. е. *сущность, рождающая следствие*; она есть процесс подчинения, обуславливающий бытие своего следствия. *Полная причина* — это совокупность всех обстоятельств, вызывающих следствие, т. е. взаимодействие. *Специфическая причина* — те обстоятельства, которые специфичны в отличие от других, уже имевшихся, и которые непосредственно вызывают следствие. Явления, которые так или иначе оказывают воздействие, образуя ту среду, в которой осуществляется данная причинная связь, но сами по себе не порождают следствие, называются *условиями*. Под *поводом* же понимается внешний момент, фактор, который своим действием способствует проявлению причины.

§ 2. СЛЕДСТВИЕ

Причина действует, есть действие. Она содержит в себе следствие (или действие), разворачивает себя в следствие. Последнее есть определенность причины или действительность причины. Действие необходимым образом есть проявление причины, которая есть самодвижущее начало, спонтанно самостоятельный источник, есть порождение из себя. Действие поэтому не содержит в себе вообще ничего такого, чего не содержит в себе причина. И, обратно, причина не содержит в себе ничего такого, чего нет в ее действии. Причина есть причина лишь постольку, поскольку она порождает некоторое действие. Бездействующей причины, причины без действия не бывает. Точно так же действия без причины не бывает. В самой причине заключено ее действие, а в действии — ее причина¹.

§ 3. ВЗАИМОПРЕВРАЩЕНИЕ ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ

Суть диалектики причины и следствия, как и любого единства противоположностей, в их *взаимопревращении*. Поскольку рассудок действует абстрагирующим и раз-

¹ См. Гегель. Соч., т. V, стр. 677.

деляющим способом, то на его уровне понять это взаимопревращение невозможно. Более того, на этом уровне обычно речь идет о противоположностях, сосуществующих в разных отношениях, в их изолированности, разделении. Широко распространены следующие определения: «причина во времени предшествует следствию», или: «если есть причина и налицо соответствующие условия, то следствие возникает неизбежно». Эти определения являются рассудочными, так как исходят из предположения, что причина и следствие могут существовать друг без друга или связаны между собою внешним образом и каждое из них не является противоположностью *своего* другого. Поэтому допускается существование причины до следствия или бездействующая причина. Такое представление о причинно-следственной связи наглядно, доступно каждому, но не выражает истины. А ведь это утверждение есть такой же абсурд, как и положения о том, что «сущность существует раньше явления», «содержание — раньше формы», «необходимость — раньше случайности» и т. д.

Ввиду того, что этот вопрос является спорным, целесообразно несколько задержаться на нем.

Как показал Маркс в «Капитале», всякий труд одновременно содержит в себе две стороны: с одной стороны, он есть абстрактный человеческий труд и создает стоимость. С другой стороны, он есть конкретный полезный труд, расходование человеческой рабочей силы в особой целесообразной форме — и создает потребительную стоимость. Абстрактный труд — источник, причина стоимости; конкретный труд — источник, причина потребительной стоимости. Но значит ли это, что абстрактный труд существует раньше стоимости, а конкретный труд существует раньше потребительной стоимости. Отнюдь нет! Рассудок же доказывает обратное. Его рассуждение сводится к следующему: раз абстрактный труд создает стоимость, то он, следовательно, существует раньше стоимости. При этом он не замечает того, что это «следовательно» существует в нем самом, а не в жизни, ибо ясно само по себе — раз абстрактный труд существует раньше стоимости, то он за время этого «раньше» не создает никакой стоимости и потому не имеет никакого отношения к созданию стоимости, он вовсе не причина стоимости и т. д. и т. п., но такой абстрактный труд вов-

се не существует в жизни, а есть фикция, произведенная рассудком.

Причина, которая не действует, не есть причина. Достаточно поставить вопрос четко и определенно: существующая раньше следствия причина причиной чего является? — чтобы положить конец этому недоразумению. Допустить причину до действия, без действия, раньше действия — значит протащить в конечном итоге боженьку. Прав Гегель, когда пишет: «В причинном отношении причина и действие нераздельны: причина, которая не производила бы никакого действия, не была бы причиной, равно как и действие, которое не имело бы причины, уже не было бы действием».¹ Само по себе ясно, что это «раньше» вносится в познание рассудком, существует в нем, являясь проявлением его немощи.

Следует подчеркнуть, что если причина существовала бы раньше следствия, то мы должны были бы неизбежно прийти к *первопричине, к причине всех причин, как у Аристотеля, — к форме всех форм, т. е. к богу.* В действительности нет никакой первопричины, нет никакой и последней причины. Первопричина и *Causa finalis* всего сущего это — материя, которая есть субъект всех своих изменений и которая разворачивается как бесконечная цепь причинно-следственных связей.

Но дело не только в том, что признание существования причины без следствия или до следствия ведет к мистике и ставит под сомнение объективный характер причинной связи. Дело и в том, что этим подрывается сама диалектика причины и следствия, ибо о каком взаимодействии и взаимопревращении этих противоположностей можно вести речь, если причина существует раньше следствия, т. е. причина существует без взаимодействия.

Одно из определений времени, как показали выше, последовательность разворачивания явлений. Как говорит Гегель, совокупность взаимодействующих явлений, разумеется, должна сложиться раньше, чем завершится становление порождаемого этим взаимодействием следствия. Скажем, все метеорологические факторы, обуславливающие возникновение дождя, сложились раньше, чем произошло следствие — дождь, а дождь должен

¹ Гегель. Соч., т. V, стр. 154.

существовать раньше, чем мокрота, ибо чтобы, например, почва стала мокрой, дождь должен совершить путь до почвы. Но дождь становится причиной лишь тогда, когда действует. Следовательно, независимо от того, насколько раньше сложились метеорологические факторы, вызвавшие дождь, и на какое время последний раньше существовал, чем мокрота, он стал причиной мокроты лишь в своем взаимодействии с почвой.

Но каким образом рассудок делает из этого заключение, что причина по времени предшествует следствию? Попытаемся ответить на этот вопрос ввиду его важности более подробно.

Во-первых, он имеет дело не с предметом, не с категориальным выражением бесконечных причинно-следственных связей на теоретическом уровне, а с частным случаем, с конечной замкнутой системой, с примером — к тому же на эмпирическом уровне. А ведь абсолютно неправомерно распространять характеристику причинно-следственной связи конечной замкнутой в себе частности на категориальное, теоретическое выражение бесконечных причинно-следственных связей.

Во-вторых, выхваченная из бесконечно развертывающихся причинно-следственных связей пара явлений, одно из которых есть причина, а другое — следствие, интерпретируется неправильно. Берут, скажем, дождь и мокроту, и начинают рассуждать: «дождь производит мокроту», а раз это так, то дождь (причина) существует раньше мокроты (следствия). Но, как справедливо замечает Гегель, это есть «тавтологическое рассмотрение субъективным рассудком», ибо та же самая вода, которая составляет дождь и есть мокрота. Хотя вода, составляющая дождь, существует в форме особой вещи, а как мокрота она есть как бы прилагательное и не имеет в себе устойчивого наличия и хотя обе формы внешни воде, тем не менее здесь имеет место одно одновременное отношение, а не разные. А раз этот процесс есть одно отношение и проистекает одновременно, то неверно утверждение, что дождь существует раньше мокроты. Дождь, существовавший до мокроты, есть все, что угодно, только не причина мокроты. *Причинно-следственная связь содержит в себе обе стороны или противоположности единства, единого отношения и взаимодействия.*

В-третьих, процесс развития, предшествующий возникновению данной причинной связи, рассудок смешивает с готовым результатом, итогом ее познания, т. е. исследует не сам процесс причинно-следственной связи, не взаимодействие причины и следствия, а берет *готовый результат, отраженный в голове*, причем эти противоположности берутся вне процесса, вне развития.

В-четвертых, он отождествляет возможность с действительностью — явление, которое было причиной другого явления в возможности, выдается за действительную причину, или, что то же самое, возможная причина заранее им объявляется действительной причиной.

В-пятых, отождествление возможности и действительности неизбежно приводит к отождествлению истории предмета с историей его предпосылок, что, как показано выше, является одной из разновидностей софистики.

Наконец, *в-шестых*, хотя рассудок может замечать, что в каждом конкретном случае единства причины и следствия изменения причины обуславливают изменение следствия, но он не замечает того, что эти противоположности взаимно превращаются друг в друга.

Для научного выражения взаимоотношения причины и следствия нужно исходить из их *взаимопревращения*, причем последнее является как относительным, так и абсолютным. Причина превращается в следствие и обуславливает его качественную определенность. Следствие же превращается в причину, так как обогащает причину своим бытием, своей спецификой. В этом тождестве, как справедливо говорит Гегель, снята та форма, через которую они различаются между собою. Причина потухает в своем действии — тем самым потухло и действие, ибо последнее есть определенность причины. Эта потухшая в действии причинность есть тем самым некоторая непосредственность, безразличная к отношению причины и действия и содержащая в себе это отношение внешним образом¹.

Отсюда следует, что при переходе от рассмотрения отдельного случая к рассмотрению категориального выражения бесконечных причинно-следственных связей абсолютно невозможно установить начальную причину, так как, попросту говоря, таковой не существует, ибо

¹ См. Гегель. Соч., т. V, стр. 677.

одна и та же связь одновременно выступает и как причина, и как следствие, причина и следствие постоянно переходят друг в друга, причина становится следствием, а следствие — причиной. «Причина и следствие, — писал Ф. Энгельс, — суть представления, которые имеют значение, как таковые, только в применении к данному отдельному случаю; но как только мы будем рассматривать этот отдельный случай в его общей связи со всем мировым целым, эти представления сходятся и переплетаются в представлении универсального взаимодействия, в котором причины и следствия постоянно меняются местами; то, что здесь или теперь является причиной, становится там или тогда следствием и наоборот».¹

Причинно-следственные связи получают свое дальнейшее развертывание и модифицируются в действительность и возможность.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ И ВОЗМОЖНОСТЬ

§ 1. ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Принцип действительности и возможности является как бы подытоживанием пройденного отрезка пути, поскольку интегрирует в себе рассмотренные до сих пор модификации материи, содержит их в себе в снятом виде, выражает собою диалектическое развитие этого отрезка в целом, в его тотальности, всесторонности. Поэтому он является более конкретным, богатым по содержанию, хотя не более трудным по усвояемости.

Представления о действительности и возможности, возникнув в античной философии, также прошли путь своего развития — от отдельных односторонних моментов, являвшихся продуктом непосредственного, чувственного созерцания, до современного конкретного, целостного научного их понимания в марксистской философии.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, т. 20, стр. 22.

Аристотель эту проблему рассматривает в связи с разработкой таких категорий, как движение, материя, форма. В его понимании, собственно движение есть *переход* возможности в действительность, осуществление того, что существует в возможности. Рассматривая вещь как единство формы и материи, он доказывает, что материя есть возможность, а форма — действительность. Материя и форма это — одно и то же, первая — в возможности, вторая — в действительности. Первая пассивна, вторая активна. Разрабатывая основные принципы формальной логики, Аристотель классифицирует суждения по модальности — на суждения возможности, действительности и необходимости, соответственно проблематические, ассерторические и аподиктические). Всякое суждение есть или суждение о том, что присуще, или о том, что необходимо присуще, или о том, что возможно присуще. Учение Аристотеля о действительности и возможности является значительным вкладом в разработку этих категорий. Однако его концепция о пассивности материи и активности формы, о «форме форм», об энтелехии и т. д. не позволяла ему научно решить проблему возможности и действительности.

Дальнейший шаг в разработке этих категорий сделан материализмом XVII—XVIII вв., который в борьбе со схоластикой и идеализмом, опираясь на достижения естествознания, развивает научный взгляд на действительность. Однако этот взгляд был исторически ограничен, поскольку материалисты этого времени отождествляли случайность и возможность, а также отрицали объективное бытие как случайности, так и возможности.

Эту ограниченность механического материализма пытается преодолеть *Кант*, который действительность и возможность рассматривает в их единстве, однако делает он это на субъективно-идеалистической и формально-логической основе. И если материалисты-метафизики отрицали объективное бытие только возможности, то Кант отрицает объективное бытие и возможности, и действительности, рассматривая их как продукт рассудка, как априорные категории модальности. По Канту, то, что согласно с формальными условиями опыта (если иметь в виду созерцание и понятие), то *возможно*. То, что связано с материальными условиями опыта (ощу-

щения), действительно. То, связь чего с действительным определена согласно общим условиям опыта, существует *необходимо*. Возможность подразделяется у него на логическую, реальную и практическую.

Формализм и субъективизм логики Канта подвергает критике Гегель наиболее полно и всесторонне разработавший эти категории на идеалистической основе. По его мнению, возможность есть то, что существенно для действительности, но она существенна таким образом, что она вместе с тем есть только возможность. Действительность есть ставшее непосредственным единство сущности и существования, или внутреннего и внешнего. Действительность, как единство сущности и явления, богаче, конкретнее содержанием, чем возможность, которая является лишь абстрактным моментом действительности. Возможно что-то или невозможно, это зависит от содержания, т. е. от целостности моментов действительности, которая в своем раскрытии обнаруживает себя необходимостью.

Учение Гегеля о действительности и возможности содержит важные указания относительно различных аспектов этих категорий. По Гегелю, возможности бывают реальными и «пустыми», формальными. Он против чисто формально-логического утверждения «все возможно» и против тех, кто ведет пустые разговоры о формальной возможности, «чтобы с ее помощью увильнуть от исполнения определенных обязанностей».¹ Вместе с тем Гегель рассматривает реальную возможность как момент развития действительности, ибо реальная возможность некоторой мыслимой вещи есть налично сущее многообразие относящихся к ней обстоятельств. Реальная действительность, как *таковая*, есть ближайшим образом вещь со многими свойствами, существующий мир. Содержанием учения Гегеля о действительности и воз-

¹ «Возможно, — пишет он, — что сегодня вечером луна упадет на землю, ибо луна есть тело, отделенное от земли, и может поэтому также упасть вниз, как камень, брошенный в воздух; возможно, что турецкий султан сделается папой, ибо он человек, может, как таковой обратиться в христианскую веру, сделаться католическим священником и т. д.... Чем человек необразованнее, тем менее он знает определенные соотношения предметов, которые он хочет рассматривать, тем более он склонен распространяться о всякого рода пустых возможностях, как это, например, бывает в политической области с так называемыми политиками пивных» (Гегель. Соч., т. I. стр. 241).

возможности является диалектическое взаимопревращение этих категорий, их переход друг в друга, что, собственно, дает ключ к пониманию самой диалектики развития.

Диалектический материализм, критически преодолев ограниченность как идеализма, отрицавшего объективное бытие действительности и возможности, так и ограниченность метафизического материализма, отрицавшего объективное бытие возможности и диалектику этих категорий, дает всестороннюю разработку проблемы. Чтобы правильно уяснить себе тождество и различие этих категорий, необходимо прежде всего остановиться на имеющих важное значение для постижения истины различных аспектах этих категорий.

Каковы аспекты категории действительности?

1. Под действительностью понимается прежде всего *объективная реальность*. В борьбе против многочисленных разновидностей идеализма, отрицавших объективное бытие действительности, материализм всех времен доказывал ее объективную реальность. Поэтому не случайно под действительностью в определенной связи понимают материалистическое решение основного вопроса философии, признание первичности материи и вторичности сознания.

2. Вместе с тем, поскольку реально, действительно существует не только материя, но и сознание, идеальное, то действительность выступает как единство сущности и существования, сущности и явления, как единство всего сущего, всех трех сфер-природы, общества и сознания¹.

3. Действительность выступает как необходимость, совпадает с ней. Как говорит Гегель, «все действительное разумно, все разумное действительно», т. е. в своем развертывании действительность раскрывается как *необходимость*. Следовательно, все реально существующее еще не есть действительность: атрибут действитель-

¹ В этой связи не лишне подчеркнуть, что упрек современных идеалистов в адрес марксистской философии в том, что будто последняя отрицает реальность сознания несостоятелен, поскольку она никогда не отрицала ни реальности сознания, ни его роли в жизни общества. Лишь в отличие от идеализма она исходила и исходит из того, что сознание не есть некая самостоятельная субстанция, не есть оторванная от мира сего, от общественного бытия самостоятельная сущность, а производно, вторично, обусловлено своим источником — общественным бытием.

ности принадлежит не всему тому, что реально существует, а только тому, что в то же время есть *необходимость*. В этом смысле действительность не совпадает с первыми двумя аспектами и отличается от них. В этом же смысле «*действительность* выше, чем *бытие* и чем *существование*»¹.

4. Наконец, действительность выступает как реализованная возможность, соотносится с последней как со своей непосредственной противоположностью, как со своим моментом. Истина состоит в том, что диалектика действительности и возможности есть их взаимодействие не в любом ее аспекте, а в последнем аспекте, в то время как рассмотренные выше аспекты действительности не охватываются ею.

§ 2. ВОЗМОЖНОСТЬ

Действительность необходимо содержит в себе свою противоположность-возможность, как тенденцию и способность своего закономерного движения. Возможность также имеет свои аспекты, имеющие самостоятельное значение в познании.

1. *Реальная возможность*. Когда мы изучаем историю каждого данного реально существующего явления, то неизбежно приходим к следующему выводу: прежде чем явление становится реальным, действительным, оно существует в недрах своего непосредственно предшествующего явления в виде *возможности*. В определенных условиях эта возможность превращается в действительность, что означает возникновение явления в действительности. Стало быть, каждое данное, в действительности существующее явление, предмет, вещь, процесс есть так или иначе реализованная возможность.

С другой стороны, данное явление не только есть реализованная возможность, но и в свою очередь само заключает в себе возможность своего другого явления: оно «беременно» своим другим. Само по себе ясно, если бы в самой действительности не содержалась внутренняя возможность нового явления, то не было бы никакого развития. Действительность, являясь реализованной возможностью, не лишена возможности, а всегда

¹ В. И. Ленин, т. 29, стр. 140.

заклучает ее в себе как свою внутреннюю противоположность, как свою способность рождасть новые явления, как свою *тенденцию* развития. В этой связи правомерна следующая постановка вопроса: куда явление развивается? Ответ состоит в следующем: оно развивается *в свою противоположность*, которую необходимо заклучает в себе, которую вынашивает по мере своего развития и в которую, в конце концов, переходит, что и означает превращение явления и реализацию *возможности*. В этом смысле возможность есть *тенденция* развития явления.

Реальная возможность, стало быть, — это то, что в данных условиях еще не реализовано, но существует объективно, возникает закономерно в процессе развития, причинно обусловлено, содержится в самой действительности, имеет свое некоторое бытие в ней. Она — внутренне присуща действительности и выражает не только абсолютную тенденцию развития явления, но и относительную, т. е. не только возможный конечный результат, но и каждый уровень его развития, каждое состояние или этап процесса явления. Характер возможностей, степень их зрелости, их определенность обусловлены самой действительностью, законами ее развития. В реальных вещах, явлениях, а также в познающем мышлении всегда имеется множество различных, подчас противоречивых возможностей, тенденций, учет которых необходим для познания и практики.

Итак, под *реальной возможностью* мы понимаем такую, которая рождена конкретными историческими условиями, имеет необходимые непосредственные корни, предпосылки в самой действительности на данном этапе ее развития и на этом же этапе при наличии определенных условий может быть реализована.

2. *Абстрактная возможность*. Кроме реальной возможности имеет место и такая возможность, которая не рождена данным состоянием развития действительности, не имеет непосредственных корней и предпосылок в действительности и на данном этапе не имеет условий для реализации. Она может быть выражением побочных тенденций развития, а может быть и выражением весьма отдаленных, опосредованных, но вполне реализуе-

мых в иных условиях процессов. Абстрактная возможность может совпадать с мечтой человека.¹

3. *Абстрактно-формальная возможность* — это то, что формально возможно, но фактически никогда не осуществимо, т. е. это абсолютно пустая возможность.² Познание должно четко определить различные аспекты возможности, исходить из учета действительности и реальных возможностей. Вместе с тем оно должно вскрывать научную несостоятельность абстрактно-формальных возможностей, с помощью которых современные «политики пивных» — ревизионисты и догматики увиливают от ответственности, подрывают единство коммунистического движения, мешают его развитию. Пустые возможности хотя и не реализуются и для науки никакого значения не имеют, но они играют определенную роль, оправдывают все что угодно, но главным образом, *безответственность*.

Далее. Реальной возможности противостоит не только действительность и не только абстрактная и абстрактно-формальная возможность, но и *невозможность*. В отличие от абстрактных представлений о том, что «все возможно» или «нет ничего невозможного», поскольку все можно подвести под формально-логическое абстрактное тождество, диалектическая логика исходит из того, что реально существует не только возможность, но и *невозможность*. Категория невозможности прежде всего выражает *абсолютную невозможность*, абсолютную нереализуемость как по форме, так и по содержанию — нереализуемость никогда и ни при каких условиях. На-

¹ Разумеется, сама мечта так или иначе детерминирована, причинно обусловлена. Однако для познания и практики очень важно отделить мечту полезную как толчок к работе, от мечты пустой, вредной, с помощью которой «увиливают» от работы и от ответственности. В процессе развития отдельные абстрактные возможности могут стать реальными возможностями, а затем и в определенных условиях превращаться в действительность.

² Например, в истории капитализма были случаи, когда тот или иной отдельный пролетарий превращался в капиталиста. Формально-логически рассуждая, можно придти к выводу, что раз тот или иной представитель рабочего класса мог стать капиталистом, то существует возможность всем пролетариям стать капиталистами. Однако фактически это абсолютно невозможно, ибо буржуазия и пролетариат немыслимы друг без друга. Право-оппортунистические лидеры нередко заигрывают с рабочими рассуждениями о подобного рода «возможностях».

пример, никогда и ни при каких условиях абсолютно невозможно *уничтожить* материю и законы ее развития.

Невозможность может быть и *относительной*. Ее следует понимать в смысле абстрактной возможности: нечто невозможно в данных условиях, но в других, изменившихся, условиях может стать возможным. Отсюда следует, что нельзя смешивать ни возможность с невозможностью, ни абсолютную невозможность с *относительной* невозможностью.

Возможность и вероятность. Возможность возникает из закономерного хода развития явлений, неразрывно связана с необходимостью и определяется конкретными условиями. Но возможность связана и со случайностью. Во-первых, возможность, реализуясь, превращается в явление, которое несвободно от случайных черт, выступает как единство необходимости и случайности. Во-вторых, возможности возникают не только из необходимости, но и из случайности — из случайного совпадения двух или множества явлений и обстоятельств, из массовых случайных событий. Категория *вероятности* выражает степень возможности появления какого-нибудь события на основе исчисления *массы случайностей*. Математическая вероятность равна отношению числа случаев, «благоприятствующих» данному событию, к общему числу «равновозможных» случаев. Вероятность не есть субъективное мнение или желание, а выражение объективной связи между массой случайностей и данным событием, причем ближайшее рассмотрение показывает, что сама эта масса случайностей есть проявление необходимости.

§ 3. ВЗАИМОПРЕВРАЩЕНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ

Развитие есть вечный и бесконечный закономерный процесс взаимопревращения возможности и действительности. Действительность и возможность одновременно тождественны и различны. Их тождество состоит в их взаимопроникновении и взаимопревращении. Их различие заключается в том, что в своем единстве они занимают различное место, играют различную роль, имеют различную специфику и т. д. Возможность есть и в то же время не есть действительность.

Во-первых, непосредственно осуществляется, превра-

шается в действительность не всякая, а *реальная возможность*. Во-вторых, для ее реализации нужны определенные условия, без которых она может стать просто невозможностью, т. е. может реализоваться, превратившись не в свое другое, а вообще в другое. Так называемое «голое» уничтожение есть не что иное, как уничтожение данной реальной возможности, т. е. превращение последней в невозможность, или, что то же самое, есть ее превращение в любое другое, только *не в свое* другое. Однако не все реальные возможности в действительности уничтожаются, ибо если бы было так, то не было бы развития. Несмотря на то, что в действительности и имеет место «голое» уничтожение реальных возможностей, известная их часть в определенных условиях все же превращается в свое другое и наоборот. При этом следует подчеркнуть, что если в природе возможность реализуется сама по себе, стихийно, то в обществе она реализуется как целесообразная деятельность людей, для чего необходимы следующие условия:

1. Прежде всего нужен учет других возможностей — как отрицательных для данной возможности, так и положительных. Без строгого учета всех реальных возможностей, без научного анализа этих возможностей нельзя осуществить данную возможность.

2. Поскольку, как правило, имеются условия не только для реализации данной, но и других противоположных возможностей, то лишь при ликвидации последних можно реализовать данную возможность. В общественной жизни, например, одни возможности, представляющие *новое, прогрессивное* в конечном итоге одерживают победу, а другие, представляющие старое, терпят поражение, так как защищают интересы отжившего.

3. Данной возможности не только противостоят другие, но имеются и такие, которые *способствуют* ее реализации. Отсюда — необходимость правильного и всестороннего учета и использование этих благоприятствующих возможностей для реализации данной возможности.

4. Необходимо далее *отыскивать, находить и создавать* новые внутренние и внешние возможности, способствующие реализации данной возможности.

5. Нужно решительно отбросить теорию самотека и *организовать* победу данной возможности.

Таким образом, победа данной реальной возможности в развитии общества объясняется всей совокуп-

ностью внутренних и внешних условий, средств, путей, преимуществами нового, активной деятельностью субъективных факторов и т. д.

Стало быть, практическая реализация данной возможности осуществляется путем преодоления целой системы противоречий между практикой и познанием, общим и единичным, качеством и количеством, абсолютным и относительным, прерывностью и непрерывностью, конечным и бесконечным, тождеством и различием, сущностью и явлением, содержанием и формой, необходимостью и случайностью, причиной и следствием и т. д. и т. п.

Возникновение и разрешение, разрешение и возникновение противоречия между действительностью и возможностью есть непрерывно-прерывный процесс, есть возникновение нового, высшего этапа в развитии, есть действительность диалектики материи. Но говоря это, мы логически обобщаем, сокращаем путь исторического развития материи и выражаем его в основных этапах, характеризующихся такими величайшими скачками в ее развитии, как возникновение жизни и человеческого общества.

В этой связи чрезвычайно важно подчеркнуть, что высшие, более конкретные ступени непосредственно выводить из любого состояния низшей неправомерно, поскольку в противном случае игнорируются опосредствующие звенья, что приводит в итоге к нарушению принципа совпадения логического и исторического. Это мы видели на примере метода Смита и Рикардо, одним из главных недостатков которого является как раз *игнорирование опосредствующих звеньев*. При рассмотрении вопроса о возникновении жизни следует исходить из того, что всякая попытка непосредственно выводить жизнь из любого состояния неживой природы приводит к тем заблуждениям, что и у Смита и Рикардо. Природа должна была длительное время по своим собственным имманентным законам развиваться сама в себе, пока противоречие между действительностью и возможностью возникновения жизни не достигло той ступени зрелости, на которой в определенных условиях стало возможным ее возникновение. Следовательно, между жизнью и неживой природой существует множество промежуточных, опосредствующих звеньев усложнения и развития самой не-

живой природы. Возможность живой природы могла превратиться в действительность лишь на определенном этапе модификации природы в результате длительных физико-химических процессов.

Вместе с тем не только возникновение жизни было итогом длительных физико-химических преобразований в неживой природе, но и сама возникшая жизнь имеет свою историю, прошла различные этапы своего внутреннего усложнения — от доклеточных, простейших форм живого вещества до человека. Так как живое тело есть дальнейшее усложнение в развитии действительности, то определение должно охватить следующие его особенности.

Живое тело существует в неразрывной связи с неорганической природой. Оно есть единство разнообразных, особым образом взаимосвязанных химических соединений, составляющих как бы его «субстанцию» и принимающих разное участие в обмене веществ. Оно невозможно без механического, молекулярного, химического, термического, электрического и т. д. изменения.

Наличие побочных форм движения в живом теле не выражает его сущности. Они являются внутренними условиями существования главной, биологической формы движения. Живое тело невозможно без этих побочных форм. Но вместе с тем нельзя свести биологическую форму к ним. В единстве всех этих форм в живом теле биологическая форма является *господствующей* и для своего существования подчиняет себе все низшие формы движения, которые не составляют «автономии» в живом теле, а *слиты воедино* с биологической формой, наличествуют в ней *в снятом виде*.

Сущность биологической формы движения состоит в обмене веществ. Живое тело может существовать только при том условии, если в нем непрерывно происходят ассимиляционно-диссимиляционные процессы. *Оно собственно и есть эти процессы*. Ассимилируя из внешней среды нужные себе вещества, оно превращает их в свои собственные моменты, стороны, т. е. самообновляется, самовоспроизводится. Но его самовоспроизведение есть одновременно его саморазрушение — диссимиляция. Самовоспроизведение и саморазрушение есть *одно и то же отношение*, стороны которого одновременно обуславливают друг друга, немыслимы друг без друга и взаимо-

исключают друг друга. Только в этом своем единстве они обуславливают характерные особенности жизни: раздражимость, подвижность, рост, размножение, изменчивость, наследственность, эволюцию и т. д. Живое тело есть неразрывное единство *наследственности и приспособления*. Так как условия существования живого тела непрерывно изменяются, заставляя его приспособляться к ним, то сообразно с этим изменяется и наследственность. Следовательно, наследственность включает в себя свою собственную изменчивость и немыслима без нее.

Наконец, вытекающий из противоречия наследственности и приспособления естественный и искусственный отбор — выживание и размножение наиболее приспособленных к условиям внешней среды особей, разновидностей и видов.

Конечно, ассимиляционно-диссимиляционные процессы в организме составляют абсолютную и самую элементарную, абстрактную его основу. Но эволюция создает другие, более сложные физиологические функции, нервную деятельность и т. д., в результате чего из примитивных, простейших доклеточных организмов образовались одноклеточные, давшие начало первым растениям и животным. А из первых животных путем дальнейшего дифференцирования развились бесчисленные классы, отряды, семейства, роды и виды животных и, наконец, та форма, в которой достигает своего наиболее полного развития нервная система, — именно позвоночные. Среди последних рождается, формируется то позвоночное, в котором природа приходит к осознанию самой себя, — человек¹. Возникает человеческое общество.

Из сказанного следует несколько выводов.

1. В своем историческом развитии материя прошла различные, последовательные ступени усложнения. Она переходила от абстрактной сферы к конкретной, от менее конкретной сферы к более конкретной. Взаимопревращение форм движения и эволюция материи есть нечто иное, как *взаимопревращение действительности и возможности*.

2. Это взаимодействие имеет место не только между формами движения, но и внутри каждой из них.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 20, стр. 358.

Именно потому, что внутри каждой формы движения саморазвитие происходит от низшего к высшему, через ряд последовательных ступеней, возможен переход от данной формы к новой, высшей. Следовательно, высшая форма возникает не из любого состояния низшей, а из ее высшей ступени, из ее самого зрелого и конкретного состояния. Иными словами, только саморазвитие до полной зрелости низшей формы обуславливает ее превращение в высшую форму.

3. Каждая следующая ступень в развитии содержит в себе предыдущую *в снятом виде*. Высшие формы движения несводимы к низшим, низшие формы всегда наличествуют в высших как подчиненные, побочные формы их развития. Конкретное содержит в себе абстрактное в снятом виде в процессе развития как всех форм движения, так и внутри каждой из них. При этом высший этап в развитии вырастает, возникает *непосредственно* из своего предыдущего.

4. Источником перехода низшей формы движения в высшую, а также перехода низшей ступени в высшую внутри каждой из них является *противоречие* между действительностью и возможностью, которое *не разрешается внутри данного состояния, данного целого, но его разрешение есть переход в новое высшее состояние*, в новое высшее целое, которое удержало в себе содержание всего предшествующего развития.

5. Эта объективная диалектика развития материи в целом совпадает с логикой развития истории познания и с законами логического мышления. Так, сначала выдвигаются на первое место науки, которые изучают низшую форму движения материи (механика), затем — науки, изучающие более сложные формы движения (физика, химия и биология). Иными словами, история развития познания выступает как *аналог* истории развития объективной действительности и подчиняется тем же диалектическим законам, что и развитие материи.

Общество — более конкретная сфера действительности, сложная, высшая форма движения материи. И здесь мы имеем дело с совпадением объективной диалектики действительности с логикой истории познания. Это видно из того, что подлинная наука об обществе — марксистская социология — возникает позже наук, изучающих низшие формы движения. Вместе с тем и

история социологии в общем и целом совпадает с законами логики: от отдельных, абстрактных моментов, элементов знания об обществе до всесторонней, конкретной марксистской науки об обществе — таков путь истории социологии.

Как мы уже говорили, домарксистская социология была идеалистической. Главная причина того, что прошлые материалисты оказались идеалистами «вверху», не видели решающей роли общественной практики, материального производства в познании и преобразовании действительности состоит в сложности самой общественной жизни, а также в ее недостаточной, в их время, зрелости. Выводя сознание непосредственно из природы как таковой, они не видели внутренней, необходимой, закономерной связи как в развитии объективной действительности, так и в развитии познания, не видели источника активности сознания. Метафизичность и созерцательность были «ахиллесовой пятой» старого материализма, ослабляя его позиции в борьбе с идеализмом. Но, с другой стороны, его сильной стороной было материалистическое понимание природы. В то же время, хотя положительной стороной идеализма, в особенности гегелевского, была диалектика, его слабой стороной была мистификация как действительности, так и самого познания.

Эта идеалистическая линия в худшей форме продолжается ныне в буржуазной философии и социологии. Основное содержание последней состоит в том, что она как в вопросе генезиса общества, так и в вопросе его понимания стоит полностью на идеалистических позициях, объясняя и то и другое из сознания, из психологических и т. д. начал. Следует особо подчеркнуть, что буржуазная апологетика ныне считает, что ей «удобнее» в какой-то степени заполнять «идейный вакуум» буржуазии и вести борьбу с марксизмом-ленинизмом в сфере социологии, чем в другой области знания. Поэтому центр тяжести своей борьбы она ныне перенесла в социологию. Конечно, ей нельзя отказать в изобретательности. Выдвигая на первый план «проблему человека», она сочиняет великое множество всяких квази-научных теорий, вроде теорий «конвергенции», «социальной стратификации», «эмпирической социологии», «факторов» и «сфер» общественной жизни, «микросоциологии», «ин-

дустриального общества» и т. д., чтобы с их помощью завуалировать отрицание ею объективного характера общественного бытия, прикрыть перепев давно избитых старых идеалистических теорий. Но, разумеется, так как она ничего нового, кроме замены «неудачных» терминов «удачными» не дает, «идейный вакуум» не заполняется, а усиливается.

Марксистская социология исходит из того, что сущность общества состоит в *трудовой* деятельности, в *производстве* материальных благ, в том, что люди в процессе труда приспосабливают вещество природы к своим потребностям. Если животные приспосабливаются к господствующим над ними внешним условиям их существования, то люди благодаря труду приспосабливают, преобразуют и подчиняют своей власти внешние (естественные) условия своего существования, господствуют над ними. Вся история общества есть история развития господства человека над силами природы. Если животные изменяют природу бессознательно, пассивно просто в силу своего присутствия в ней, с помощью своих органов, то люди, обладая сознанием, волей, изменяют природу целенаправленно, активно, в процессе своей целесообразной производственной деятельности, с помощью *изготавливаемых ими же орудий труда*. Труд есть сущность, есть *основное содержание* общества. Как писал Маркс, труд как созидатель потребительных стоимостей, как полезный труд, есть независимое от всяких общественных форм условие существования людей, вечная, естественная необходимость, без него не был бы возможен обмен веществ между человеком и природой, т. е. не была бы возможна сама человеческая жизнь.

Следовательно, научное объяснение генезиса и эволюции общества можно дать только исходя из его сущности, из труда, трудовой деятельности людей, их общественного бытия. Поскольку в общественном развитии имеются не только объективные возможности и объективные условия для реализации возможностей, но и субъективные силы, факторы¹, только непрерывное взаи-

¹ В литературе нередко под объектом понимают природу, а под субъектом — общество; при рассмотрении общества под объективными факторами — нечто нечеловеческое, а под субъективными — людей. Но здесь игнорируют тот факт, что общество, т. е. деятельность людей, есть единство объективного и субъективного.

мопревращение объективного и субъективного обуславливает непрерывное взаимопревращение действительности и возможности в общественном развитии.

Диалектический материализм непримирим как с фатализмом, так и с волюнтаризмом. Он исходит из того, что развитие общества есть естественноисторический закономерный, объективный процесс, но в то же время для реализации объективных возможностей в обществе нужна активная, целесообразная деятельность людей — их воля, желание, стремление, их организованность, их решимость в борьбе за превращение возможностей в действительность. Однако в этом единстве материальной и идеальной сторон общества материальная жизнь, производство материальных благ являются объективным бытием общества, содержанием, источником, основой его идеальной жизни. Не сознание людей определяет их бытие, как утверждалось до возникновения марксизма и утверждается ныне буржуазной апологетикой, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. Это знаменитое положение Маркса, означающее коренной переворот во взглядах на общество, вовсе не умаляет роли и значения сознания, как думают критики марксизма, а указывает лишь на то, что общественное бытие первично, что оно — решающая, определяющая сторона общества, его сущность, а сознание вторично, производное от него, его отражение. Именно в этом смысле Маркс определяет общество как совокупность материальных, производственных отношений, не отрицая возвышающихся над ними идеологических явлений, которые также, само собой разумеется, входят в понятие общества.

Вместе с тем, обосновав материалистическое понимание истории, решающую роль способа производства в жизни общества, марксизм открыл и законы его развития. Каково бы ни было действие многочисленных идеальных побудительных сил и стремлений, даже таких, как страсть, честолюбие, ненависть, прихоти разного рода и т. д., как бы история нам ни казалась царством случайности, — все это не устраняет закономерного характера развития общества. Все его события и факты подчинены скрытым, внутренним законам его развития.

Далее, общество не есть раз навсегда данное, неподвижное, к тому же хаотическое скопление вещей,

идей и не есть сумма людей, как думают метафизики. Оно есть развивающийся диалектически, по своим объективным законам, единый организм, имеющий свою историю, свои качественно отличные друг от друга ступени развития, обусловленные собственной диалектикой.

Из сказанного непреложно напрашивается вывод, что общество и природа тождественны и различны. Их тождество состоит в том, что они взаимопроникают, взаимно влияют и взаимно превращаются друг в друга¹. Общественная жизнь невозможна без природы. Она не есть природа, но основана на познании и использовании в процессе производства законов, сил, ресурсов природы. Практическая, предметная деятельность людей и есть преобразование природы, преобразование ее богатств в такие формы, которые делают эти богатства пригодными для потребления. Но это преобразование в то же время есть активное изменение природы человеком. Стало быть, само это активное изменение было бы невозможно без практической деятельности людей, есть не что иное, как непрерывный процесс взаимопревращения общественного и природного.

Однако общество и природа отличаются друг от друга. Это отличие, во-первых, в том, что общество не часть природы², а *высшее состояние* в эволюции материи, удерживающее в себе содержание природы в *снятом виде*. Во-вторых, в отличие от законов природы, являющихся слепой необходимостью, законы общества есть необходимая, существенная, сознательная, целесообраз-

¹ Против этого существует возражение, что раз природа существовала до общества, то об их тождестве неправомерно говорить. Однако это возражение беспочвенно, ибо это тождество есть тождество реально существующих противоположностей — природы и общества.

² В этой связи вполне уместно решительно возразить против того определения, согласно которому «общество остается частью, специфической, но лишь частью природы». (Д. Чесноков, Исторический материализм, 1965, стр. 38). Такое понимание общества не ново. Как показано выше, так понимал общество старый материализм. Последний пришел к идеализму в понимании общественной жизни не иначе, как через отождествление материи с природой. В его понимании материя и есть природа. Но объявляя общество «специфической частью природы», проводят ту же идею старого материализма, и в этом случае материя отождествляется с природой, поскольку «общество есть часть природы», а в материи кроме природы и общества нет ничего другого.

ная деятельность людей. В-третьих, законы природы прокладывают себе путь без активной предметной деятельности людей, без применения орудий труда, в то время как общественные законы — это деятельность людей с применением орудий труда, изготавливаемых самими людьми. В-четвертых, и законы природы, и законы общества носят *объективный* характер, не зависят от воли и сознания людей, однако *законы общества есть целесообразная деятельность людей*. Это значит, что если законы природы существуют до людей, без людей, без их творчества, то законы общества не существуют без людей, без их деятельности, а являются их действиями, их творчеством. Люди, как говорил Маркс, одновременно и авторы и исполнители своей собственной драмы. Этот тезис направлен против фатализма¹, против недооценки роли самих людей, творящих свою собственную историю. В-пятых, законы природы всегда носят стихийный характер, а законы общества — не всегда. В докоммунистических формациях законы общества подобно «слепым» законам природы были стихийными. В коммунистической же формации люди сознают, познают свои законы и потому действуют планомерно и сознательно. Здесь объективность законов освобождена от стихийности и означает планомерную, сознательную деятельность людей, которая осуществляется сообразно с их *человеческой* сущностью, а не по произволу или по каким-либо другим субъективным соображениям. Марксизм боролся и борется как против фатализма, так и против субъективизма, волюнтаризма. Наконец, в-шестых, общество — более сложное состояние материи, чем природа.

¹ Фатализм в этом вопросе, к сожалению, еще не изжит даже в нашей литературе. Нередко говорят так: люди не могут создавать и уничтожать экономические законы. Эти законы сами по себе возникают в определенных условиях, а в других — «сходят со сцены». Исчезают. Получается следующий курьез: народ-творец истории, но не творец своих законов. Народ уничтожил капитализм, но не уничтожил его законов; народ творит социализм, коммунизм, но не творит его законов и т. д. и т. п., до абсурда. Так, законы людей отрываются от людей, превозносятся, ставятся над ними, обожествляются, гипостазированы. Это и есть фатализм. Рассудок и тут верен самому себе: он все разделяет — с одной стороны он видит людей, с другой — их законы, будто людские законы не люди, не людские действия и дела, а нечто другое. Нет, народ — творец истории и творец своих законов. В обществе кроме людей нет ничего другого. Все есть действие людей сообразно со своей людской сущностью.

Сложность общественного процесса состоит в том, что люди, ведя постоянную борьбу с силами природы, одновременно находятся в определенных отношениях между собой. Они не могут ни производить, ни существовать вне этих отношений, которые являются не только продуктом их деятельности, но и сами люди — продукт этих отношений. Одна сторона единства — это отношение людей к силам природы, другая — отношение людей друг к другу в процессе производства. Отношение общества к силам природы есть функция, действительность *производительных сил*, являющихся *содержанием* всей производственной деятельности людей. Труд есть процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Сущность обмена веществ в данном случае состоит в том, что внешнее превращается во внутреннее: внешние природные ресурсы в процессе труда, становясь предметом труда, «ассимилируются», «поглощаются» этим процессом и превращаются в продукты личного и производственного потребления, подобно тому как *живое тело, ассимилируя внешние условия, превращает их во внутренние стороны своей жизнедеятельности*. Внешние чуждые силы, противостоящие обществу, превращаются в процессе производства во внутриобщественные силы и средства. И так как производство есть непрерывный процесс, то непрерывным процессом является и превращение внешних природных ресурсов в сырые материалы, а следовательно, во внутренние элементы производительных сил. Именно процесс производства есть та самая грань, которая отделяет ресурсы природы как таковые от сырых материалов, т. е. от ресурсов природы, вступающих в процесс производства и превратившихся в элементы производительных сил.

Особый *тип, характер* этой взаимосвязи людей и средств производства есть *производственные отношения*, в совокупности составляющие внутреннюю структуру, форму способа производства, экономический строй общества на данном этапе его развития. Соединение людей и средств производства в действительности не может не быть взаимопроникновением производительных сил и производственных отношений. Это взаимопроникновение есть противоречивый процесс: люди, соединяясь со

средствами производства для обмена веществ между собой и природой, вступают в то же время в отношение друг к другу.

Изменения всей общественной жизни в конечном итоге вызываются изменениями способа производства; изменения способа производства вызываются изменениями производительных сил, а в производительных силах изменяются прежде всего *орудия труда*. «Приобретая новые производительные силы, — писал К. Маркс, — люди изменяют свой способ производства, а с изменением способа производства, способа обеспечения своей жизни, — они изменяют все свои общественные отношения. Ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница — общество с промышленным капиталистом»¹.

Усовершенствование, развитие орудий труда всегда приводило к глубоким изменениям общественной жизни. Так, например, переход от первобытного общества к рабовладельческому был обусловлен переходом от каменных орудий к металлическим. Только на основе развития орудий труда в недрах первобытного строя производительность труда могла достигнуть уровня, который позволяет получить излишек продуктов, а вместе с этим возникает возможность *отчуждения* от работника части производимого продукта — возможность одним людям жить за счет труда других. В определенных условиях общественного разделения труда эта возможность превращается в действительность. Возникают новые отношения между людьми — отношения частной собственности на средства производства, отношения *отчуждения*. Смена прежних отношений людей, основанных на общественной собственности, новыми, рабовладельческими отношениями, основанными на частной собственности, означала возникновение и утверждение отношений имущественного неравенства, эксплуатации человека человеком, господства и подчинения, вражды и антагонизма, «войны всех против всех».

Усовершенствование орудий труда и рост производительности труда в рамках рабовладельческого строя приводят к тому, что существующие общественные отношения начинают тормозить развитие производительных

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 4, стр. 133.

сил. На этом этапе возникает объективная возможность прикрепления рабов к земле, осуществление чего означало переход общества из рабовладельческого состояния в феодальное.

Дальнейшее усовершенствование орудий труда в рамках феодализма, переход от ремесла и ручного труда к мануфактурному, затем — машинному производству, появление механического ткацкого станка, прядильной машины, вместе с тем дальнейший рост общественного разделения труда, в частности технического разделения труда внутри предприятия, появление нового типа работника и т. д. — все это вызвало промышленный переворот и поставило вопрос об упразднении феодальных производственных отношений. Последние под тяжестью разросшихся производительных сил стали терпеть крушение и вытесняться новыми, капиталистическими общественными отношениями. Этот процесс означал переход общества от феодализма к капитализму.

То же самое происходит ныне с капитализмом. В эпоху империализма резко обострился конфликт между современными могущественными производительными силами и отжившими капиталистическими производственными отношениями, превратившимися в преграду для общественного прогресса. Но какова бы ни была эта преграда на пути производительных сил, последние пробивают себе дорогу с исторической неизбежностью и необходимостью. Крушение капиталистических производственных отношений под тяжестью разросшихся производительных сил более не является вопросом только одной теории. Ныне на глазах нашего поколения осуществляется грандиозный, невиданный в истории по своим масштабам, глубине и размаху процесс *практического* перехода человечества от капитализма к социализму. Этот переход является самой главной, существенной чертой современной эпохи человечества.

Таким образом, переход от одного способа производства к другому, от одного общества к другому, происходил на основе диалектики производительных сил и производственных отношений.

Эта диалектика показывает, что развитие общества есть не что иное, как взаимопревращение людьми их собственной действительности и возможности, как реализация в их деятельности возникающих возможностей.

Итак, принцип взаимопревращения действительности и возможности вскрывает эволюцию материи, превращение неживой природы в живую, последней — в общество, далее, развитие общества в самом себе — от низшего к высшему, а также эволюцию соответствующих логических категорий, отражающих этот процесс. В этом поступательном движении каждая новая ступень богаче, выше своей предыдущей, поскольку результат содержит в себе свое начало, которое обогащается новыми приобретениями; каждая высшая ступень *отрицает, снимает* свою низшую, содержит в себе все ее богатство и отрицает, снимает себя в следующей, третьей ступени. Это отрицание отрицания одновременно является как синтетически и генетически развитым содержанием, так и тенденцией, направлением всего бесконечного процесса.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ОТРИЦАНИЕ ОТРИЦАНИЯ

§ 1. ДВА ВИДА ОТРИЦАНИЯ

Рассудку доступно прежде всего внешнее отрицание, «голое» уничтожение, объективное бытие которого не подлежит сомнению. Это внешнее отрицание означает прекращение процесса саморазвития отрицаемого явления как результат внешнего воздействия. Поэтому оно не может быть условием развития отрицаемого, но в то же время оно является *внешним* условием восхождения, развития. И это до такой степени очевидно, что нет надобности подробно задерживаться на нем. Достаточно сказать, что вся живая природа основана на взаимном уничтожении видов, т. е. на межвидовой борьбе. Она невозможна без такого отрицания. Точно так же человеческое общество невозможно без потребления. Чтобы удовлетворять свои материальные потребности, люди вынуждены обращаться к чувственной действительности. Ведь знанием количества калорий в мясе сыт не будешь, формулой химического состава воды жажды не утолишь, на идеальном газе пищи не сварить. Человек

употребляет в этих целях материальные предметы и обходится с ними самым грубым образом — он их уничтожает. Но в этой грубости своей он оказывается величайшим гуманистом. «Там, где чувственное утверждение является непосредственным *уничтожением предмета в его самостоятельной форме*, (еда, питье, обработка предмета и т. д.), *это и есть утверждение предмета*»¹.

Своим отрицанием предмета человек как бы утверждает его истинное существование, а вместе с ним и истинность своих восприятий. Потребление есть уничтожение. «Потребление, уничтожая продукт, тем самым доводит его до завершенности, ибо продукт есть продукт не как овеществленная деятельность, но лишь как предмет для действующего субъекта»².

Однако недостаточность такого внешнего отрицания очевидна. Потребление как уничтожение в сущности возможно тогда, когда есть что потреблять. А чтобы потреблять, нужно производить. Следовательно, каковы бы ни были формы общества, как потребление, так и производство должны быть *непрерывными*.

Анализируя взаимоотношения производства и потребления, Маркс делает следующие выводы: производство есть потребление; потребление есть производство; каждое из них выступает как средство для другого и совершается с его помощью, что выражается в их взаимной зависимости. Производство — не только непосредственно потребление, а потребление — непосредственно производство; производство — не только средство для потребления, а потребление — цель для производства, т. е. каждое доставляет другому его предмет: производство — внешний предмет для потребления, потребление — мысленно представляемый предмет для производства.

Производство создает материал как внешний предмет для потребления; потребление создает потребность как внутренний предмет, как цель для производства. Потребление создает потребность в *новом* производстве, стало быть, идеальное, внутренне-побуждающее начало производства, которое есть его предпосылка. Потребление *полагает* предмет производства *идеально*, как внут-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 616 (*подчеркнуто нами* — А. М.).

² К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 12, стр. 717.

ренный образ, как потребность, как побуждение и как цель. Без потребности нет производства.

Точно также в познании. В формальной логике, например, такое «голое» отрицание выступает как «голое» отрицание исходного положения. Это достигается путем непосредственного введения в отрицаемое частицы «не» или путем выражения того же содержания в форме: «неверно, что...». «ложно, что...» и т. д. Суть этой логической операции состоит в следующем: если исходное положение было истинно, то его отрицание ложно, и, наоборот, если исходное положение ложно, то его отрицание истинно. Это «или-или» исходит из раз навсегда данного устойчивого состояния, выражает не процесс познания, а его отдельный, оторванный от него внешний момент. Разумеется, в определенных пределах такое отрицание имеет известное значение для процесса познания, поскольку в познании следует различать истину и ложь, и, вместе с тем, является внешним условием бытия отрицающего. Однако такое отрицание не характерно для процесса познания, поскольку оно имеет дело с неподвижными противоположностями, не видит тождества и взаимопревращаемости противоположностей, не выходит за рамки рассудочного мышления и не выражает диалектики мышления, оно не является самоотрицанием.

Отсюда следует, что в действительности кроме внешнего отрицания, «голового» уничтожения имеет место и *диалектическое отрицание*, которое есть важнейший внутренний существенный момент развития, есть переход от одного качества к другому — от старого к новому, от простого к сложному от низшего к высшему. Оно не есть ни «голое» уничтожение, ни скептицизм или нигилизм. Оно прежде всего является *самоотрицанием* и характеризуется *преемственностью*.

Развитие явления есть процесс его развития в свою противоположность, заключенную в нем самом, т. е. есть переход *в свое* другое, а не вообще в другое. Явление с самого начала включает в себе свое собственное отрицание, *свою объективную тенденцию*, свою противоположность в виде возможности. Эта внутренняя отрицательность, как говорил Гегель, есть движущая сила развития. Развитие явления есть его развитие в эту свою противоположность. Поскольку борьба противоположностей абсолютна, а единство относительно, то в опре-

деленных условиях возможность реализуется, явление переходит в свое другое. Следовательно, отрицание явления не привносится извне, не является результатом внешнего действия, а подготавливается его закономерным внутренним порождением, результатом развития и разрешения имманентных, внутренних противоречий самого отрицаемого. Оно является *самоотрицанием*. Категория самоотрицания указывает на временный, переходящий характер явлений и выражает революционный дух диалектики. Диалектика в позитивное понимание существующего включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели.

Отрицание выступает прежде всего как гибель старого явления, без чего не может быть развития. Но это — одна сторона отрицания. Другая сторона его состоит в сохранении содержания старого в новом. В развитии имеет место *преемственность*. Преемственность в объективном мире и в познании есть проявление действия принципов диалектики. Новое явление, возникшее из старого, уничтожает старое и одновременно берегает, сохраняет его; уничтожает в старом все то, что мешает своему становлению, развитию и сохраняет, удерживает все то, что способствует своему становлению и развитию: утверждение нового невозможно как без уничтожения старого, так и без сохранения содержания старого.

Развитие идет от содержания к содержанию путем сбрасывания отжившей формы и переделки содержания. В высшей стадии повторяются (удерживаются) положительные черты, свойства низшей, но, разумеется, не составляя в ней автономии, а сливаются с ней в высшем единстве. Такое отрицание есть *снятие*.

Категория снятия выражает противоречивую природу диалектического отрицания как единства уничтожения и сохранения. Так, каждая последующая ступень в поступательном движении не отбрасывает «начисто» завоевания прошлых ступеней, а сохраняет все ценное, прогрессивное содержание в переработанном виде, в то же время отбрасывает все отжившее, все то, что мешает движению вперед. Каждое поколение людей, вступая в жизнь, застаёт готовую, завоеванную прошлыми поколениями материальную и духовную культуру, из которой оно исходит, которую оно развивает, обогащает.

Итак, развитие действительности не есть либо только внешнее отрицание («голое» уничтожение), либо только диалектическое отрицание. Оно есть их единство и их взаимопревращение. Эти два вида отрицания невозможны друг без друга. Внешнее отрицание невозможно без диалектического, поскольку для того, чтобы имело место внешнее, «голое» уничтожение, надо иметь, что уничтожать, надо постоянно воспроизводить «материал» уничтожения, а такой материал доставляет диалектическое отрицание. Последнее в свою очередь невозможно без внешнего уничтожения, без внешних условий, каким является внешнее отрицание. Так, оба вида отрицания находятся во взаимодействии, друг другу доставляют «материал», друг друга обуславливают, составляя неразрывное единство.

Вместе с тем в отличие от метафизической, диалектическая концепция развития главное внимание устремляет на познание внутреннего источника самодвижения. При этом она вовсе не отрицает роль внешних условий в саморазвитии предмета, а учитывает их и исходит из того, что саморазвитие невозможно, без внешних условий. Это значит, что *всякое отрицание есть условие развития*. Только один вид отрицания есть внешнее условие развития (голое уничтожение), а другой (диалектический) — внутреннее.

Следовательно, истина состоит в том, чтобы, не игнорируя внешних условий, учитывая их, сосредоточить внимание на познании предмета, как он есть в себе, вскрыть его сущность, свести внешнее к внутреннему. «Диалектика требует всестороннего исследования данного общественного явления в его развитии и сведения внешнего, кажущегося к коренным движущим силам, к развитию производительных сил и к классовой борьбе»¹.

Действительная недостаточность метафизики в этом вопросе как раз и состоит в ее односторонности, в том, что одна из ее разновидностей отрицание понимает как только количественное изменение, без скачка, без перерыва постепенности, а другая — отрицание понимает как только «голое» уничтожение или как только скачок без всякой постепенности, без количественного подготвления и без сохранения положительного в новом.

¹ В. И. Ленин, т. 26, стр. 223.

Останавливаясь на этой односторонности, метафизика не идет дальше, не видит другого (диалектического) вида отрицания. Но, если бы в действительности имело место только одно голое уничтожение и не было бы диалектического отрицания, то, ясно само по себе, вскоре нечего было бы «отрицать», уничтожать. Следовательно, познание должно исходить из единства обоих видов отрицания, подчеркивая решающую, господствующую роль диалектического отрицания.

§ 2. ВОЗВРАТ ЯКОБЫ К ИСХОДНОМУ

Только диалектическое отрицание включает в себе возможность воспроизводства, следовательно, оно и является возможностью отрицания отрицания.

Вместе с тем закон отрицания отрицания *не тождествен* с категорией отрицания. Они взаимосвязаны, составляет единство. Но единство это не абстрактное. Поскольку этот закон состоит из двух отрицаний, то всякие два акта отрицания, следующие друг за другом, легко выдавать за закон отрицания отрицания.

Однако не всякая цепочка перехода от одного качества к другому, где каждое из которых отрицает предыдущее, есть проявление отрицания отрицания. Последнее хотя и содержит в себе такую цепочку, но не сводится к ней. При этом следует исходить прежде всего из того, что, хотя диалектическое отрицание является обязательным компонентом отрицания отрицания, поскольку лишь оно содержит в себе объективную возможность второго отрицания, но так как вместе с ним существует и другое, внешнее отрицание, то данная возможность в одних условиях может быть реализована, а в других — нет, ибо внешнее отрицание означает уничтожение этой возможности.

Кроме того, хотя все черты диалектического отрицания являются чертами, компонентами закона отрицания отрицания, тем не менее последний не сводится к категории отрицания. Дело здесь не только в том, что, как сказано, возможность второго отрицания не есть еще действительность и не в том, что в категории отрицания мы имеем один акт отрицания, а в законе два, хотя это также важно, а в другом — в том, что второе отрицание

качественно отличается от первого как по форме, так и по содержанию. Первое *отрицание не есть воспроизводство сущности отрицаемого на высшей основе*. В первом отрицании есть самоотрицание, преемственность, но нет непосредственного воспроизводства исходного на новой основе. Второе отрицание, напротив, есть *воспроизводство на новой основе*. Если первое отрицание означает изменение движения в одном — отрицательном (в отношении исходного) направлении, то второе отрицание означает перелом этого направления в другом, обратном, положительном (в отношении исходного) направлении: повторение в высшей стадии известных черт низшей и возврат якобы к старому.

После того, как мы выяснили, что такое диалектическое отрицание, решающее значение для уяснения сущности закона отрицания отрицания приобретает категория *возврата* якобы к исходному пункту. Природа возврата якобы к исходному пункту сложна и глубоко противоречива. Она заключается в *превращении* диалектических противоположностей друг в друга. Всякое явление, развиваясь до конца, — писал Г. В. Плеханов — превращается в свою протиположность, но так как новое, противоположное первому, явление также превращается в свою противоположность, то третья фаза развития имеет формальное сходство с первой.

«Формальное» потому, что третье явление воспроизводит первое не в абсолютном смысле, не «как равное самому себе состояние» (в этом случае не было бы никакого развития), а в новых условиях и на новой основе. Поэтому развитие не возвращается к исходному пункту в прямом смысле, а *якобы* возвращается. *Развитие, идя вперед, в то же время возвращается якобы назад, к исходному пункту*. Таким образом *возврат* якобы к исходному пункту является необходимым признаком, обязательным компонентом закона отрицания отрицания.

Поэтому правомерна следующая альтернатива: либо признается реальное существование *возврата* якобы к исходному в качестве обязательного компонента этого закона, тогда признается и реальное его существование. Либо не признается *возврат*, тогда тем самым не признается и этот закон. Последний не сводится ни к одному из своих компонентов, но в то же время он невозможен без того или иного своего компонента.

Это содержание можно выразить и в такой форме: развитие осуществляется как закономерная последовательность прохождения движения через ряд стадий — от низшего к высшему, где отрицание низшей стадии высшей подготавливается процессом саморазвития низшей; в новой, высшей стадии сохраняются положительные черты низшей — развитие обеспечивается непрерывной преемственностью; при переходе к третьей стадии движение *возвращается якобы* к исходной, первой стадии процесса: первая стадия как бы воспроизводится, но при этом она обогащается результатами всего последующего развития. *Это третье есть единство противоположностей, есть синтез, конкретное целое, которое сохранило богатство противоположностей и которое есть результат, в то же время начало, источник дальнейшего движения.* Развитие протекает не по прямой линии, а, говоря образно, по спирали — сходящимися и расходящимися «кругами», где каждый следующий «виток» или «круг» выше и богаче предыдущего и сочетает в себе поступательное движение с *якобы возвратным*, выражая собою в такой форме основную тенденцию развития.

Важное значение для правильного понимания закона отрицания отрицания имеет вопрос о соотношении понятий: «повторение в высшей стадии известных черт, свойств низшей», «преемственность в развитии» и «возврат». Преемственность есть, как видели, объективная, необходимая, непосредственная связь между новым и старым, высшим и низшим, сохранение, удержание положительных черт низшего в высшем, старого в новом. Собственно это и есть не что иное, как повторение в высшей стадии положительных черт низшей. Следовательно, «повторение» совпадает с «преемственностью». Но вместе с тем эти два понятия не совпадают тогда, когда между повторяющимся и повторяющим нет непосредственной связи. Дело в том, что само «повторение» бывает непосредственным и опосредованным. Так закон есть непосредственное повторение связи в том смысле, что это одна и та же существенная связь одновременно имеет место, «повторяется» во многих явлениях, составляя их внутреннее единство.

А вот возврат третьей стадии к первой тоже есть «повторение», но не непосредственно, а опосредованно, поскольку эта третья содержит в себе богатство обеих

низших стадий. То же самое нужно сказать о «высшей стадии».

Высшей стадия может быть непосредственно и опосредованно.

Из этого следует, что во-первых, «преемственность» и непосредственное «повторение в высшей стадии положительных черт низшей» выражают одно и то же содержание и нельзя их отрывать друг от друга; во-вторых, что следует особо подчеркнуть, хотя возврат якобы к исходному безусловно заключает в себе преемственность, поскольку это не возврат в прямом смысле, а *якобы* возврат, т. е. такой, который удержал все содержание предыдущего развития и является высшей стадией процесса, тем не менее понятия «возврат» и «преемственность» не тождественны, отличаются друг от друга. Это отличие имеет важное значение для правильного понимания сущности закона отрицания отрицания вообще, категории возврата — в частности. В чем заключается это отличие? В том, что всякое диалектическое отрицание содержит в себе преемственность, в то время как не всякое диалектическое отрицание есть возврат, а лишь второе. Огождествление этих двух понятий является одной из главных причин искажения сути этого закона, поскольку таким путем он отождествляется с категорией отрицания.

§ 3. ТРИАДА

Большое значение для уяснения закона отрицания отрицания имеет также понятие *триады*. Прежде всего нужно заявить: идея триадичности, или триады, не принадлежит Гегелю, а была открыта задолго до него. О ней говорится уже в мистико-религиозной философии неоплатоников, в философии Канта, Фихте, Шеллинга и др. Так, неоплатоник Прокл считал, что развитие всего происходит по трем ступеням: пребывание, устремление вперед, обратное стремление. В триадичной таблице Канта третья категория возникает из соединения второй и первой категорий одного и того же класса. О триадичной схеме «тезис — антитезис — синтез» говорится в работе Фихте «Основа общего наукоучения». О развитии всех наций по трехступенчатым циклам (теория круго-

ворота) говорил итальянский социолог XVIII в. Вико и др. Наконец, более всестороннее и подробное освещение триада получила у Гегеля.

Метафизическое извращение идеи *триади*чности выражалось в теории «круговорота». Согласно этой теории, общество движется по замкнутому кругу, повторяя одни и те же этапы. Например, Вико утверждал, что все народы развиваются по циклам, состоящим из трех эпох, аналогичных периодам жизни человека — детству, юности и зрелости. Этими эпохами являются: *божественная* (отсутствие государства), *героическая* (аристократическое государство) и *человеческая* (демократическое государство, где царствует «естественная» справедливость и свобода). Каждый такой цикл, достигнув вершины, зрелости, завершается всеобщим упадком. Развитие снова возвращается к первоначальному состоянию, и вновь повторяется тот же круговорот. Выражая интересы прогрессивной тогда буржуазии, Вико пытался этим доказать и обосновать смену феодализма капитализмом, причем он считал, что человечество находится лишь в начальной стадии, т. е. выступал за прогресс.

Но этого нельзя сказать о теориях «круговорота» в эпоху империализма (Ницше, Шпенглер, Тойнби и др.). Эти теории ныне выражают интересы загнивающего капитализма, выступают против общественного прогресса. О. Шпенглер в своей книге «Закат Европы» (1918—1922) предвещал гибель европейской культуры, разложение которой, по его мнению, началось с XIX в. По Шпенглеру, история распадается на ряд не связанных друг с другом «культур», которые проходят три этапа — возникновение, расцвет и упадок. Современное человечество, по его мнению, переживает последний этап своего развития — этап «заката».

Современный английский историк Арнольд Тойнби проповедует аналогичную теорию круговорота, говорит о якобы параллельном сосуществовании разных, изолированных друг от друга, не связанных друг с другом «цивилизаций», каждая из которых возникает, развивается и бесследно погибает, не передавая своих достижений другим.

Разновидностью метафизического извращения триады является и механическая теория «равновесия». По мне-

нию сторонников этой теории — Дюринга, Богданова и других, равновесие «отрицается» движением, движение — равновесием в зависимости от условий внешней среды: от равновесия через нарушающую его борьбу двух сил к новому равновесию. Понимая сложный, противоречивый процесс развития как прямолинейное простое повторение пройденного, метафизика рассматривает повторение черт пройденного как замыкание «круга», после чего якобы все начинается сначала. Такой антинаучный взгляд на развитие, конечно, имеет свои гносеологические корни в сложности процесса познания, но он закрепляется реакционными силами общества, поскольку выражает их интересы.

Против метафизического понимания развития выступил Гегель. Его неоценимая заслуга в том, что идее развития по трем последовательным ступеням он придал диалектический характер. Более того, Гегель подверг резкой критике формализм Шеллинга и других в понимании триады. «Формализм, правда, также усвоил себе троичность и держался ее пустой *схемы*, — пишет Гегель, — но поверхностность, скандальность и пустота современного философского, так называемого *конструирования*, состоящего единственно в том, чтобы повсюду подсовывать эту формальную схему без понятия и имманентного определения и употреблять ее для установления внешнего порядка, сделали эту форму скучной и приобрели ей дурную славу»¹. Однако, поскольку диалектика у Гегеля была мистифицирована и служила его идеалистической системе, он, разумеется, не смог преодолеть формализм. У Гегеля триада является формой развития чистой мысли и служит орудием построения всей его мистической системы. По Гегелю, саморазвитие идеи и каждой логической категории проходит три ступени: тезис (положение) — антитезис (противоположение) — синтез (соединение).

Тезис отрицается антитезисом, антитезис — синтезом. Но синтез не просто отвергает предыдущую ступень, а объединяет черты тезиса и антитезиса в новом, высшем единстве. Однако все это происходит в области чистого разума. Критикуя гегелевский мистицизм, Маркс писал: «В чем состоит движение чистого разума? В том, что он

¹ Гегель. Соч., т. VI, стр. 311.

полагает себя, противопоставляет себя самому себе и сочетается с самим собой, в том, что он формулирует себя как тезис, антитезис и синтез, или еще в том, что он себя утверждает, себя отрицает и отрицает свое отрицание»¹.

Гегель всю действительность объясняет саморазвитием мистической идеи. У него ступени триады отрицают друг друга, связаны друг с другом логическими переходами, не отражающими действительность. Отрицание отрицания по этой схеме Гегеля «снимает» противоречие понятий, но не разрешает реальных противоречий действительного мира. Как говорил В. И. Ленин, у Гегеля развитие идеи по диалектическим законам триады определяет собой развитие действительности². Не действительные явления развиваются по диалектическим законам, а лишь идея, понятие. Таким образом, триада у Гегеля стала формальной, мертвой схемой, существующей только в понятии и оторванной от действительности. Ценное в учении Гегеля о триаде состоит в том, что он, как указывал В. И. Ленин, в диалектике понятий гениально угадал диалектику вещей.

Однако мистификация триады у Гегеля вовсе не означает, что триада вообще есть мистика и реально не существует в самой действительности. Независимо от того, кто как понимает триаду, одно безусловно: она существует реально. Между тем с некоторых пор в нашей литературе триада решительно отвергается либо прямо, либо «заговором молчания». Если же упоминается о ней, то для того, чтобы объявить ее попросту «гегелевской мистикой». Но классики марксизма не отвергали триаду, поскольку она существует объективно в действительности. По выражению В. И. Ленина, «троичность» диалектики есть ее внешняя поверхностная сторона»³.

Диалектико-материалистический взгляд на триаду состоит в следующем: 1) триада не есть форма развития мистической идеи, как утверждает Гегель, а существует объективно в реальных процессах и явлениях действительности; 2) триада не есть простое механическое повторение внутри себя или пройденного пути, как утверж-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 4, стр. 131.

² См. В. И. Ленин, т. 1, стр. 168.

³ В. И. Ленин, т. 29, стр. 210.

дает метафизика. Триада есть форма поступательного движения. В триаде последняя стадия сходна с первой лишь по форме, в то время как по содержанию не совпадает с ней и по сравнению с которой является более развитой, обогащенной последующими приобретениями; 3) анализ сущности закона отрицания отрицания показывает, что в развитии имеет место цикличность, каждый из циклов представляет круг, состоящий из внутренне взаимосвязанных трех звеньев цепи процесса: исходного явления, его отрицания вторым явлением, отрицания этого второго явления третьим. Разумеется, трехступенчатостью завершается данный цикл развития, но не само развитие. Развитие бесконечно, и каждый цикл отрицания отрицания является одновременно результатом и началом — началом для дальнейшего развития, для новых отрицаний, для разрешения *новых противоречий в новых явлениях и в новых условиях*. Иными словами, мы вместе с каждым циклом отрицания отрицания вступаем в область диалектики конечного и бесконечного; 4) в вопросе о триаде имеет место и такая сторона: является ли триада обязательной формой, выражающей действие закона отрицания отрицания, или последний может действовать и независимо от триады? Нет, не является — таково общепринятое мнение в нашей литературе. Считается, что в одних случаях закон отрицания отрицания протекает в тройственном ритме, в форме трех ступеней, в других — в форме большего или меньшего количества ступеней. Однако такое утверждение не аргументируется. Чаще всего поступают следующим образом: сначала закон отрицания отрицания отождествляют с развитием вообще или с отрицанием, затем находят, что развитие имеет место без трех ступеней, после чего заявляют, что закон отрицания отрицания не обязательно «протекает в форме трех ступеней». Но такой прием — один из тех, которые ведут к упразднению этого закона. Но если одни авторы извращают суть рассматриваемого закона и его формы — триады — по линии отождествления категории отрицания и закона, то другие «добиваются» того же путем своеобразной интерпретации самих ступеней триады или цикла. При этом нередко ссылаются, на пример с бабочками, который приводит Энгельс в «Анти-Дюренге», преподнося его в искаженном виде.

Энгельс пишет: «Они (бабочки, — А. М.) развиваются из яичка путем отрицания его, проходят через различные фазы превращения до половой зрелости, спариваются и вновь отрицаются, т. е. умирают, как только завершился процесс воспроизведения и самка отложила множество яиц»¹. У Энгельса совершенно четко и определенно говорится о трех стадиях: яичко — различные формы превращения до полной зрелости — воспроизводство новых яичек. Наши же авторы находят, что здесь не три ступени, а больше, по меньшей мере — четыре. Разумеется, любую из трех ступеней мы можем рассмотреть в процессе, состоящем в свою очередь из ряда фаз, этапов, ступеней. Почему считают, что в этом примере имеется только четыре ступени? В любом примере закона можно находить четыре ступени, если есть желание. Это во-первых. Во-вторых, почему четыре ступени, а не больше? Разве яичко или бабочка не проходит ряд фаз своего развития? Разве каждая фаза не есть ступень развития? Выясняется, что в любом примере закона можно насчитать не четыре, а еще большее количество ступеней. Следовательно, весь вопрос в том, как понимать *ступень*, когда речь идет о законе отрицания отрицания. Для правильного понимания этого очень важно исходить из *тенденции развития, из направления процесса*.

Именно тенденция, направление процесса есть объективный *критерий* определения ступеней. Мы уже показали, что рассматриваемый закон воплощает в единстве поступательное и якобы возвратное движение, процесс как бы состоит из противоположных направлений: тезис — антитезис — синтез. Каждое качественно отличное направление может состоять из ряда фаз, этапов и т. д., но выступает как одна ступень в том смысле, что выражает собою *качественно отличное направление процесса*. Бабочки проходят различные фазы превращения, но они являются бабочками, значит все эти фазы есть одна ступень в этом процессе. Поэтому в рассматриваемом законе *имеет место три и только три ступени* — не больше и не меньше. Не случайно, что все те примеры этого закона, которые приводят классики марксизма —

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 20, стр. 140.

Маркс в «Капитале»¹, Энгельс в «Анти-Дюринге», В. И. Ленин в «Шаг вперед и два шага назад», «Философских тетрадах» и в других произведениях — состоят из трех ступеней, а не больше или меньше.

Но есть авторы, которые сознательно закрывают глаза, чтобы не видеть этого. Им нет дела до того, что специфика закона отрицания отрицания состоит в двойном отрицании, следовательно, *он может протекать только в форме трех ступеней*. Они не прочь сослаться и на самого Гегеля, который будто утверждал, что этот закон протекает не только в форме трех ступеней, а и четырех. Но это просто недоразумение. Гегель никогда этого не утверждал. Он считал, что отрицание отрицания есть третий член, который можно признать и четвертым, считая два отрицания: простое (или формальное) и абсолютное. О чем же здесь речь? О том, что Гегель второе отрицание рассматривает как простым, так и абсолютным. Под простым отрицанием он понимает непосредственное отрицание третьим членом второго, а под абсолютным — отрицание третьим и второго и первого, т. е. такое, которое удержало в себе все содержание всего цикла, как результат отрицания отрицания. Это третье не есть покоящееся третье, а именно это единство (противоположностей), которое есть опосредствующее себя с самим собой движение и деятельность.

¹ Все логическое богатство «Капитала» как по форме, так и по содержанию есть отрицание отрицания, трехчленное исследование, «спираль». Самый большой виток спирали — это раздвоение единого процесса капиталистического производства на процесс производства капитала (I том), процесс обращения капитала (II том), а затем их синтез — процесс капиталистического производства, взятый в целом (III том). На этом большом витке, точнее внутри него — витки меньшей величины (скажем, в I томе: товар — деньги — превращение денег в капитал; производство абсолютной прибавочной стоимости — производство относительной прибавочной стоимости — производство абсолютной и относительной прибавочной стоимости; производство прибавочной стоимости — заработная плата — процесс накопления. То же во II и III томах). Далее, внутри каждого такого витка множество мелких и мельчайших витков, (таких как потребительная стоимость — стоимость — товар; случайная — полная — всеобщая форма стоимости: Д—Т—Д; и т. д.), в итоге, в синтезе составляющие логическое богатство «Капитала». Как уже говорилось раньше, эта логика «Капитала» есть всеобщий закон познания, и только в такой трехчленной, триадичной форме возможно теоретическое воспроизведение объекта как целого.

Иными словами, Гегель говорит не о четырех ступенях, а о трех, только указывая на две характеристики одной и той же — третьей ступени. Триада есть объективная форма выражения закона, форма тройственного ритма процесса, двойного отрицания. И подобно тому как содержание невозможно без формы и наоборот, так и закон отрицания отрицания невозможен без триады и наоборот. Тот, кто отрицает триаду и признает закон отрицания отрицания или допускает действие последнего не в форме трех ступеней, уничтожает как его, так и триаду.

С этим тесно связан и вопрос: является ли закон отрицания отрицания предельно общим законом развития, т. е. одним из законов диалектики, или нет? Некоторые авторы считают, что нет, не является. Этот закон должен рассматриваться как чрезвычайно общий закон, но не как предельно общий закон. При этом они ссылаются на Энгельса. Но подобная ссылка лишена всякого основания. Энгельс совершенно определенно указывал, что закон отрицания отрицания есть один из законов диалектики. Вот одно из таких высказываний: «Когда я обо всех этих процессах говорю, что они представляют собой отрицание отрицания, то я охватываю их всех одним этим законом движения и именно потому оставляю без внимания особенности каждого специального процесса в отдельности. Но диалектика и есть не более как наука о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления»¹.

Парадоксально и то, что многие авторы чаще всего приводят другое высказывание Энгельса, что этот закон есть «чрезвычайно общий и именно потому чрезвычайно широко действующий и важный закон развития...» и находят противоречие между этими двумя высказываниями Энгельса. Отсюда делают вывод, что этот закон — чрезвычайно широко действующий, но не наиболее общий закон. Почему? А потому, что он будто действует иногда, не всегда, не в каждом случае! Но разве есть закон, который проявляет себя всюду, всегда, на каждом шагу, в каждое мгновение? Нет такого закона. Ни один закон не охватывает всего развития, не есть «универ-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 20, стр. 145.

сальная отмычка». «Всякий закон узок, неполон, приблизителен»¹. Разве скажем, всегда и всюду количество переходит в качество, а не «иногда», на определенных этапах? Разве всегда и всюду обнаруживаются противоречия? Так почему эти законы диалектики, которые проявляют себя не всегда и не всюду, считают предельно общими, а закон отрицания отрицания, который проявляет себя также не «всегда», не всюду, не является предельно общим?

Все дело в том, как понимать «всеобщий», или «предельно общий», или «наиболее общий» характер закона? Невозможно согласиться с тем, что под предельно общим характером закона понимают действие и проявление закона всюду, всегда, на каждом шагу, в каждый данный момент, не считаясь с той азбучной истиной, что если бы, скажем, всегда и всюду, в каждое мгновение количество переходило бы в качество, то не было бы никаких явлений, никаких законов, никакого развития. Под предельно общим характером закона *мы понимаем его действие во всех сферах действительности, в природе, обществе и познании*. Закон отрицания отрицания является таковым. Тот факт, что он обнаруживает себя тогда, когда цикл из трех ступеней завершен, еще не уничтожает его всеобщего характера.

С другой стороны, нельзя всюду искать ни проявления закона, ни триады. Желание в каждом явлении, акте, в каждое мгновение «отыскать» двойное отрицание означает не что иное, как превращение этого закона и триады в мертвую схему. Сначала этот закон превращают в схему, так что раньше, чем говорить о чем-либо другом, уже имеют в голове готовую схему этого закона, а затем подгоняют, «втискивают» действительность в «прокрустово ложе» этой схемы. Но такое понимание и применение триады, конечно, опопшет ее. Но, как говорил Гегель, из-за пошлости этого употребления она не может еще потерять своей внутренней ценности.

Раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и их взаимопревращение есть двойное отрицание в процессах. Но если двойное отрицание обязательно для действия и обнаружения закона отрицания отрицания, то оно вовсе не обязательно имеет место во

¹ В. И. Ленин, т. 29, стр. 136.

всех процессах действительности и незачем его искать всюду. Закон нужно открывать в процессах, явлениях, а не навязывать им свыше. Классики марксизма не раз предупреждали, что нельзя увлекаться «деревянными трихотомиями», что нельзя подгонять действительность под трехчленную схему: тезис — антитезис — синтез. Вместе с тем нельзя конкретный анализ явлений подменять общими положениями, а нужно глубоко изучать не только общую, но и особую природу каждого случая.

Специфика рассматриваемого закона состоит в том, что он свое действие обнаруживает не на всех этапах развития, а когда развитие прошло ряд последовательных этапов, т. е. *законченный цикл*. И, напротив, он не обнаруживает своего действия, когда цикл развития не завершен, нет возврата якобы к исходному пункту.

Движение, развитие бывает и без возврата к *исходным пунктам*. Но только движение с *возвратами* якобы с исходным пунктом включает в себе поступательное движение. Если же процесс развития прерывается на первом отрицании, не достигая второго отрицания, то нельзя говорить о действии закона отрицания отрицания. Поступательный процесс обеспечивается тем, что в *развитии действительности явления воспроизводят свою сущность в расширенном масштабе, возвращаются якобы к себе через второе отрицание*.

Разумеется, развитие богаче, шире, чем действие того или иного закона. Но если под развитием мы понимаем поступательный процесс, то без возврата якобы к исходному пункту имеет место лишь момент развития. Так, в живой природе поступательный процесс обеспечивается тем, что организмы, несмотря на бесплодие и уничтожение их части, воспроизводят свою сущность в новых условиях через второе отрицание. В обществе поступательный процесс обеспечивается благодаря воспроизводству средств производства, рабочей силы и общественных отношений также через второе отрицание, через возврат якобы к исходным пунктам. В научном познании истина достигается также через возвраты якобы к исходным пунктам. «Движение познания к объекту всегда может идти лишь диалектически: отойти, чтобы вернее попасть — отступить, чтобы лучше прыгнуть

(познать)»¹. Вот почему В. И. Ленин писал, что «движение и становление, вообще говоря, могут быть без повторения, без возврата к исходному пункту и *тогда* такое движение не было бы «тождеством противоположностей». Но и астрономическое и механическое (на земле) движение и жизнь растений и животных и человека — все это вбивало человечеству в голову не только идею движения, но именно движения с возвратами к исходным пунктам, т. е. диалектического движения»².

Итак, исходное отношение, выражавшее абстрактное начало, развертывалось, модифицировалось и, проходя через все необходимые ступени восхождения, «обрастал» как «снежный ком» все новыми и новыми определениями, становилось богаче и конкретнее и в своей эволюции достигло того высшего состояния, в котором оно осуществляет *самосознание*. Возникновение самосознания материи, стало быть, есть итог исторической эволюции самой материи, продукт ее высшего состояния — общественно-исторической практики людей.

¹ В. И. Ленин, т. 29, стр. 252.

² Там же, стр. 308.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	5
Введение	9
Основные исторические формы материализма и диалектики	9
§ 1. Наивный стихийный материализм и наивная стихийная диалектика	11
§ 2. Метафизический материализм и идеалистическая диалектика	16
§ 3. Диалектический материализм	25
А. Сущность переворота, совершенного марксизмом в философии	26
Б. Предмет диалектического материализма	36

Часть первая

УЧЕНИЕ О МАТЕРИИ

Г л а в а п е р в а я .

Материя как исходная абстракция	57
§ 1. Практика — основа, источник познания	57
§ 2. Принцип рассмотрения в чистом виде и субординация категорий	60
§ 3. Единичное	68
§ 4. Всеобщее	71
§ 5. Категория материи	79
§ 6. Объективность рассмотрения	89

Г л а в а в т о р а я .

Качество и количество	93
§ 1. Качество	93
§ 2. Количество	101
§ 3. Мера	113
§ 4. Скачок	116

Глава третья.

Движение	129
§ 1. Пространство и время	129
§ 2. Движение и покой	140
§ 3. Рассмотрение предмета в его движении	152

Глава четвертая.

Единство противоположностей	167
§ 1. Единство	172
§ 2. Тожество	182
§ 3. Различие	189
§ 4. Противоречие	194

Глава пятая.

Сущность и явление	230
§ 1. Сущность	230
§ 2. Явление	238
§ 3. Взаимопревращение сущности и явления	241

Глава шестая.

Содержание и форма	244
§ 1. Содержание	244
§ 2. Форма	250
§ 3. Взаимопревращение содержания и формы	257

Глава седьмая.

Необходимость и случайность	267
§ 1. Необходимость	267
§ 2. Случайность	274
§ 3. Взаимопревращение необходимости и случайности	277

Глава восьмая.

Причина и следствие	280
§ 1. Причина	280
§ 2. Следствие	289
§ 3. Взаимопревращение причины и следствия	289

Глава девятая.

Действительность и возможность	294
§ 1. Действительность	294
§ 2. Возможность	298
§ 3. Взаимопревращение действительности и возможности	301

Глава десятая.

Отрицание отрицания	315
§ 1. Два вида отрицания	315
§ 2. Возврат якобы к исходному	:	:	:	:	:	:	320
§ 3. Триада	323

Минасян Артавазд Михайлович

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

(курс лекций, прочитанный аспирантам)

Редактор **С. В. Пономарева**

Сдано в набор 20.X-71 г.

Объем 21 п. л.

ПК 22001.

Подписано к печати 3.1-72 г.

Тираж 10000 экз.

Заказ 14.

Цена 1 р. 20 к.

Типография изд-ва «Курская правда», г. Курск, ул. Ленина, 77.

Зак. 5362.

Отпечатано с готовых матриц в тип. им. Калинина областного
управления по печати в г. Ростове-на-Дону.